

ВЕСТНИК
ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь

Москва 2015

Издание выходит
раз в квартал

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
А.В. Макаркин
М. Мертез (ФРГ)
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
В.А. Рыжков
Ю.П. Сенокосов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь: *С.А. Максимов*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Верстка: *Валерия Козак*

Фото: *Олег Начинкин*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
НО «Благотворительный фонд культурных инициатив (Фонд Михаила Прохорова)»,
М.М.Задорнова, группы компаний «Рольф».*

Содержание

№ 2–3 (68) 2015

К читателю

Культур много, цивилизация — одна 5
Юрий Сенокосов

Тема номера

Российское общество: реалии и химеры 14
Владимир Рыжков

Вызовы и угрозы

Джихадизм — новая угроза 24
Эмиль Паин

Верховенство права

Международное космическое право 43
Цезарио Гутьерес Эспада

Историческая политика

Отношение к истории в Германии и Франции 51
Ютта Шеррер

История учит

Макиавелли и мы 62
Андрей Захаров

Нужны ли границы дозволенного?
(Цензура и лицензирование литературы в Англии) 75
Леон Конрад

Гражданское общество

Гражданское образование в контекстах мировой истории 81
Александр Согомонов

Россия и Европа

Россия и Европа после «конца истории» 98
Андрей Колесников

Точка зрения

Откуда и куда идем? 106
Александр Волков

СМИ и общество

О СМИ и этике журналиста 120
Хильде Хаугсгьер

Персонализация информации: возможности и пределы 126
Наталья Лосева

Концепция

Эскиз дорожной карты России и Китая 134
Ян Чен

К 85-летию М.К. Мамардашвили

Мераб Мамардашвили как аналитический философ 141
Родион Гаршин

Встреча 150
Юрий Сенокосов

Книги

Какими были и во что превратились наши СМИ 154
Андрей Захаров

Контрапункт 156
Владимир Рыжков

Nota bene

Последний год той жизни... 165
Леонид Лиходеев

Обязанности власти и обязанности гражданина
Задачи ведомства народного просвещения 172
Питирим Сорокин

В оформлении этого номера журнала использованы работы авторов из Великобритании, Венесуэлы, Испании, Италии, Нидерландов, России, США, Франции, ФРГ, Швейцарии.

28–29 октября Ассоциация школ политических исследований Совета Европы провела в Берлине форум «В поисках утраченного универсализма», посвященный развитию гражданского общества.

Цель форума — возрождение общественного, гражданского духа 1946–1950 годов, когда после двух мировых войн по инициативе граждан не только Европы, но и других континентов создавались такие международные организации, как ООН, Всемирный совет церквей, Совет Европы, Европейский суд по правам человека. То есть возникло универсальное правосознание, которое нашло выражение в основополагающих международных документах: Всеобщей декларации прав человека ООН, Уставе Совета Европы, Европейской конвенции по правам человека.

Участников форума приветствовали министр иностранных дел ФРГ Франк-Вальтер Штанмайер и президент Ассоциации школ политических исследований, генеральный секретарь Совета Европы (1989–1994) Катрин Лалюмьер.

С основным докладом, который публикуется ниже, на форуме выступил основатель Московской школы гражданского просвещения **Юрий Сенокосов**

Культур много, цивилизация — одна

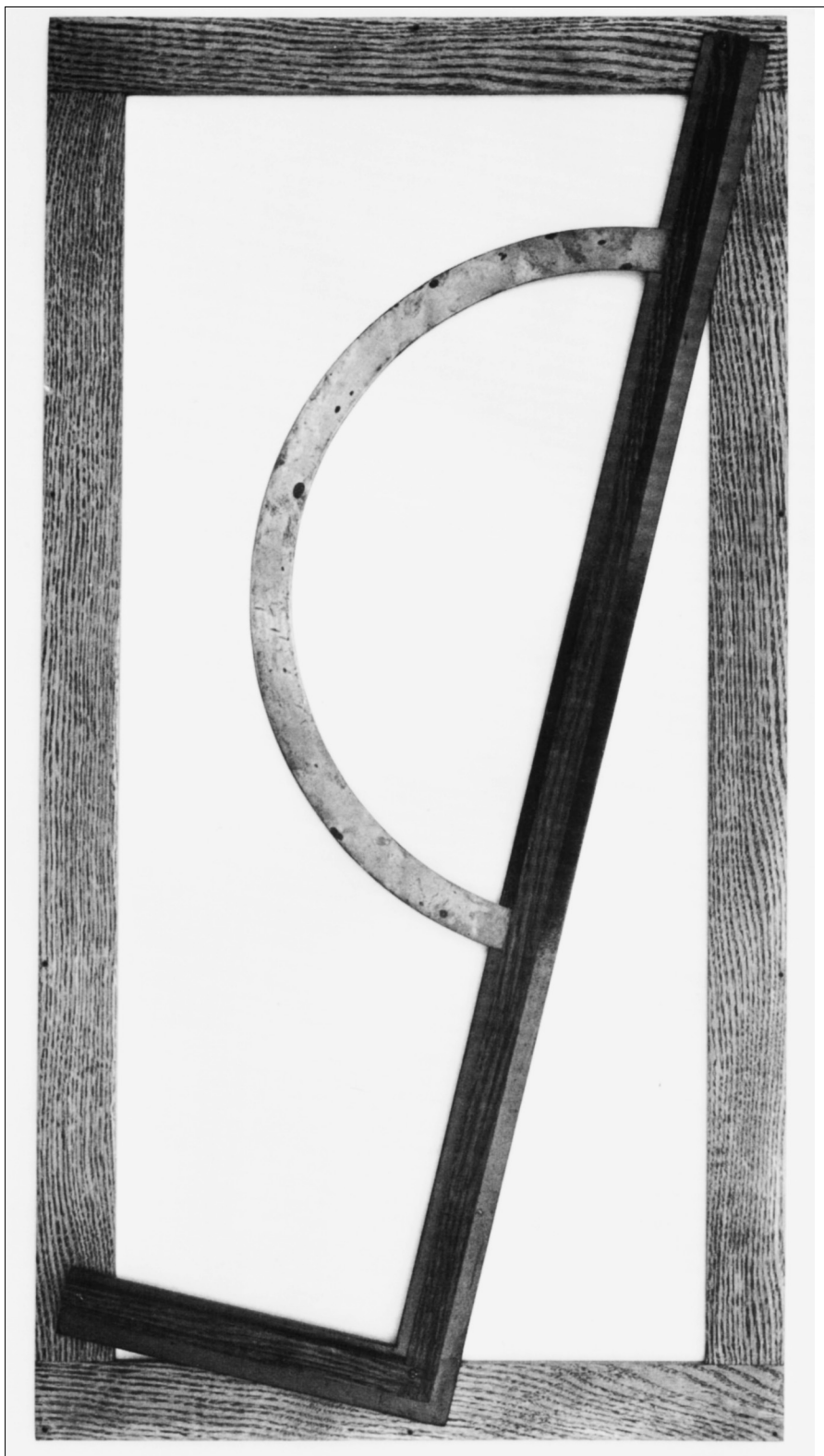
Известно, что слова «глобальный» и «универсальный» латинского происхождения и обозначают фактически одно и то же. А именно — нечто всеобщее. Но есть между ними и важное отличие. Если прилагательное «глобальный» (от латинского **globus**, то есть шар) определяет нечто, относящееся к территории всего земного шара — отсюда термин «глобализация», то слово «универсальный» (от лат. **universalis**) хотя и обозначает нечто всеобщее, но уже не как существующее в пространстве постоянно, а как включающее в себя некую меняющуюся совокупность или общность людей.

К сказанному добавлю: в отличие от латинского слова «глобус» есть еще слово, но уже греческого происхождения «сфера», тоже обозначающее шар, но смысл у него другой. Сфера это то, что над земным шаром. В XX веке французский теолог и ученый Пьер Тейяр де Шарден и русский ученый Владимир Вернадский назвали это ноосферой в отличие от биосферы.

И в этой же связи назову еще один термин — «универсалия», напомнив, что в Средние века универсалиями философы и теологи называли общие понятия и спорили об их происхождении. Суть же спора сводилась к следующему.

Все мы нередко употребляем слова «вид» и «род», не задумываясь об их происхождении. А философы еще в

Василий Ермилов. Композиция № 3.1923

античное время задались вопросом: существуют ли роды и виды самостоятельно, и в таком случае телесны, материальны ли они или же существуют только в мышлении? А если только в мышлении, то существуют ли они отдельно от чувств или находятся в чувственных явлениях? И мы живем сегодня не просто в мире знания, полученного благодаря нашим органам чувств — глазам, ушам, носу, осязанию. А в мире *научного* знания: в мире физики, биологии, математики, социологии, политэкономии.

Что это значит? Это значит, что долгом ученого является поиск, как сказал бы Эйнштейн, общих элементарных законов, из которых путем дедукции можно получить картину мира. Но к этим законам, говорил он, ведет не логический путь, а только основанная на проникновении в суть опыта интуиция. И поэтому закон не может быть точным, потому что понятия, с помощью которых он формулируется, могут развиваться и со временем оказаться недостаточными. И поэтому ученый должен обладать своеобразным религиозным чувством, то есть не считать, что те взаимосвязи, которые он постигает, впервые придуманы именно им.

Так вот, возвращаясь к вопросу о родах и видах. Этот вопрос стал в Европе основой почти тысячелетнего схоластического спора об универсалиях, в ходе которого выделились три основных подхода к его решению — реалистов, номиналистов и концептуалистов*, стимулируя развитие логики и онтологии и одновременно теологии. А затем, поскольку доминирующей темой философии Нового времени был поиск оснований достоверного познания, также требовавший решения проблемы универсалий, спор продолжался и продолжается в наши дни, но уже с ориентацией на языковое поведение как предельную смысловую реальность в условиях глобализации. А именно — распространения по земному шару благодаря рынку научно-технических открытий и изобретений, что вызывает наряду с положительными эффектами взрывы архаизации в модернизирующихся обществах, вспышки фундаментализма в религиозных предпочтениях и формирование культа национально-культурной исключительности. А значит, в этих условиях непреодоленное прошлое вполне может стать одним из возможных вариантов будущего. И чтобы этого избежать, явно недостаточно просто критически реагировать на вызовы и противоречия глобализации, необходимо выстраивать моральную и интеллектуальную альтернативу ее угрозам. А именно — думать не только о глобальных интересах, но и об универсальных ценностях.

То есть я хочу тем самым сказать, что мы живем в эпоху глобализации и одновременно в период глобального, охватившего весь мир кризиса, когда все предшествующие формы и способы преодоления кризисных явлений

* Реалисты признавали объективную реальность общих понятий (универсалий), то есть полагали, что они существуют независимо от конкретных вещей. Номиналисты считали, что общие понятия являются лишь именами (лат. *nōmen* — имя, название) единичных предметов, то есть признавали первичность вещей и вторичность понятий. Тогда как концептуалисты отрицали реальное существование общих понятий независимо от единичных вещей (в противоположность схоластическому реализму), но признавали в отличие от номиналистов существование в уме концептов.

не работают. Идет ли речь об экологии, кризисе в финансовой сфере, гонке и продаже вооружений, беженцах, демографии. Философия Нового времени поставила задачу изучить природу и поставить ее на службу человеку. В середине XX века, как известно, утверждается идея коэволюции — совместного развития человека и природы. Но, судя по всему, существующий хрупкий баланс между естественной и искусственной средой обитания человека сегодня тоже нарушен.

Возможна ли в этих условиях интеллектуальная альтернатива глобальному кризису?

Обратимся к истории Европы и ее великому наследию — античности и христианству. Вспомним, что античность оставила нам в наследство веру в завоевания человеческого ума с помощью грамматики, логики и риторики, когда, по словам философа Мераба Мамардашвили (1930–1990), впереди понимающей мысли нет ничего другого, она сама впервые завязывает историю. А христианство внесло в европейское общественное сознание трехчастную структуру «символа веры» и идею нравственного восхождения человека.

Именно эти два начала определяли своеобразие европейской истории и культуры: ее динамизм, специфическую, гибкую систему ценностей и понятий, ее способность к моделированию и проектированию социальных процессов на основе культурных символов и знаков, социально-упорядочивающих и научных. Это позволило европейцам изобретать, с целью достижения совместной более комфортной жизни, разные предметы мысли, идет ли речь о философии, сфере искусства, экономики, о разделении властей, судебной системе и т.д.

Это и есть вклад Европы в созидание современной цивилизации.

А начиналось все с грамматики, логики и риторики, так как древние греки решили, и не без оснований, что главное, чему стоит учить детей — это, во-первых, уменю грамотно писать, во-вторых, думать и здраво рассуждать и, в-третьих, убеждать других.

«Логика, риторика и грамматика, — писал в XIV веке философ и теолог, родившийся в Англии, Уильям Оккам, — суть подлинно практические руководства, а не умозрительные дисциплины, поскольку эти три области знания поистине управляют разумом в его деятельности».

Я процитировал в данном случае Оккама, а не Августина, который жил на тысячу лет раньше и в сочинениях которого тоже встречаются похожие фразы, чтобы ответить, во-первых, на вопрос, который сформулировал Мамардашвили: где была греческая мысль, когда древние греки исчезли, а адресат еще не появился? Разумеется, в языке, о котором свидетельствует приведенная цитата.

И, во-вторых, сказать: если Августина можно отнести к представителям эпохи универсализма веры, то Оккам ее фактически завершает и начинается эпоха универсализма разума.

Начну с Августина, поскольку первое теологическое описание названных дисциплин о языке и его использовании появилось в его трактате «О порядке». Позднее они получили известное название *тривиум*, в переводе с латинского «перекресток трех дорог».

Напоминаю об этом, потому что со II века нашей эры именно на этом символическом перекрестке стали встречаться духовно-религиозные вожди христианства, Учителя Церкви, демонстрируя прекрасное владение триумфом во время споров и дискуссий о божественных догматах.

Итак, где была греческая мысль, когда древние греки исчезли, мы уже знаем. В языке. А языков, как известно, много. Я имею в виду не только естественные языки, но и профессиональные — язык философии, теологии, физики, биологии, социологии. Однако мысль не язык и не знание, не понятие. Это концепт, от латинского слова *conceptum* — зародыш.

Так, где же находится источник мысли, не поддающейся компьютерной и иной, логической формализации? Ведь когда мы говорим, мы слышим и воспринимаем слова, их значения, смысл, а не просто физические звуки. Как можно, например, нечто увидеть и создать, что невозможно на первый взгляд даже представить? И тем не менее это происходит. Причем я имею в виду не только современную технику, современные города, предметы и вещи повседневного обихода, произведения искусства, то есть так называемую вторую, искусственную природу, но и независимый суд, независимую прессу, разделение властей, современную демократию.

Следовательно, на язык сегодня стоит и нужно обращать внимание в первую очередь. Ведь в любом языке есть некая тайна или загадка происхождения, явно предполагающая осознание человеком своего несовершенства, которое он стремился преодолеть. В самом естественном языке с помощью логики (науки о законах и операциях правильного мышления), грамматики (науки о языке), искусства риторики, отвечающей за речевую коммуникацию. В области религиозного и светского искусства — с помощью создания музыкальных произведений, художественных и поэтических образов; в политической и социально-экономической сфере — с помощью разделения властей, права. Не говоря уже о современных технических средствах массовой коммуникации — печати, радио, кинематографе, телевидении, Интернете. Насколько успешно такое преодоление человеком своего несовершенства — другой вопрос. Но нет сомнения, что об этом стоит думать, не забывая одновременно о тех удивительных прозрениях, открытиях и изобретениях задолго до эпохи Нового времени, которые стали основой последующего познания человеком мира и себя в мире и развития общества.

То, что я сказал, несомненно, имеет отношение к культуре. А точнее — к цивилизации, поскольку культур, как и языков, много, а цивилизация одна. И дальше постараюсь это показать.

Известно, что новоевропейская культура возникла как естественная форма замещения религиозного культа, как способ секуляризации иудейско-христианских представлений о творчестве Бога. Именно секуляризация подорвала авторитет Бога и церкви, поставив на их место авторитет разума. Но это не значит, что разум отказался от веры, а вера перестала нуждаться в разуме. Причиной секуляризации была не вера, а, безусловно, распушенность нравов среди католического духовенства, включая папский двор,

вызвавшая широкое общественное движение за реформирование церковных догматов и обрядов. А также первые зримые успехи и достижения разума в области градостроительства, производства, развития торговли и т.д. Однако все это происходило пять столетий назад, а сегодня мы живем в эпоху глобализации, когда старый спор об универсалиях приобрел новые формы. И рассматривается в наши дни в перспективе многообразия культур и обществ в контексте выбора некоего единого, универсального пути развития. «Культур много, а цивилизация одна».

Ученый наверняка сформулировал бы эту тему иначе — через соединительный союз «и»: культура и цивилизация. Журналист, по понятным причинам, тоже иначе, скорее через разделительный союз «или». А у философа Мераба Мамардашвили это необычное словосочетание появилось в одном из его интервью 1989 года.

Появилось не случайно. Советский Союз распался, и думающие люди, естественно, реагировали на происходящие события. «И вы, люди Запада, и мы, с Востока, — говорил в те годы М.М., выступая на международном симпозиуме в Париже, — находимся в одной исторической точке... сходной по своей природе с тем, что предъявили нам Первая и Вторая мировые войны... перед нами все та же опасность и та же ответственность». «У Европы нет возраста, она всегда в состоянии рождения. Именно так и следует рассматривать ее ответственность».

А теперь цитата из названного интервью «Другое небо». «Я считаю, — говорил М.М., — что контакт между культурами невозможен. А то, что я называю контактом, есть то, что условно можно назвать цивилизацией — не в смысле уничижительного различия цивилизации и культуры. Наоборот, я считаю, что культур много, а цивилизация — одна. Она же и есть контакт. А в строгом смысле между культурами контакта быть не может. Тем более с культурами, которые возникали не на оси мировых религий».

То есть «не может» в принципе до эпохи *Achsen zeit* (осевого времени), как сказал бы Карл Ясперс, который придумал этот термин и использовал его в своей книге «Истоки истории и ее цель».

А после «осевого времени»? Также не может, потому что, соприкасаясь, входя в контакт, культуры начинают «искрить» подобно электрическим проводам под напряжением. С одной оговоркой — вначале о проводах: благодаря изобретенному трансформатору для преобразования тока и устройствам релейной защиты электроэнергетических систем провода не искрят.

То есть я хочу сказать, проводя эту параллель, что контакт между культурами возможен, когда появляются, назовем их так, социальные трансформаторы, выполняющие функцию цивилизующего начала. Решая разные задачи в разное время, европейцы (я имею в виду философов и физиков) добились фактически сходного цивилизационного результата. Изобрели две конструкции — социально-институциональную и физическую, которые позволяют сохранять и передавать в одном случае естественный свет разума, а в другом — искусственный свет, энергию, производимую с помощью техники.

Говорят, человеческая жизнь — тайна, а ее разгадка относится к эпохе «осевого времени» (VIII–II вв. до н.э.) и связана с рождением человеческой личности, причем как в Европе, так и в Азии. А именно — с появлением индивидуально и личностно датируемых моральных учений (Конфуций и Лао-цзы в Китае), мировых религий (пророки в Палестине, Упанишады и Будда в Индии), греческих философов. Это было время, пишет Ханна Арендт в своей статье «Карл Ясперс: гражданин мира», когда мифологии были отвергнуты или использованы как основания великих мировых религий с их представлением о едином трансцендентном Боге; когда человек открывает Бытие как целое, а себя — как радикально отличного от всех прочих существ; когда впервые человек становится вопросом для себя самого и начинает мыслить о мышлении. Короче говоря, когда люди изобретали новые индивидуальные формы жизни. Благодаря чему?

Благодаря открытой человеком способности *трансцендировать* свое природное, эмпирическое состояние, выходить за него.

«Выходить» не из себя, тогда, как известно, мы теряем ум, а выходить за природное состояние, сохраняя ум. Куда выходить? С эпохи «осевого времени» известно: к Богу, Благу, в Бесконечность, в Пустоту. Для ответа на этот вопрос существуют сегодня разные понятия (в математике — пустое множество, в физике — пространство, в социологии — социальное пространство). То есть пустота необязательно негативна, в ней скрыты неожиданные возможности.

Итак, я возвращаюсь к контакту. Контакт — это акт понимания, совершаемый человеком лично. Это и есть цивилизующее начало, которое блокируется культурами по разным причинам и самыми разными способами, как это происходило в СССР, где большевики были уверены, что начинают историю с чистого листа.

Так что же заставляет тем не менее людей разных взглядов и вероисповеданий продолжать стремиться снова и снова к реализации в общественной жизни таких абстрактных понятий, как общественное благо, справедливость, свобода, демократия?

С одной стороны, и я уже об этом говорил, знание о несовершенстве человека как такового, его склонности к обману, зависти, коварству, насилию, а с другой — здравый смысл, поскольку все мы интуитивно принадлежим к человеческому роду и нас не оставляет надежда на преодоление насилия не только личными усилиями, но и усилиями общества, когда возникают конфликты и кризисные ситуации.

Истина коммуникативна. Или можно сказать иначе: она находится там, где связь одного «я» с другими «я» происходит экзистенциально, на уровне чувств. И поэтому, хотя истина ни на чем не держится, это не значит, что

Знание о добре не передается механически, сколько бы мы ни повторяли, что надо «иметь совесть», надо «жить не по лжи», «нельзя убивать»

Генри Мур. Человек, сидящий на изогнутой ступени. 1957

она не объединяет людей. Иначе философы и теологи не писали бы свои трактаты, не создавались бы произведения искусства и литературы. А в наши дни сторонники разных истин и люди разных национальностей не стремились бы к преодолению конфликтов и к миру и не обсуждали на международных конгрессах и конференциях проблемы экономики, экологии, здравоохранения.

Однако повседневная жизнь далека от умопостигаемых идей, потому что естественный язык, на котором мы говорим, неизбежно склоняет нас искать ответы на волнующие вопросы в области воспринимаемого, то есть видимого или слышимого, а не в том, что и как мы действительно понимаем то, что воспринимаем.

Я обращаю на это внимание, чтобы еще раз вернуться к Ясперсу и напомнить, что основополагающим в его философии истории является термин «коммуникация», когда он говорит, что в сфере «экзистенциального» истина и коммуникация суть одно. И хочу подчеркнуть, что ясперсовская коммуникация и мамардашвилиевский контакт фактически тождественны по смыслу. Если учесть, что с истиной ничего не происходит. Это уже слова Мамардашвили. Истина, утверждал он, ни на чем не держится, но зато держит все остальное. А именно — непрерывность истории в ее цивилизацион-

ном, сознательном измерении. Сознательном в том смысле, что частица «со» в слове «сознание» указывает на измерение невидимого. Или, другими словами, на факт вербализованного человеком *знания* в некоем состоянии, подобном озарению, в котором оно получено. И это справедливо не только для русского языка, но и для английского, для языков романской группы. Что явно указывает на некий первичный метафизический акт, конституирующий человека в качестве личности и одновременно выделяющий ее в виде специфического морального феномена в этике и культуре. То есть когда моральный поступок не выводим напрямую из понятия морали, так как иначе было бы легко совершать моральные поступки. Но люди совершают их — не потому что соотносят при этом слово «добро» и слово «зло» и решают, что добро обязательно победит зло. Совершают подобно библейскому Иову. Поскольку у добра, как и совести, нет причин. И поэтому знание о добре не передается механически, сколько бы мы ни повторяли, что надо «иметь совесть», надо «жить не по лжи», «нельзя убивать».

«Я знаю, что ничего не знаю», — так выразил когда-то Сократ, прекрасно владевший грамматикой, логикой и риторикой, свое мыслительное кредо. В этом сосредоточенном желании (поскольку здесь важен акцент на слове «знаю», что не знаю) удержать нечто, что открывается на границе знания о неизвестном, и заключена драма человеческой свободы. И разыгрывается она в зависимости от человеческих способностей и усилий к творческому, созидательному существованию. Это и есть цивилизация, наследующая дух античности и христианской религии. Мыслью и словом человек творит мир и на это особенно важно и нужно обращать внимание в эпоху глобального кризиса.

Человечество — это коллективное мифологическое инерционное тело, которое поглощает вспышки истории, говорил Мераб Мамардашвили. А наши акты понимания следует рассматривать как момент истории, как контакт, совершаемый лично. И благодаря этому мы вступаем в ее непрерывность. Это и есть некий длящийся в долгом времени контакт, который можно назвать цивилизацией.

А это значит, что духовное и интеллектуальное общение между людьми неизбежно. Это и есть цивилизация как объединяющая сила. Только общаясь и сознавая себя гражданами, мы начинаем жить в цивилизованном мире, или, другими словами, в гражданском обществе, которое сегодня уже не имеет границ. А если они есть, то условны, благодаря появившемуся Интернету и пространству безграничной коммуникации.

Гражданское общество и гражданская нация, как и империя, однажды появившись как социокультурные феномены и понятия, продолжают существовать. Идея «империи» реализуется в наши дни через науку и бизнес (без границ, глобально). Это естественный процесс, как и развитие гражданского общества. Проблема развивающихся стран, включая Россию, — как войти в этот глобальный процесс «перевода» гражданских чувств на язык рационального понимания универсальных ценностей.

*Владимир Рыжков,
политик, публицист*

Российское общество: реалии и химеры

Поговорим о том, что в последние годы часто оказывается в центре политических дискуссий, — о нашем народе, его интересах и устремлениях и особенностях восприятия действительности. В частности, хотелось бы понять суть тех пресловутых восьмидесяти шести процентов народа, которые довольны почти всеми действиями власти, и четырнадцати процентов, которых, по-видимому, не все устраивает. Меня постоянно спрашивают, особенно иностранцы: неужели вправду настолько велика поддержка? Может быть, люди чего-то не понимают? Может, все это свойство народа? Действительно, есть две крайние точки зрения. Первая сводится к тому, что таков народ, и власти ничего другого не остается, как идти вместе с народом, выражая его интересы и чаяния. Вторая точка зрения иная: народ настолько легковерен, что становится жертвой массовой пропаганды. А пропаганда настолько мощна, настолько умела, что может одурачить подавляющее число людей. Попытаюсь сформулировать свое понимание того, что происходит у нас в этом взаимодействии власти и народа. Все тут не так просто. Нельзя говорить, что у нас народ такой. Но точно так же нельзя считать его и жертвой пропаганды. Это взаимодействие гораздо более сложное, гораздо более комплексное, и оно способно генерировать серьезные последствия для судеб страны. Первый вопрос, который меня заинтересовал: а вообще надо ли авторитарному режиму обращаться к массовому сознанию и рейтингам? Если режим авторитарный, зачем ему вообще оглядываться на общественное мнение? И я пришел к выводу, что даже для авторитарных режимов состояние массового сознания и общественного мнения исключительно важны. Во-первых, потому, что высокие рейтинги власти решают проблему ее легитимности. Ведь если в стране, по сути, нет свободных выборов, то как иначе власть может получить легитимность?

В научном обороте приняты три вида легитимности. Легитимность может быть основана на традициях. Ну, например, господство Романовых, или каких-нибудь Бурбонов, или Гогенцоллернов. На чем строится их легитимность? На династической традиции, «божественном праве» на власть.

Вторая форма легитимности — революционная. Примером ее являлась большевистская партия. И те из нас, кто постарше, помнят, что весь советский нарратив, то есть повествование о прошлом, строился на Октябрьской революции. И вот эта революционная легитимность тоже очень важна. Примером такой легитимности сейчас является коммунистическая партия Китая. В Китае ведь тоже нет свободных выборов, но партия легитимна. На чем строится ее легитимность? На двух опорах. Первая: после Второй мировой войны китайские коммунисты во главе с Мао Цзэдуном победили в гражданской войне армию Чан Кайши и создали Китайскую Народную Республику. И второе основание легитимности компартии — это экономический рост, который начался при Дэн Сяопине в семидесятых годах и продолжается до сегодняшнего дня.

Для размышления две интересные цифры: с начала реформ (1978) ВВП Китая вырос в двадцать пять раз. В России с момента образования ее в нынешнем виде, с 1991 года, — в четыре раза.

Китайский нарратив таков: компартия Китая победила японцев во Второй мировой войне и освободила страну от японских захватчиков, одержала верх в гражданской войне против режима Гоминьдана, создала современное государство, раздала землю крестьянам, а после 1978 года благодаря гению Дэн Сяопина возглавила самую успешную модернизацию в современном мире.

Конечно, китайцы понимают, что у них нет демократии, нет свободных выборов,

нарушаются права человека. Но революционно-модернизаторский нарратив настолько силен, что он обеспечивает высокий авторитет китайского руководства. Плюс к этому они регулярно меняют начальников. У них генсек не может руководить больше двух сроков. И они меняют каждые десять лет команду политических и иных лидеров. Это создает образ новизны. Каждый раз возникают новые надежды, пересматриваются жизненные программы. В принципе это хорошо работающая система.

Революционная легитимность к сегодняшней российской политической системе неприменима, потому что нынешняя власть в России никак не связана с октябрьским переворотом, с созданием государства. И модернизационной легитимности у нас нет, потому что особых успехов в обновлении экономико-институциональной сферы не наблюдается.

Демократическая легитимность — это третий (рациональный) тип легитимности. Это когда претенденты на власть получают свою легитимность на свободных выборах, и ее у нас тоже нет.

Значит, у нас не действует ни одно из трех обоснований легитимности — ни традиционное, ни демократическое, ни революционное. Поэтому единственный способ подтвердить легитимность — обеспечить высокий рейтинг. И этот аргумент постоянно звучит: отвяжитесь от Путина, у него рейтинг под девяносто процентов. Точка. И этот аргумент, в общем-то, действует даже на наших западных друзей.

Главная задача в авторитарных государствах — легитимация лидера. А для этого нужен контроль массового сознания.

Особое состояние массового сознания и общественного мнения нужно для того, чтобы у властей была возможность проводить свою политику, в том числе непопулярную. Например, если, как сейчас, сокращаются заработные платы, ликвидируются больницы, хронически недофи-

Ольга Розанова. Фабрика и мост. 1913

нансироваться здравоохранение, образование, наука, культура, спорт, то общественное мнение может принять такую политику и не будет сопротивляться, если люди верят, что это необходимо.

Массовое сознание и общественное мнение нужно настроить так, чтобы оправдать репрессии в отношении оппозиции, не допустить ее до выборов. Опросы российского общественного мнения, например, показывают отрицательное отношение людей к НКО, ко всякого рода активистам. А если это так, то и преследование НКО становится явлением общественно одобряемым. И можно проводить политику, заявляя: вот видите, люди тоже недовольны. Или — общественное мнение крайне негативно относится к зарубежному финансированию, следовательно, и его можно легко отменить.

Такое состояние массового сознания помогает авторитарному режиму выстроить ситуацию, когда политика правящей группы становится безальтернативной.

И последнее, самое, пожалуй, страшное, это то, что создается нужное общественное мнение для оправдания вмешательства в вооруженный конфликт на юго-востоке Украины. Приведу пример. Если бы не было этой гигантской пропагандистской кампании про хунту, фашистов, бандеровцев в Киеве и так далее, то гораздо сложнее было бы вербовать добровольцев на юго-восток Украины. Гораздо сложнее было бы направлять туда военных. Могу сослаться на ставшее знаменитым интервью раненного под Дебальцево бурятского танкиста, которое, кстати, так никем и не было опровергнуто. Он рассказывает, как его танковую часть подняли по тревоге в Улан-Удэ, и, закрасив номера танков, погрузили их на железнодорожные платформы. Привезли сначала в Ростов, потом в Донецк, и потом бросили на Дебальцево. Но наиболее интересна та часть интервью, где журналистка «Новой газеты» его спрашивает: «А зачем

вы туда поехали?» И он начинает говорить, что в Киеве хунта, русских угнетали, их надо было защищать, и он пошел туда, потому что убежден, что мы делали правильное дело, и т.д.

Такое массовое сознание необходимо на случай войны, потому что люди не пойдут умирать и не пойдут убивать, если они в это не верят.

Поэтому мой первый тезис состоит в том, что не только для демократических систем массовое сознание, сознание общества имеет ключевое значение. В демократических обществах оно определяет, кто во власти, кто в оппозиции и т.д. А в авторитарных системах, где нет выборов, зачем, казалось бы, оборачиваться на общественное мнение? Но на самом деле и здесь оно жизненно важно, потому что дает возможность властям проводить необходимую политику, создавать режим безальтернативности, преследовать оппонентов и на крайний случай мобилизовывать людей на войну.

Второе. По поводу пропаганды, которая играет определяющую роль в формировании массового сознания. Это массивная, спланированная, целенаправленная, четко сфокусированная дезинформация общества в интересах тех, кто эту пропаганду осуществляет. Здесь очень важно, что для того, чтобы пропаганда была успешной, необходимо подавить альтернативные источники информации. Приведу примеры.

Рекомендую прочитать потрясающую книгу Энн Эпплбаум, изданную в этом году Школой. За последние десять лет она выпустила два классических труда, которые стали бестселлерами. Сначала написала глубокое систематическое, абсолютно научное исследование о системе ГУЛАГа в СССР. А не так давно вышел ее такой же фундаментальный труд «Железный занавес», где рассказывается, как после 1945 года в восьми освобожденных Красной армией странах Европы были

установлены тоталитарные режимы советского сталинского типа.

Представьте себе Польшу, Чехию, Венгрию, которая была вообще частью Австро-Венгерской империи. Как можно было в этих обществах в течение двух-трех лет установить коммунистическую однопартийную диктатуру, притом что коммунисты здесь до войны были маргинальными партиями и имели весьма слабое влияние.

Энн Эпплбаум описывает, какими были действия советских властей после освобождения этих стран.

Во-первых, они создавали местную тайную полицию — аналог НКВД–КГБ. В каждой стране это называлось по-своему, но суть та же самая. Кадры для этих подразделений готовились еще во время войны в Куйбышеве (это Самара). Сюда были переведены высшие учебные заведения НКВД СССР. И уже в годы войны, в 1942–1943 годах в Самаре в этой школе готовились национальные кадры для будущих спецслужб будущих социалистических стран. То есть туда набирали чехов, поляков, венгров, немцев в основном из числа коммунистов. И как только Красная армия приходила, тут же создавалась тайная полиция. У них заранее были заготовлены списки людей, из числа лидеров общественного мнения, политиков и так далее, которых необходимо было изолировать. Но занимались не только этим. Они, конечно, арестовывали и нацистских преступников, и пособников нацизма. Но параллельно с этим зачищали политическое поле в этих странах для создания и поддержания диктатуры. Во-вторых, они брали контроль над радио, как главнейшим средством массовой информации в ту пору. В первые же дни после освобождения советские оккупационные власти брали под контроль радиостанции и начинали транслировать совершенно новый для местного населения нарратив.

Энн Эпплбаум пишет, что в Берлине была радиовышка и огромный радиоцентр нацистской Германии, который транслировал геббельсовскую пропаганду. Там даже штат особенно не поменяли, даже дикторы были те же. И они стали готовить и вещать населению Восточной Германии и Берлина новый контекст, напроць отрезав население от иной информации.

Но самое интересное третье, что меня совершенно потрясло, — они стали заниматься в первые же дни разгоном НКО: студенческих советов, скаутских организаций, католических союзов, женских организаций, которые помогали особо потерпевшим жителям, кормили бедных и пр. То есть с самых первых дней громили НКО.

А позже начался процесс запрета оппозиционных партий, фальсификация выборов, репрессии против оппозиционных политических деятелей.

Итак, три ключевых элемента для установления и поддержания тоталитаризма: репрессивные структуры, контроль над информацией и разгром третьего сектора. Почему именно они стали ключевыми, понятно. Тайная полиция, как бы она ни называлась, занимается «разработкой» лидеров общественного мнения, тех, кто создает альтернативную картину мира, иные смыслы.

Радио, а в наше время телевидение, это тот инструмент, который позволяет транслировать официальный нарратив на все население страны. По опросам общественного мнения, в России сегодня телевидение регулярно смотрят девяносто четыре процента населения! Ничто с этим не сравнится, никакой Интернет. Если вам изо дня в день транслируют определенную картину мира, то это, конечно, оказывает огромное воздействие на сознание.

Наконец, третье — НКО. Гражданское общество, ассоциации, неправительствен-

ные организации — это те горизонтальные векторы общества, которые могут формировать альтернативный неугодный власти нарратив. Но вопрос о политической оппозиции становится второстепенным в отсутствие среды, в которой она могла бы действовать и добиваться успехов.

Сейчас в России, к огромному сожалению, остается все меньше независимых источников информации, способных противостоять конформистской картине мира. В медиапространстве господствует массивное целенаправленное воздействие на человеческое сознание для формирования цельной, но при этом ложной картины мира. Эта картина должна поддерживать легитимность власти любой авторитарной страны, позволяя достигать своих целей — как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических.

Таким образом, у нас практически сошлись все факторы авторитаризма. Выстроена полицейская система, которая зачищает городское пространство от «непослушных граждан». В значительной степени монополизировано информационное поле. Даже в Интернете создана достаточно мощная система противодействия альтернативам. Я имею в виду не только блокировку сайтов, но и очень мощную провластную интернет-среду. И сейчас в разгаре попытка разгрома третьего сектора. После чего картина будет уже завершённой.

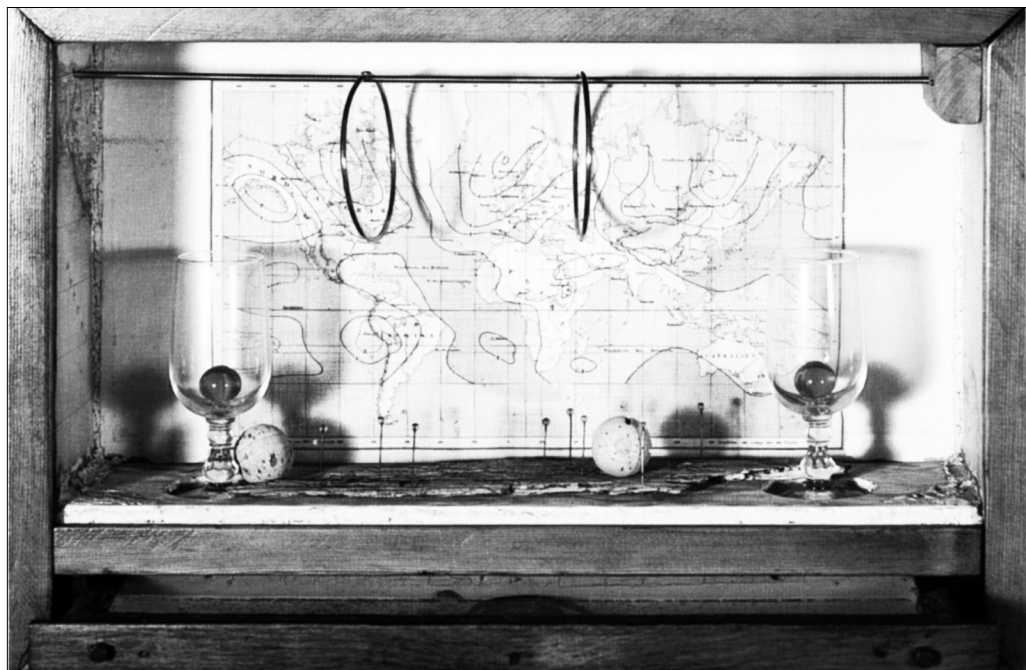
Да, помимо стратегии есть еще, конечно, техника пропаганды. И она у нас абсолютно «блистательная». На эту тему есть прекрасная статья Валерия Соловья, профессора, заведующего кафедрой по связям с общественностью МГИМО, под названием «Как может почти вся страна сойти с ума». Он объясняет методологию и технические приемы манипулирования массовым сознанием. Ну вот, например, вам показывают Майдан. Горят крыши, бегают обезумевшие люди. Монтаж как в хорошем голливудском фильме,

каждый кадр 2–3 секунды, тревожная музыка, низкий мужской голос... И все, ваше сознание уже настраивается на нужную программу восприятия. Именно пропаганда создает нужную картину событий, демонизируя украинцев, называя их фашистами, сплошь бандеровцами, убийцами детей и прочее.

Но только ли пропаганда виновна в том, что результаты некоторых отечественных опросов буквально шокируют? Например, вскоре после показа по ТВ в марте этого года фильма «Крым. Дорога домой» Левада-Центр задал вопрос в связи с фразой Путина о возможности приведения в боеготовность ядерных сил России. 50 процентов опрошенных одобрило такой вариант, и лишь у 27 процентов он вызвал тревогу. Вообще в результате опросов много такого, что просто приводит в оторопь. Является ли это только следствием действия спецслужб, пропаганды, разгрома НКО? Или же все-таки само общество предрасположено к конформизму?

С моей точки зрения, пропаганда может быть успешной только тогда, когда она убедительна, когда общество в нее верит. Иначе говоря, помимо технических приемов и монополии нужна еще и содержательная убедительность социально-исторического нарратива.

Можно вспомнить в этой связи проект на ТВ в 1995 году «Старые песни о главном» и его продолжение в конце девяностых. Тогда как вспышка возникла вдруг ностальгия по советской музыке, советским песням, атрибутике. Потом в конце 2000-го вернулся советский гимн, и опросы показывали его массовое одобрение. Сейчас активно возвращается ГТО, ведется реабилитация фигуры Сталина. Возле Павелецкого вокзала в Москве установлен огромный щит под названием «Победители» — с его портретом, где воссоздается миф о его выдающейся роли в победе. Само собой, вы ничего не найдете при этом про

Джозеф Корнелл. Зоны штормовой опасности. 1958

ГУЛАГ, коллективизацию, убийство тысяч генералов и офицеров перед войной и прочие кошмары.

Шок от реформ девяностых годов породил естественную реакцию, спрос на старое, советское и досоветское. И в этой связи очень интересным документом является новая концепция отечественной истории, которую подписал Путин год назад. Это называется образовательным стандартом, по которому готовятся школьные и вузовские учебники.

Так вот, на мой взгляд, новый стандарт истории — это синтез, или я сказал бы так: механическое объединение двух нарративов — романовского и сталинского. Первый был создан Николаем Михайловичем Карамзиным. То, что мы знаем про русскую историю, — это Карамзин. В «Истории государства Российского» и в своей известной «Записке императору Александру I» Карамзин писал, что главное для России — это мощь, величие и только самодержавие

спасет Россию. Суть романовского нарратива в том, что были хорошие цари, которые били врага, расширяли страну и делали ее более великой, и были слабые цари, которые этого не делали. Словом, история России при Романовых — это история блестящих побед и деяний. Разумеется, обсуждение крепостного права, ошибок, поражений и прочих неприятных вещей не приветствовалось.

Затем возник советский нарратив, большевистский, тоже концептуализированный в классической книге «Краткий курс истории ВКП(б)», которую хоть и не писал, но редактировал Сталин. Причем настолько, что переписывал целые страницы. Фактически этот сталинский нарратив тоже победоносный: большевики в октябре 17-го захватили власть, восстановили доведенную до ручки Романовыми и буржуями великую страну и под руководством коммунистической партии и лично товарища Сталина ведут ее к новым победам.

Наша новая концепция истории — это просто механическое объединение романовского и сталинского нарративов. Наши дети теперь будут знать, что цари молодцы, генсеки молодцы, потому что разбили врагов и увеличили территорию страны. Говорится и о репрессиях, но в том смысле, что были досадные ошибки, по большому счету оправданные, потому что все равно мы победили, а значит, молодцы. В этой «новой истории» говорится и о коллективизации, и о модернизации. А массовые репрессии тридцатых годов называются отходом от демократии. Так и говорится: «В тридцатые годы происходит отход от демократии». И с этим ведь не поспоришь: отход был от демократии и масштабы его до сих пор до конца не измерены.

Итак, задача у авторов концепции была довольно простая, мучиться не надо. Если все Карамзин написал, а большевики подправили, то нечего особенно выдумывать. И если двести лет идеи нарратива были удобны власти, то никакой проблемы нет пересказать историю, всякий раз адаптируя ее к новым условиям и задачам, не забывая главные ее постулаты.

Первый — это апология самодержавной власти, о чем Карамзин и написал Александру I. Тут как раз и возникла знаменитая полемика, в которой граф Сперанский выдвигал переход к конституционной монархии, то есть к ограничению самодержавия законами и институтами, например создав народное представительство в форме Государственной думы. Верх тогда одержала консервативная концепция Карамзина, как наиболее подходящая форма политического устройства именно для России с сохранением образа самодержавного государства и монарха как отца народа, защитника и опекуна.

Второй постулат — апология величия государства, которое понимается исклю-

чительно в трех контекстах: военном, территориальном и геополитическом. То есть страна должна быть сильной в военном отношении, самой большой по территории и влиятельной в мировых делах, способной реализовывать свои интересы в глобальных пространствах. Геополитического величия Россия достигла при Петре I, когда она вошла в число пяти великих держав, а после 1945 года СССР стал одной из двух великих держав. Сейчас Россия пытается удержаться в тройке.

Третий постулат нарратива величия снимает вопрос цены, которую платит за него общество. Я был на ток-шоу Владимира Соловьева: спорили о войне, я говорил о Сталине и той колоссальной цене, которую заплатила страна, — о том, что можно было победить с меньшими жертвами, если бы репрессии не выбили талантливых военачальников еще до войны. Соловьев сформулировал свою точку зрения в том духе, что победа оправдывает любые жертвы, любые лишения, сколько бы людей мы ни потеряли.

Ведь как оправдывалось крепостное право в России? Оно дожило до 1861 года. Ключевым оправданием была необходимость создания ресурсов для армии — и для обороны, и для нападения. То есть во многом крепостное право было заморожено ради поддержания военного, территориального и геополитического статуса страны.

Четвертый компонент государственного нарратива — сакрализация власти, которая в разных формах реализовывалась в разных культурах. В Китае, например, верховный правитель считался «Сыном неба», получавшем от небесного божества высшую власть над всем сущим на земле. Если он следовал путем Дао, то есть всеобщему закону мира, то он вне критики. А если отступал (отдельный вопрос, как понимать отступление), то терял благодать Неба, а следовательно, и власть.

В нашей политической традиции пожизненное правление скорее норма, чем исключение. Так было в царские и в советские времена. После Ленина Сталин ушел от власти, когда помер, Брежнев — тоже. Также закончилось краткосрочное правление Черненко и Андропова. Были, правда, два исключения: Хрущев, против которого организовали заговор, и Михаил Сергеевич Горбачев, который ушел сам, когда понял, что Советский Союз удерживать невозможно.

Еще очень важный компонент нашей картины мира — идея вражеского окружения. Вся карамзинская история про это. Многие из нас помнят со школы, что сначала нас теснили тевтоны, потом напала Орда. Потом мы Орду выгнали. Потом крымские татары. Даже Грозный бежал из Москвы, и крымский хан захватил город и пожег его. Потом поляки, шведы...

Кстати, почему из череды связанных с бесконечными войнами событий для празднования дня народного единства выбрали 4 ноября 1612 года, когда Москву освободили от польских интервентов и самозванца? Строго говоря, было это не четвертого: тогда очистили только Китай-город, а Кремль поляки оставили 6-го. Вспоминают, что это была победа над поляками. Еще вспоминают, что это день иконы Казанской Божьей Матери. Но забывают об одном, что это был главный праздник династии Романовых, потому что именно это событие ознаменовало процедуру прихода к власти Михаила Романова в 1613 году, первого из нового рода российских монархов после Рюриковичей. Мы механически, на мой взгляд, сделали важной частью национального нарратива, да еще почему-то символом народного единства начиная с 2005 года праздник романовской династии.

Эксперт Школы известный американский историк-русист Ричард Пайпс проицирует в этой связи: «Русские искрен-

не убеждены, что тысячу лет, ведя исключительно оборонительные войны, они стали самым большим государством мира».

Мы же верим в это, не так ли? Ведь на нас всегда нападали, а мы всегда оборонялись. Очевидно, это противостояние вражескому окружению как раз и выгодно власти, так как оно позволяет править а) долго, б) бесконтрольно, в) оправдывать бедствия и лишения народа необходимостью величия государства, г) обогащаться, д) приносить в жертву милитаризации здравоохранение, науку, образование и гражданские отрасли и е) не нести никакой ответственности.

Но парадокс в том, что объективно народу это невыгодно. Гигантские средства идут на оборонку, элита обогащается, права народа не защищены, бизнес не развивается, о модернизации вообще забыли, и при всем этом поддержка действий власти, явно свидетельствующая о химерическом сознании общества.

Для нас абсолютом является величие государства, но понимаемое в трактовке XIX века — войны за территории, геополитическое влияние. Сейчас к ним добавился еще ряд компонентов: экономика и ее качество, технологии и инновации, знания и т.д. И, собственно говоря, на это делает ставку Китай. Мы же по-прежнему величие воспринимаем по-карамзински — война, территория, влияние. При этом у России два с половиной процента мирового ВВП. Китай подходит к двадцати. У Америки двадцать, у Европы примерно столько же. То есть три центра экономики — это ЕС, Китай, США. Если мы хотим величия, может быть, займемся реальным производством наконец? Тогда у нас и военная мощь будет больше, просто потому что у нас будет больше денег на это. Нет, мы сейчас тратим последнее на военную мощь, добывая гражданский сектор. Я считаю это химерическим сознанием.

Какое может быть развитие, когда всевластное государство-опекун препятствует развитию — появлению частной собственности, независимого суда и т.д.

Или наше представление о том, что мы особые, самые добрые, самые честные, самые сердечные, самые умные... Спрашивается, зачем тогда меняться и учиться у других? Если мы неспособны адекватно оценивать не только окружающий мир, процессы, вызовы и угрозы, но и самих себя, свое общественное, культурное, политическое и иное состояние. Страна с таким сознанием опасна и для себя и для других. Мы, к сожалению, потеряли в значительной степени связь с реальностью, что предопределяет тяжелые ошибки во внутренней экономической и во внешней политике и чревато большими рисками. Таков российский авторитаризм! Предлагаю все же классифицировать авторитаризмы. Обычно считают, что есть авторитаризмы эффективные и неэффективные. Классический пример самого эффективного в мире авторитаризма — Китай, который, как я говорил, с начала реформ вырос в двадцать пять раз и продолжает расти, став по паритету покупательной способности экономикой номер один в мире, обойдя США.

Однако, как правило, авторитарные режимы в большинстве своем не успешны. В мире масса стран, где нефти и других ресурсов добывается все больше, а жизнью наслаждаются единицы.

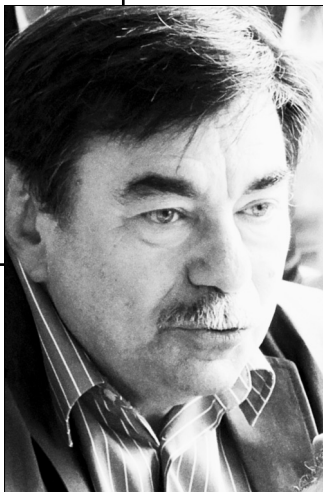
Предлагаю провокационное разделение авторитарных режимов на прагматические и химерические, исходя из того, что авторитаризм может быть успешным, хотя я вовсе не поклонник авторитаризма вообще. Но авторитарный способ правления может быть успешен, если он рационален и прагматичен. Нельзя же отрицать, что есть такие примеры рационального

авторитаризма, как Китай, Южная Корея при первых президентах, Сингапур при Ли Куан Ю, Чили при Пиночете, хотя этих примеров не так много. Что отличает рациональный авторитаризм? Это ясное понимание своего места в мире, реального расклада сил, своих слабостей и сильных сторон, максимальное использование этой реалистической картины мира для внутреннего развития страны. Реализм и прагматизм — как главные движущие силы развития и модернизации — способны при определенных условиях привести к демократической трансформации общества. Такие примеры в истории были.

А вот химерический авторитаризм основывается на ложной картине мира, используя для сохранения власти привычный для него нарратив и травму, например в нашем случае от неуспешных реформ девяностых годов, и одновременно поддерживая идеализированный образ успешности социализма.

Это химерическое сознание приводит к тому, что ложная картина мира, создаваемая элитами и поддерживаемая в сознании народа об особости нашего пути, о врагах, которые нас окружают, о спасительности «сильной руки», о внутренних врагах, об опасности гражданского движения, о необходимости вооружения для сдерживания Запада и так далее, как правило, делает авторитаризмы такого типа не успешными.

Ключевым становится, таким образом, противопоставление между рационализмом и иррациональностью. И мы должны ответить себе: мы рациональное государство или иррациональное, которое строится на эмоциях, переживаниях, страстях? Мой вывод такой, что да, нам нужно возвращаться к демократии, к конституции, к верховенству закона, но для начала нам надо вернуться к здравому смыслу.

Эмиль Паин,
профессор НИУ-ВШЭ,
доктор политических наук,
главный научный сотрудник
РАНХ и ГС

Джихадизм – новая угроза*

Что такое исламизм и как его трактовать?

Авторитетнейший в этом вопросе эксперт, сирийский политический философ Садик Аль-Азм (профессор Дамасского университета и почетный профессор Принстонского университета), выделил несколько важнейших признаков исламизма, из которых самым существенным он считает «возрождение понятия исламского джихада (священной войны) в его самых сильных формах»**. С этих позиций уместно в качестве синонима исламизма использовать термин «джихадизм». Среди других характеристик исламизма (джихадизма) сирийский эксперт называет следующие:

— фундаментализм — возвращение к традиционным основам ислама; этот признак также называют салафизмом, поскольку *салафия* означает возвращение к пониманию ислама в том виде, в котором он существовал при пророке Мухаммеде, точнее, к утраченным канонам некоего золотого века в исламе***;

— интегрализм — объединение всех сфер жизни общества и государства на религиозных исламских основах. Я бы назвал это признак иначе — тоталитаризм, поскольку он предполагает полное подчинение человеческой жизни религии (в данном случае исламской) и, по сути, запрет инакомыслия;

— теократизм — вытеснение светской власти религиозным правлением;

* Статья подготовлена в рамках научной работы по гранту Российского научного фонда № 15-18-00064.

** Al-Azm S.J. *Orientalism, Occidentalism and Islamism: Keynote Address to Orientalism and Fundamentalism in Islamic and Judaic Critique: A Conference Honoring Sadik Al-Asm // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. 2010. Vol. 30, № 1. — P. 6–13.

*** Помимо фундаментализма Аль-Азм приводит еще одну, похожую характеристику — *revivalism* (возрожденчество), однако большинство комментаторов, как и я, считают эту характеристику излишней.

- теонимизм — буквально «главенство законов Господа», вытеснение светского права религиозным (*шариатом*);
- терроризм — как основное средство достижения политических целей.

Эти оценки Аль-Азма широко цитируются (они представлены во множестве справочных изданий по исламизму) и на удивление мало оспариваются в кругу исследователей (разве что уточняются и дополняются). Размежевание между экспертами проявляется в другом — в определении характера связи исламизма и исламской религии. Вот по этому вопросу можно выделить как минимум три разные позиции.

1. *Исламизм — органическая и естественная часть ислама.* Такой точки зрения придерживается, например, А. Малашенко. Известный российский исследователь полагает, что «исламский радикализм — это часть исламской политической культуры и исламской истории»*. По его мнению, ислам зарождался как политическое учение: Мухаммед был не учителем, а политиком и воином, и он приспособивал Библию, идеи иудаизма и христианства под политические цели мобилизации арабских племен Аравии в VII веке н.э. Не случайно в различных разделах Корана можно найти обоснование джихада и различного рода военных действий против врагов. Такого же мнения придерживался и другой, не менее именитый специалист по исламу — Жиль Кепель. В его известной книге «Джихад» доказывается, что этот концепт — ключевой для всего ислама**.

Однако эта точка зрения встречает серьезные возражения, особенно на Западе, базовые ценности которого не допускают определения какой-либо из мировых религий как заведомо агрессивной и радикально политизированной.

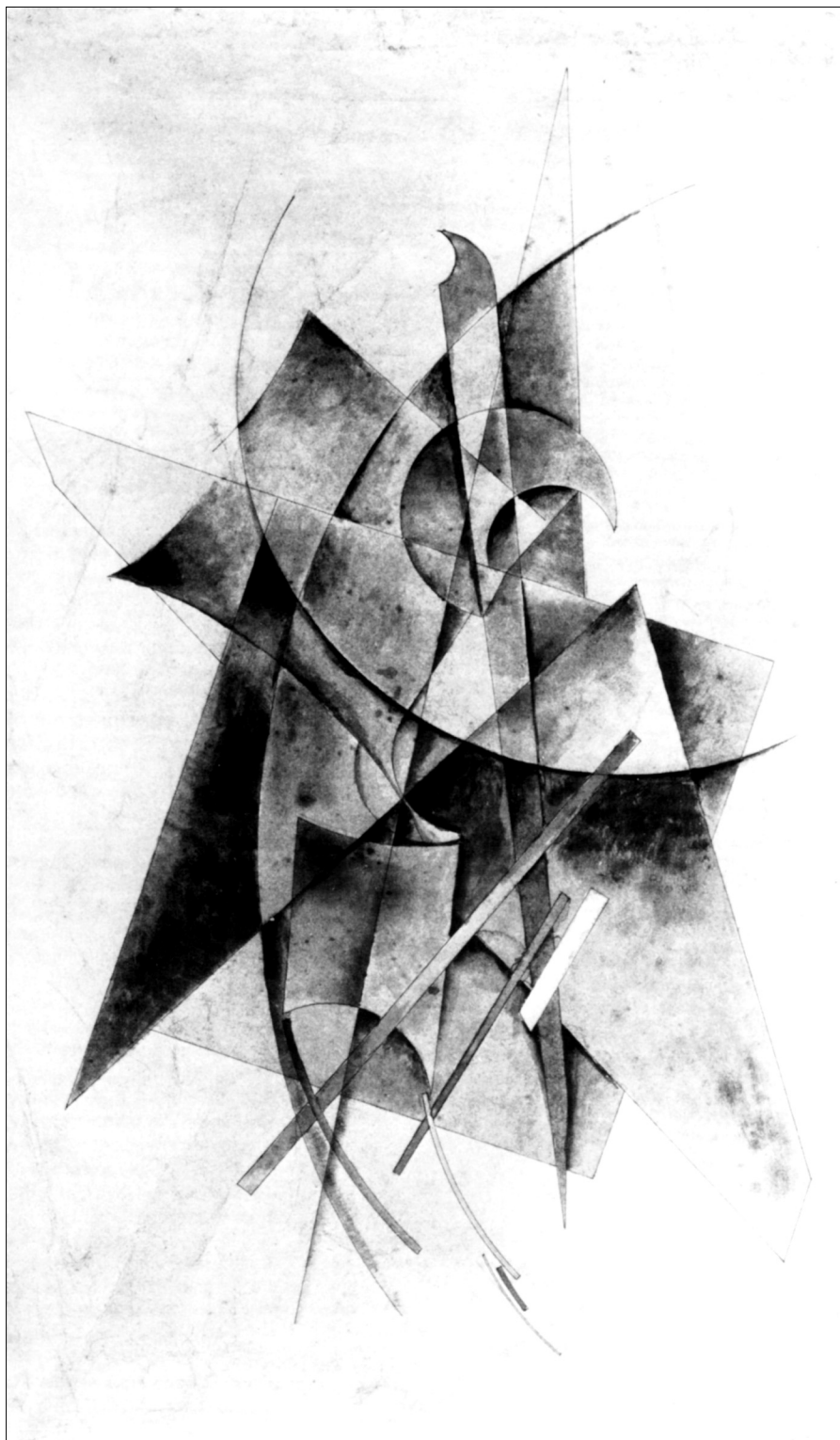
Да и сравнительный исторический анализ не позволяет оценивать ислам как более воинственную или политизированную религию, чем, например, христианство времен крестовых походов, расцвета инквизиции или войн католиков с протестантами.

2. *Исламизм — искажение ислама как мировой религии.* Это самая распространенная версия в оценках исламизма (джихадизма), который противопоставляется основному ядру исламской религии. Французский политолог Тьерри Вольтон, автор книги-бестселлера «Четвертая мировая война», посвященной исламизму, объясняет: «Необходимо отличать ислам от исламизма... Это, если хотите, вырождение ислама, его деградация***». Подобные утверждения могут быть подкреплены рядом аргументов. Во-первых, исламизм весьма избирательно относится к исламу, вырывая из этого религиозного учения лишь отдельные его фрагменты, прежде всего наиболее политизированные, такие как идея джихада. Во-вторых, исламизм — явление маргинальное для сообщества мусульман. Он не выражает домини-

* А. Малашенко. «Мы все живем во власти стереотипа, что любая религия — это про мир и добро» <https://openrussia.org/post/view/1994>

** Képel, Gilles. *Jihad: The Trail of Political Islam*. Trans. from French by A.F. Roberts. — Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 2002.

*** Французский политолог Тьерри Вольтон: «Исламизм — это вырождение ислама, его деградация» // Известия 24.01.2006 <http://izvestia.ru/news/310517#ixzz3j4mmPhtK>

Александр Радченко. Композиция. 1918

рующие настроения мусульманского населения ни в одной из стран современного мира. Так, по данным французского социолога востоковеда Оливье Руа, исламские радикалы во Франции составляют менее 10 процентов французских мусульман, исламисты не включены в традиционные квартальные общины, не посещают традиционные мечети и создают свои замкнутые, узкие группы общения*. В-третьих, исламисты, провозглашающие принципы фундаментализма (возращения к основам истинной веры), в действительности порывают с традицией. Прекрасный пример этого представляет собой партия, которая называлась «Нация ислама». Она возникла в тридцатых годах в США, но стала массовой в 1950–1960-е годы, когда социальные проблемы афроамериканского населения привели к разным выражениям протеста, в том числе и в форме массового перехода этой части американцев из протестантизма в ислам. Но какой это был ислам? Малькольм Икс, один из лидеров этой партии, ее лицо в течение одиннадцати лет, начиная с 1952 года, в конце своей карьеры говорил, что программа «Нации ислама» фактически к исламу не имела отношения, поскольку в ней были неорганично перемешаны разные идеи, заимствованные из разнообразных религиозных, философских и политических доктрин**. «Нация ислама» — это типичный пример так называемой изобретенной традиции, или новации, которую по тем или иным причинам выдают за традицию.

Аналогичное явление демонстрирует запрещенное в России движение «Исламское государство» (ИГ, ранее именовавшее себя ИГИЛ). Оно, например, воюет с королевским домом Иордании с представителями Хашимитской династии, с наследниками того самого клана *Хашим*, к которому принадлежал сам Мухаммед и все первые халифы. Как в таком случае можно говорить о верности наследию пророка? ИГ (ИГИЛ) — это воплощение самого радикального разрыва исламизма с традиционным исламом. Для него исторически была характерна высокая терпимость не только к разным течениям внутри ислама, но и к другим религиям (напомню о Софии, еврейской жене Мухаммеда, и о том факте, что религиозные иудейские культурные памятники в исламском мире сохранились лучше, чем в средневековом христианском). ИГ же не признает в качестве правоверных носителей ислама значительную часть исламских течений (шиитов, алавитов, ваххабитов, исмаилитов и многих других), называя их «мунафиками» (ложными мусульманами), а не исламское население, презрительно именуемое «кяфирами» (неверными), боевики ИГ на контролируемых ими территориях просто истребляют. При захвате города Мосула в июле 2014 года отряды ИГ не только уничтожили тысячи мирных жителей, но и устраивали костры из книг, а в феврале 2015-го они взорвали городскую библиотеку, являющуюся памятником исламской культуры и в какой-то мере исламского халифата, поскольку она была создана во времена Османской империи — последнего реально действовавшего мирового халифата. Это может показаться удивительным для движения, целью которого является

* Roy, Olivier. *La peur d'une communauté qui n'existe pas* // *Le Figaro* 09.01/2015.

** Handler, M. S. *Malcolm X Splits with Muhammad*. // *The New York Times* (March 9, 1964).

возрождение халифата, но это кажущийся парадокс, он имеет рациональное объяснение: чужое для исламистов не ценность, а символ враждебной культуры. Все это характерно для идеологии тоталитаризма, считающей враждебным любую инаковость. И здесь мы подходим еще к одной версии взаимосвязи исламизма и ислама.

3. *Исламизм — не религия, а политическая идеология, лишь прикрывающаяся религией и эксплуатирующая авторитет ислама для целей массовой политической мобилизации.* Любопытно, что такой взгляд на исламизм характерен не только для светских политологов и социологов (преимущественно западных), но и для значительной части исламских богословов. Халид Дюран, теолог, профессор богословия из университета Филадельфии, писал: «Исламизм — это тоталитаризм XXI века. Он появился после фашизма и коммунизма, заимствуя и совершенствуя методы их доминирования»*. Будучи их реинкарнацией, исламизм не является религией, а лишь использует ее облик для собственных политических целей, — это популярная ныне точка зрения, которую разделяют многие эксперты и политики, например американский историк Дэниэл Пайпс**. А после теракта 11 сентября 2001 года эту позицию поддержал и президент США Дж. Буш-младший, объявивший исламистов наследниками «нацистов, фашистов, коммунистов и других тоталитарных сил XX века»***.

Мы еще вернемся к детальному анализу тезиса о тождестве между исламизмом и тоталитаризмом. Пока отмечу лишь, что такие отождествления часто сопровождаются радикальным противопоставлением исламизма как политического явления исламу как религии. На мой взгляд, эта антитеза некорректна и связь между религией и исламизмом в той или иной мере существует. Можно утверждать, что современный ислам по крайней мере создал некоторые предпосылки для появления исламизма. В исламе сложился и до сих пор успешно функционирует свод религиозных правовых норм (шариат), который в ряде слаборазвитых исламских регионов более значим, чем светская система права, и это само по себе создает иллюзию возможности вытеснения светского права религиозным. Ни одна мировая религия не создала специфическую религиозную экономику, а «исламская экономика» появилась (пусть и недавно, лишь в середине XX века). Эта экономика не может конкурировать с классической, светской, рыночной, но иллюзию вытеснения светского правления религиозным она укрепляет****.

И все же, на мой взгляд, появление исламизма связано не столько с давней, глубинной исторической природой ислама, сколько с актуальными обстоя-

* Durán, Khalid. *Muslims and Islamists in America*. In: *Labbaglio dell'immigrazione*. — Rome: Istituto di Formazione per le Scienze Antropologiche, 2000. — P. 27–28. Цит. по: Palazzi A.H. *The Islamists Have it Wrong* // *Middle East Quarterly*. Summer 2001. Vol. 8, № 3. — P. 3–12. URL: <http://www.meforum.org/14/the-islamists-have-it-wrong>

** Daniel Pipes. *In the Path of God: Islam and Political Power*. — New Jersey: Transaction Books, 2002.

*** Джордж Буш об исламском терроризме. Цит. по: Французская газета рассуждает об исламском тоталитаризме // *Newsru.com* 07.09.2006.

**** См. подробнее: Паин Э.А. «Исламская экономика»: пример конструирования традиций // *Terra Ecomonicus*. 2013. Т. 11, № 2. — С. 25–31.

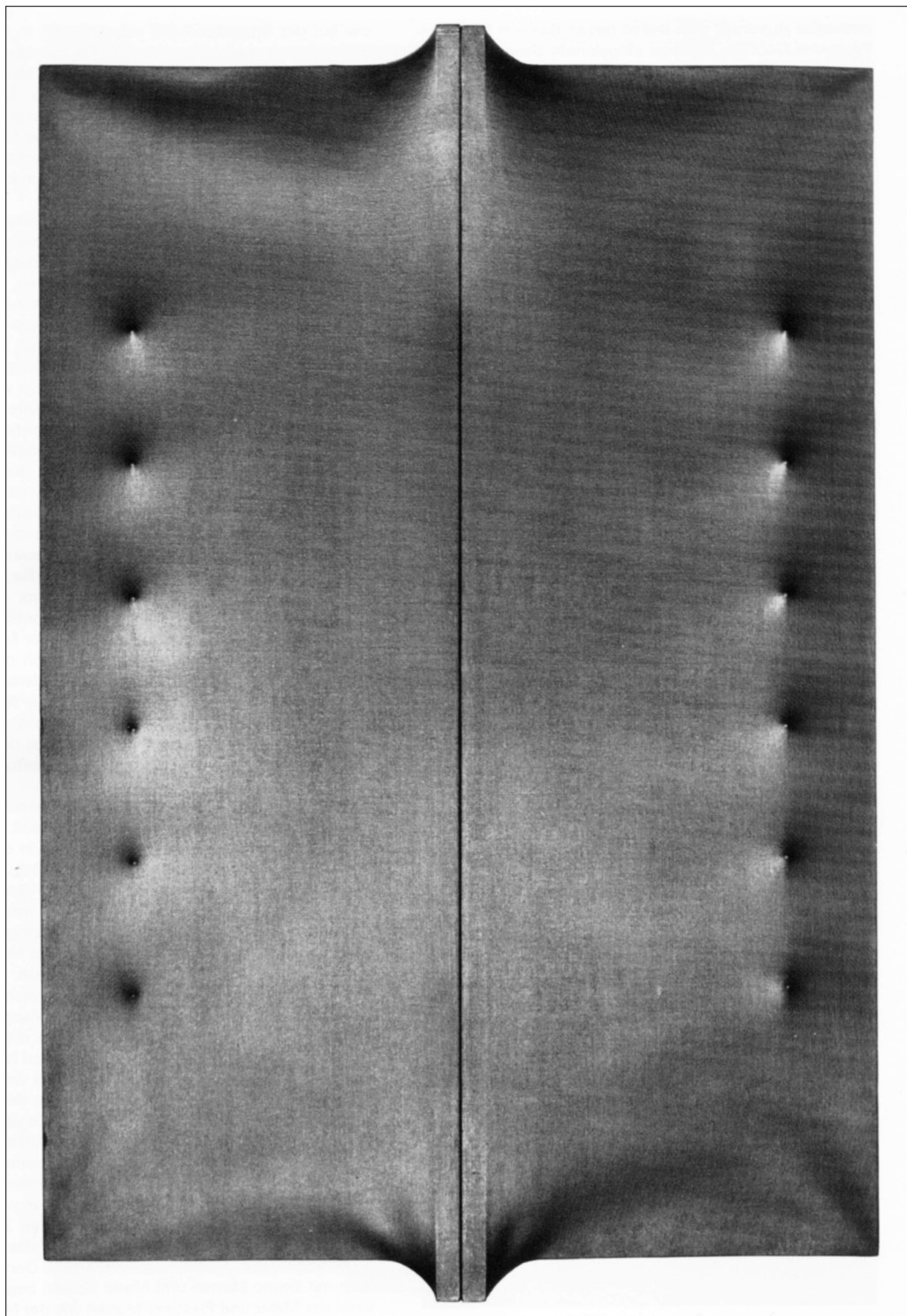
тельствами современной жизни так называемых исламских стран, большая часть которых так и не сложились как государства-нации и представляют собой конгломераты недружественных между собой этнических, племенных и конфессиональных групп. Относительная стабильность в таких государствах поддерживалась жестокими диктаторскими режимами (такими как режим Саддама Хусейна в Ираке, Бен-Али в Тунисе или Муаммара Каддафи в Ливии), усилиями армии (как в Пакистане, Индонезии и в современном Египте), а также, во всех случаях, при помощи конструирования образа внешнего врага. Именно этот образ постоянно воспроизводил спрос на идею джихада, с которой связано появление исламизма (джихадизма). Не только исламизм как идейно-политическое движение, но и ислам как религия противостояли появлению политических наций в большинстве исламских государств после обретения ими независимости в XX веке*. Ислам в этих странах успешно конкурировал с национализмом, подменяя идею нации идеей исламской уммы (общины). Из крупных исламских государств лишь в Турции сложилась политическая нация, но произошло это во многом потому, что Мустафа Кемаль (Ататюрк) навязал этот конструкт туркам в острейшей борьбе с исламской теократией**. Ататюрк сознательно разрушил институты последнего исламского халифата, возглавляемого на протяжении нескольких веков султанами Османской империи. Кстати, замечу, что одна из центральных идей исламизма, идея возрождения халифата, ныне разрушается изнутри тем самым образом врага, который во многом и породил исламизм; таким образом, мировое сообщество сталкивается сразу с несколькими взаимно непримиримыми течениями исламизма. В 2015 году в Сирии насмерть сражаются между собой, с одной стороны, исламисты шиитского (проиранского) направления и «Хезболла», защищающие сирийского президента Башара аль-Асада, и с другой — воюющие с ним группировки суннитских течений исламизма. Но и последние зачастую вступают в военное противостояние друг с другом. Так, суннитская джихадистская организация al Nusra, отколовшаяся от более известной мировой террористической сети al Qaeda, воюет на два фронта — как с армией аль-Асада, так и с войсками суннитских же исламистов ИГ. Это данные от хорошо осведомленного источника — американского генерала Д. Петрэуса***.

Оценивая представленные версии взаимосвязи ислама и исламизма, я в очередной раз убеждаюсь, что истина как всегда находится где-то между крайними позициями. С одной стороны, джихадизм, разумеется, не является заурядным и естественным проявлением ислама. Это радикальное поли-

* См.: Cleveland, William L & Martin Bunton. *A History of the Modern Middle East, 4th edition.* — Boulder, Colorado: Westview Press, 2009.

** Eisenstadt S.N. *The Kemalist Regime and Modernization: Some Comparative and Analytical Remarks.* In: J. Landau (ed.). *Atatürk and the Modernization of Turkey.* — Boulder, Colorado: Westview Press, 1984. — P. 3–16; Hansen, Craig C. *Are We Doing Theory Ethnocentrically? A Comparison of Modernization Theory and Kemalism // Journal of Developing Societies.* 1989. Vol. 5. No. 2. — P. 175–187.

*** D. Petraeus: *Use Al Qaeda Fighters to Beat ISIS // The Daily Beast.* 31.08.2015. URL: <http://www.thedailybeast.com/articles/2015/08/31/petraeus-use-al-qaeda-fighters-to-beat-isis.html>

Энрико Кастеллани. Черная поверхность 4. 1964

тическое течение возникло во многом под влиянием внешних по отношению к исламу образцов и было целенаправленно разогрето политическими антрепренерами. Но все же исламизм не оторван полностью от ислама, именно поэтому он хорошо и умело цепляется за реальные свойства этой религии, особенно в ее нынешнем состоянии. Так или иначе, рассмотрение исламизма одновременно в религиозно-ведческой и в политической перспективе расширяет горизонт понимания сути этого явления и дает больше возможностей для прогнозов его эволюции.

Магия тоталитаризма

С каким типом политических движений может быть отождествлен исламизм? Этот вопрос стал особенно актуальным еще в конце 1970-х после исламской революции и установления теократической диктатуры в Иране. Тогда для обозначения этого политического режима публицистами был введен в употребление термин «исламофашизм». Однако популярность этого выражения пришлось на более поздние годы. Так, после событий 11 сентября 2001 философ Френсис Фукуяма назвал борьбу с терроризмом «борьбой с исламофашизмом»*. Через четырнадцать лет вооруженное нападение на редакцию журнала «Шарли Эбдо» в Париже (7 января 2015 г.) не только оживило этот термин, но и превратило его в клише, которое заполонило медиапространство разных стран мира. Сегодня понятие «фашизм» совсем затерлось и обесценилось от частого и бессмысленного тиражирования. Его используют во всех случаях, когда хотят оскорбительно обозначить некий политический режим, который по какой-либо причине не нравится тем или иным политическим силам. Между тем это вполне определенное историческое явление, основу которого составляет радикальный этнический национализм, и уже поэтому он не применим к исламизму, появившемуся в обществах донационального типа, в которых национализм не мог играть роль мобилизующего фактора**. И как раз в этих условиях возникло естественное стремление оппозиционно настроенных к авторитарным режимам интеллектуалов и политтехнологов опереться на другие мобилизационные основания, и прежде всего на ислам.

Тоталитаризм — это более адекватное, чем «исламофашизм» определение политической сущности исламизма. Еще в конце 1930-х годов Бернард Льюис, выдающийся востоковед и историк ислама, обратил внимание на то, что идеи Хасана аль-Банни, основателя движения «Братья-мусульмане» и одного из первых теоретиков исламизма, не просто родились одновременно с другими тоталитарными идеологиями XX века (конец 1920-х

* Fukuyama, Francis. *Fighting the 21st Century Fascists* // *Islam Daily* 05.01.2002. URL: <http://www.islamdaily.org/en/world-issues/asia-pacific/127.fighting-the-21st-century-fascists.html>

** Можно назвать и другие черты, отличающие фашизм от исламизма и так или иначе связанные с воображением нации: романтический консерватизм, холизм, социальный дарвинизм, антикоммунизм. Всего этого нет в исламизме.

годов), но и во многом повторяли их базовые ценности: антизападничество*, антилиберализм, антииндивидуализм.

Всем разновидностям тоталитаризма присущ мистический фатализм в отношении к человеческой истории — представление о некоей предопределенности судеб мира. Главное же в том, что все ветви тоталитаризма признавали необходимость, во-первых, тотального контроля над человеком, во-вторых, «создания нового человека» — полноценного (истинного) адепта идеи («истинного арийца», «истинного большевика», «истинного мусульманина» и т.п.).

Помимо своей идеологической составляющей, тоталитаризм — это еще и политический режим, осуществляющий полный (тотальный) контроль над обществом и человеком. Однако можно ли назвать исламизм политическим режимом? За исключением Ирана, после 1979 года, Исламского эмирата Афганистан (ограниченно признанного государства в период правления талибов, 1996–2001 гг.) и ряда непризнанных территориальных образований (самое большое из которых на сегодняшний день — «Исламское государство»), исламизм нигде не приходил к государственной власти и не устанавливал теократического режима**. В основном речь идет об исламистских **партиях** и **движениях**, борющихся за власть и создание теократических государств («Братья-мусульмане» в Египте, «Джамаат-и Ислами» в Пакистане, «Хезболла» в Ливане, ХАМАС в Палестине и др.), поэтому об исламизме в основном можно говорить лишь как о **разновидности тоталитарной идеологии**.

Теория тоталитаризма до сих пор не разработана, существуют лишь разнородные концепции этого явления, имеющие множество недостатков с точки зрения требований, предъявляемых к теоретическим построениям. Назову лишь два из них. Во-первых, все эти концепции носят описательный характер, они были созданы для обобщения существовавших эмпирических фактов и плохо приспособлены для прогнозирования. К тому же тот факт, что в классических схемах тоталитаризм рассматривается исключительно как преходящий феномен, как нечто, имеющее более-менее однозначное начало и конец (например, 1933–1945 гг. для Германии, 1929–1953 гг. для СССР), привело к отсутствию какого-либо внимания к последствиям тоталитарных режимов и идеологий: возможность их рецидивов совершенно не учитывалась.

Во-вторых, эти концепции односторонне и узко трактовали даже имеющийся эмпирический материал, связывая тоталитаризм главным образом с

* Разумеется, тоталитарные идеологии Италии и Германии в начале XX века нельзя назвать антизападными в полной мере (хотя бы потому, что они были созданы на Западе), но в них было заметно выражено противопоставление своих стран «другой Европе» (Франции и Англии). Эти мотивы в идеологии исламизма превратились в тотальное антизападничество, даже более радикальное, чем в идеологии коммунизма.

** Этому выводу не противоречит пример Мухаммеда Мурси — президента Египта с 30 июня 2012 года по 3 июля 2013-го. Он, хоть и был представителем исламистского движения, теократический режим установить не успел, да и полноценной властью не обладал, поэтому и был быстро свергнут собственными подчиненными — военными.

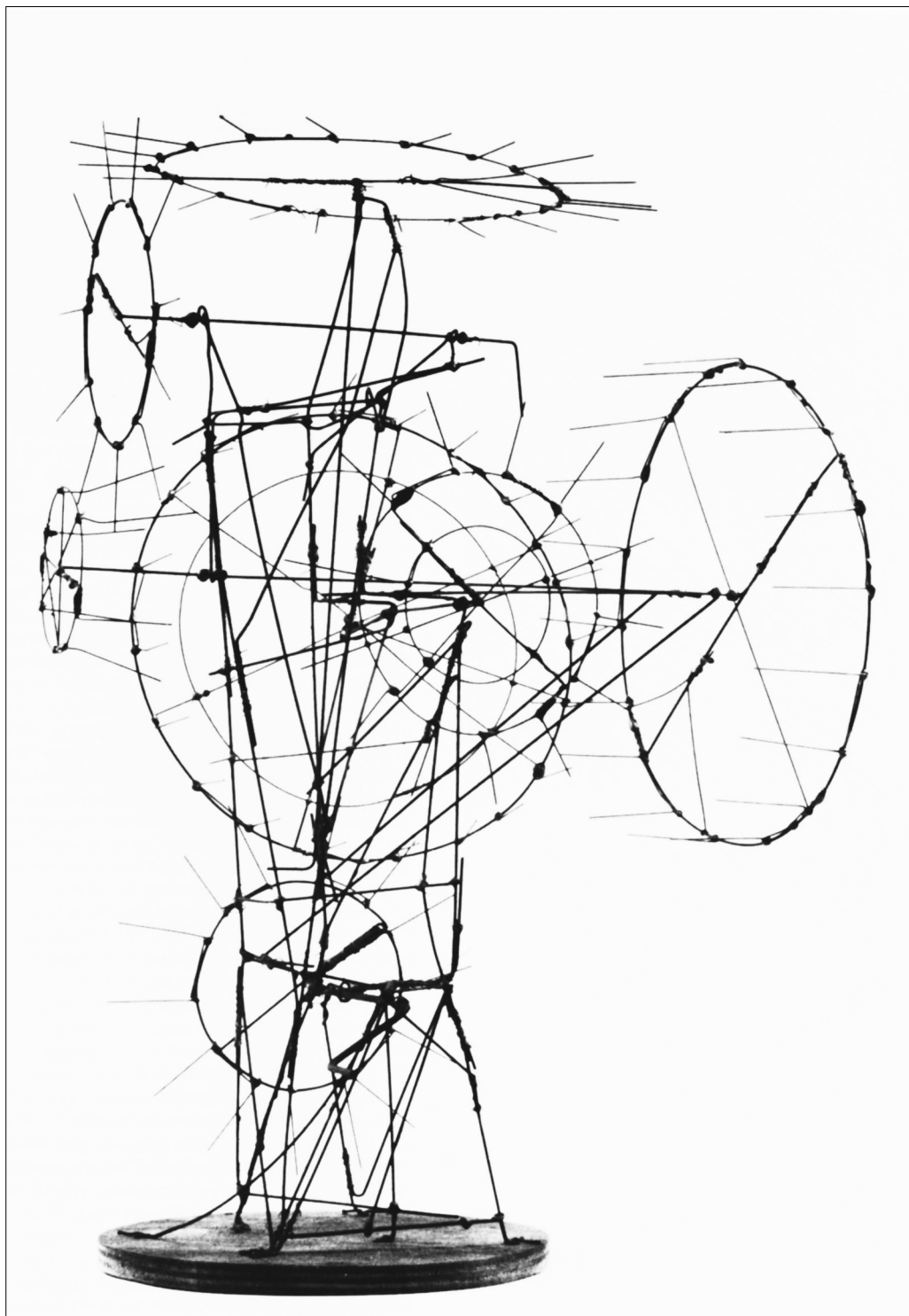
репрессиями в обществе. В самой популярной и авторитетной из таких концепций, изложенной Ханной Арендт в ее книге «Истоки тоталитаризма» (1951) основное внимание уделено репрессивному государству и беспрецедентному насилию, связанному с холокостом и ГУЛАГом. Х. Арендт даже итальянский фашизм не относил к тоталитаризму в силу его, фашизма, недостаточной репрессивности, хотя сам термин «тоталитаризм» появился в 1920-е годы для характеристики режима Бенито Муссолини. Последний, кстати, и сам активно пропагандировал концепт «тоталитарного государства».

Важные уточнения в концепцию тоталитаризма внес Хуан Линц. В своем эссе «Тоталитарные и авторитарные режимы» (1975) он утверждал, что главной чертой тоталитаризма является не террор сам по себе, а стремление государства к тотальному надзору за всеми аспектами жизни людей. Однако эмпирический материал, которым располагал Х. Линц, показывал, что осуществить такой контроль над обществом, который гарантированно не допускает открытого инакомыслия и возникновения оппозиции, было невозможно без широкомасштабного террора. Прошло время, и опыт ряда стран, в том числе и России, дал примеры эффективного подавления оппозиции и обеспечения тотального и сервильного единомыслия в обществе без применения массовых репрессий, всего лишь за счет новых информационных технологий, новых форм манипуляции массовым сознанием. Впрочем, и во времена существования классических тоталитарных режимов (1920–1950) правление несменяемых в течение десятилетий диктаторов-вождей было обусловлено **не только репрессиями**. Как справедливо отмечает Тьерри Вольтон: «Муссолини долго был героем для большинства итальянцев, Гитлеру удалось вовлечь немцев в войну, миллионы советских людей оплакивали смерть Сталина, многие китайцы до сих пор скорбят по Мао...»*. «Култ вождя», граничащий с сакрализацией его фигуры, опирался прежде всего на массовую фанатичную преданность подданных, на «магию тоталитаризма».

Помимо «культа вождя», важнейшую роль в идеологии и практике тоталитаризма играют массовые надежды, по сути, обожествление некой *политической утопии*: «всемирного рейха», «всемирного халифата» или «интернационального союза пролетариев-коммунистов». Во всех случаях атомизированный, неустроенный человек, проигравший социальное соревнование, окрыляется связью с великим вождем и великой идеей, получая возможность почувствовать себя увереннее в качестве части некоего великого сообщества: «белой расы», «исламской уммы», «мирового пролетариата» и др.

Итак, отдавая себе отчет в том, что теория тоталитаризма несовершенна и не сложилась в полной мере, я полагаю, что именно эта система идей лучше характеризует социально-политическую сущность исламизма, чем другие, имеющиеся ныне. При этом теория тоталитаризма хорошо увязы-

* Wolton, Thierry. *L'islamisme, ce nouveau totalitarisme* // *Le Figaro*. 06.09.2006. URL: http://www.lefigaro.fr/debats/2006/09/06/01005-20060906ARTFIG90080-l_islamisme_ce_nouveau_totalitarisme.php

Жан Тэнгли. Мета-механика. 1954

вается с этапами эволюции исламизма. Как уже отмечалось, исламизм зарождался в 1920–1930-е годы одновременно с другими тоталитарными идеологиями и под их влиянием. Он окреп в постколониальный период середины XX века, заимствуя и в чем-то даже копируя идеи более развитых тоталитарных доктрин. И в дальнейшем связь различных течений тоталитаризма хорошо видна, особенно в периоды кризисов, поскольку именно в это время проявляется спрос на тоталитарную идеологию. Примером этому может служить Иран.

В 1970-х годах форсированная, скачкообразная и крайне непоследовательная модернизация шаха Ирана М.Р. Пехлеви (так называемая белая революция) разрушила традиционный уклад жизни в этой стране, не создав полноценный новый; сотни тысяч людей были вытолкнуты из деревни, но при этом не смогли адаптироваться к городской среде. Безудержная коррупция и произвол иранских властей привели к разочарованию не просто во власти шаха, но и в светской власти в целом. Традиционалистская пропаганда, центрами которой стали мечети, давала свою интерпретацию этим проблемам, трактуя их как нашествие чуждого для персов западного образа жизни. Реальные проблемы стали предметом эксплуатации исламистов, предлагавших утопический выход тем, кто чувствовал себя сломленным и дезориентированным стремительной и крайне болезненной модернизацией. К аналогичным последствиям в начале 2000-х годов привели форсированные смены диктаторских режимов в Афганистане, Ираке, Египте и Ливии. Во всех названных случаях исламизм, по оценке Т. Вольтона, эксплуатируя проблему разрушения традиционных обществ, предлагал создать утопическую всемирную исламскую общину (умму), точно так же как коммунизм предлагал мировой интернационал, а нацизм — тысячелетнюю империю.

В конце 1990-х — начале 2000-х годов кризис доверия к модернизации, к светской власти и к западному образу жизни затронул значительную часть выходцев из мусульманских стран, поселившихся в странах Европы и Америки. Этому способствовало множество обстоятельств, которые я не имею возможности даже перечислить. Назову лишь некоторые из них.

«Эффект третьего поколения». Элиты развитых стран мира сильно переоценивали возможности своих стран в адаптации мигрантов в результате их обвальной, массовой эмиграции в Европу и Америку из регионов с радикально иными культурными нормами, чем у принимающего населения. Они не учли действие закона «третьего поколения», открытого Маркусом Ли Хансеном в 1939 году. Один из выводов этого закона гласит, что в эмигрантских сообществах, плохо адаптировавшихся к новым условиям, внуки эмигрантов пытаются «вспомнить» то, что старались забыть их отцы и деды. Третье поколение не стремится во что бы то ни стало освоить нормы модерна, а демонстрирует повышенный интерес к традициям родины или религии предков. Неадаптированная личность пытается компенсировать свою неустроенность идеей принадлежности к иной культуре, якобы более развитой и духовной, чем у принимающего сообщества в новых местах обитания. Эта мифология приводит к росту традиционализма, как правило, искусственного, выражающегося в приверженности не к

автохтонным, а «изобретенным» традициям. В среде стихийных неотрадиционалистов находят своих адептов многочисленные группировки религиозных и политических радикалов, в том числе и группы исламистов.

«Дефекты мультикультурализма». Политика «мультикультурализма», а фактически политика поддержки раздельного существования различных общин, создала условия для роста традиционализма в диаспоральных группах и при этом предоставила лидерам территориальных и религиозных общин в странах Европы возможности почти монопольного влияния на эти группы. Такая политика препятствовала интеграции мигрантов в структуру политических наций государств Европы, однако ее негативные последствия не сразу были осознаны. Лишь во второй декаде 2000-х годов политики ведущих европейских стран забили тревогу. В 2011–2012 годы лидеры Германии, Франции и Великобритании выступили с заявлениями, суть которых сводилась к тому, что правительства указанных государств, сохраняя приверженность культурному многообразию, намерены противодействовать тем сторонам политики мультикультурализма, которые приводят к эрозии национальных государств, к их расколу на отдельные этнические и религиозные общины*. Д. Кэмерон в своей речи упомянул авторитетное социологическое исследование, которое показало, что около трети британских мусульман, граждан Соединенного Королевства, не причисляют себя к британскому сообществу, идентифицируя себя со всемирной исламской уммой. Именно эта категория мусульман является питательной средой исламистов.

«Конфликт поколений и бунт исламской молодежи». Оба эти явления отчетливо проявились в 1990-х — начале 2000-х годов. С одной стороны, в среде исламских богословов стало усиливаться влияние молодых радикалов-салафитов, которые выступали против традиционных улемов, знатоков исламского закона, предлагая новые, более политизированные трактовки ислама под видом возвращения к его истокам. С другой стороны, в быту молодежь все чаще решалась на протест против традиционной тирании старейшин под легитимным для исламского мира предлогом, объявляя себя носителями «истинного ислама». В мусульманских диаспорах Европы и Америки этот бунт молодежи с начала 2000-х годов стал еще более выраженным, чем в исламских странах; не случайно из маленькой Бельгии рекрутировано в 100 раз больше боевиков ИГ, чем из Египта (относительно численности мусульман в этих странах)**.

Нынешняя экспансия исламизма — это своеобразный ответ на глобализацию и одновременно вызов глобализации. Это в какой-то мере компенсатор неудачи модернизации-вестернизации на Ближнем Востоке и в ряде других

* А. Меркель. Мультикультурализм провалился. Выступление 16 октября 2010 года в Потсдаме <http://www.newstube.ru/media/angela-merkel-mul-tikul-turalizm-provalilsya>. Дэвид Кэмерон раскритиковал мультикультурную модель 5 февраля 2011 <http://lenta.ru/articles/2011/02/07/cameron/> Саркози признал, что политика мультикультурализма провалилась 12 февраля 2011 года AFP, Франция [<http://www.inosmi.ru/europe/20110211/166444540.html>]

** Roy, Olivier. La peur d'une communauté qui n'existe pas // *Le Figaro*. 09.01.2015. URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2015/01/09/la-peur-d-une-communaute-qui-n-existe-pas_4552804_3232.html

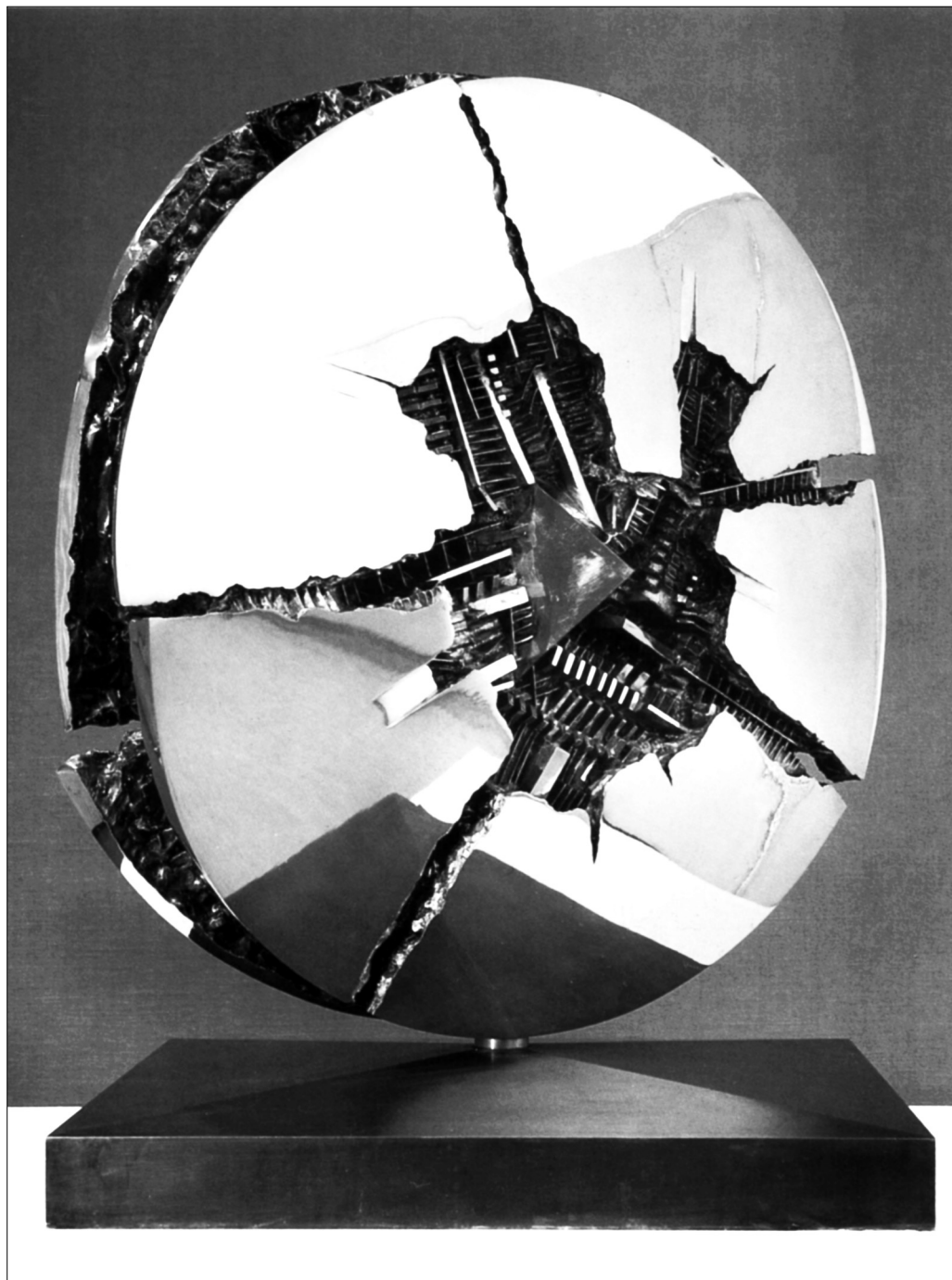
регионов исламского мира. Это ответ на насаждаемые в этих регионах во времена холодной войны западные модели капитализма и советские модели социализма, которые не очень прижились в мусульманских обществах. Подъем исламизма — это фактическая демодернизация, деконструкция всевозможных проявлений индивидуализма, тенденций к эмансипации, к верховенству закона. При этом какие-то фрагменты модернизационных тенденций поддерживаются и исламистами, например в Иране. Все это напоминает другие тоталитарные доктрины, включая советскую, которая сочетала стремление к модернизации своей промышленности, и особенно военной сферы, с архаикой в идеологии. Сегодня исламизм — это глобальная проблема, но она неодинаково проявляется в разных регионах и странах мира.

Угрозы для России

По данным ряда специальных исследований, Россия входит в десятку стран мира с самым большим количеством террористических актов и в тройку лидеров по числу жертв террора (по данным за 1990–2010 гг.)*. Этот список открывает Ирак — здесь от рук террористов погибли 72 519 человек, в Пакистане — 14 150, а в России ненамного меньше — 13 601 человек. В Афганистане, который занимает четвертую строчку в этом списке, людские потери от терроризма более чем в два раза ниже, чем в России. Здесь основными зонами действия терроризма являются республики Северного Кавказа. Следующую географическую зону по числу потерь представляют российские регионы, граничащие с республиками Северного Кавказа или расположенные недалеко от этой границы, — Ставропольский край, Астраханская и Волгоградская области, а также Москва. В нулевые годы во всех случаях, когда исполнители терактов были однозначно идентифицированы, выяснялось, что они связывали свои действия с лозунгами джихада. Развитие джихадизма в России, и прежде всего на Северном Кавказе, прошло, на мой взгляд, три стадии.

На *первой стадии* (1990-е гг.) идея джихада была в тени этнического национализма и сепаратизма — основного мобилизационного двигателя терроризма на Северном Кавказе, и прежде всего среди чеченских вооруженных формирований. Первые лидеры чеченского сепаратизма, Джохар Дудаев и особенно Аслан Масхадов, активно противодействовали распространению салафизма-исламизма в Чечне, подчеркивая национальный, а не религиозный характер борьбы за государственную независимость Чеченской Республики. Однако постепенно джихадизм вытеснял национализм в качестве основы сплочения чеченских боевиков и при Доку Умарове, принявшем на себя 17 июня 2006 года обязанности нелегального президента подпольной республики Ичкерия, стал преобладающим. Это было начало нового этапа в развитии исламизма в Северокавказском регионе.

* Белозеров В.С., Супрунчук И.П. *География терроризма: полимасштабный анализ террористической деятельности.* — Ставрополь: изд-во СКФУ, 2012.

Арнальдо Помодоро. Диск. 1983–1984

Вторая стадия джихада связана с тем, что он стал правящей идеологией «Имарата Кавказ» (полное наименование «Исламское государство Имарат Кавказ»), самопровозглашенного идейного и территориального образования на Северном Кавказе, признанного террористической организацией в России и США. О его создании объ-

явил Д. Умаров 7 октября 2007 года, провозгласив себя «амиром» (главой) моджахедов Кавказа, «предводителем джихада». На этой стадии исламизм в регионе вырвался за пределы Чечни и стал опираться на сетевую организационную структуру, охватывающую все республики Северного Кавказа. Впрочем, такая интернационализация поначалу порождала множество проблем внутри чеченского террористического движения, которое в начале 2000-х доминировало в Северокавказском регионе. Так, в 2010 году несколько полевых командиров чеченского сектора Имарата заявили о выходе из-под присяги Умарову. Однако постепенно интернационализм джихада становился все более привычным. Отчасти это было связано с перемещением зоны активности из Чечни в Дагестан, возглавивший с начала 2000-х годов список регионов России с самым большим количеством терактов и наибольшим числом их жертв. Дагестан исторически был центром ислама на Северном Кавказе, а также самой религиозной республикой региона. В частности, это способствовало укреплению легитимности исламизма как доминирующей идеологии террористических отрядов в Дагестане.

После ликвидации Д. Умарова российскими спецслужбами (январь 2014 г.), Имарат возглавили дагестанцы — Алиасхаб Кебеков (он же Абу Мухаммад Али ад-Дагистани), а после его устранения (апрель 2015 г.) Мухаммад Сулейманов (Абу Усман Гимринский). Однако эти замены не восполнили потери авторитетнейшего Д. Умарова, который по боевым заслугам среди террористов был равен Шамилю Басаеву*, а по искусству конспирации, возможно, Умарову и равных не было. Первый глава «Имарата Кавказ» правил им в условиях подполья семь лет, а его приемник прожил на этом посту чуть больше года. Так или иначе, Имарат, который уже с 2012 года переживал упадок, после смерти своего основателя стал быстро чахнуть и терять авторитет у боевиков. Он постепенно утрачивал и свою роль единой зонтичной структуры для террористических отрядов в регионе. На это место пришла другая организация — неизмеримо более опасная, чем структура, изобретенная Умаровым.

Третья стадия в развитии северокавказского джихадизма связана с тем, что он не только идейно, но и организационно стал составной частью международного, глобального террористического движения. В июне 2015 года боевики, входящие в структурные подразделения «Имарата Кавказ» (вилайаты Дагестан, Нохчийчо — Чечня или, иначе говоря, Ичкерия, Галгайче — Ингушетия, вилайат Кабарды, Балкарии и Карачая), присягнули лидеру «Исламского государства» Абу-Бакру аль-Багдади.

Начался этот процесс раньше. Различные отряды северокавказского джихадизма стали заявлять о присяге «Исламскому государству» еще в конце

* Шамиль Басаев — активный борец за выход непризнанной Чеченской республики Ичкерия (ЧРИ) из состава России, один из руководителей ЧРИ и единственный из них, кому было посмертно присвоено звание генералиссимуса ЧРИ, в том числе за организацию ряда резонансных террористических актов на территории Российской Федерации. Был внесен в списки террористов не только России, но и ООН, Госдепартамента США и Европейского союза. См.: Басаев Шамиль Салманович // Кавказский узел. Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/32520/?print=true>

2014 года. Одним из первых, 19 декабря, присягнул лидер дагестанского сектора Абу Мухаммад Кадарский. За ним аналогичные заявления сделали лидеры боевиков Кабардино-Балкарии, затем Ингушетии, и, наконец, 12 июня 2015 года в Интернете появилась запись выступления командира батальона смертников «Рияд ас-Салихийн» амира Хамзата (Аслана Бютукаева), который принес присягу от имени всех боевиков Чечни. На мой взгляд, это не случайность, не эпизод, а закономерная трансформация северокавказского террористического подполья, для которого международная сеть ИГ предпочтительнее местного самодельного Имарата во многих отношениях.

Авторитет «Исламского государства» в среде мирового исламизма многократно превышает авторитет «Имарата Кавказ». Декларируемая цель ИГ — создание мирового халифата — обладает психологической притягательностью великой тоталитарной утопии. Кроме того, она более легитимна, понятна и масштабна, чем цели Имарата. Боевые успехи ИГ, воюющего сразу на несколько фронтов, привлекают застоявшихся северокавказских моджахедов, особенно на фоне теряющего инициативу Имарата. Не случайно в рядах ИГ воюют уже несколько тысяч (по разным оценкам от 2 до 5 тысяч) российских граждан. Боевые отряды Имарата, всегда действовали относительно автономно и дорожили этой автономией. Понятно, что их подчинение заморскому верховному амиру дает полевым командирам больше свободы, чем подчинение местным лидерам «Имарата Кавказ», а также ослабляет проблему межэтнических противоречий, нараставших в Имарате. Национальная гордость сильно мешала чеченцам подчиняться дагестанскому амиру, а дагестанцам — чеченскому. Иное дело арабы: с ними не связаны давние исторические предрассудки, накопившиеся между этническими группами Северного Кавказа; напротив, арабы всегда пользовались большим уважением как народ, принесший ислам на Кавказ, и опыт чеченской войны это подтвердил. Хаттаб, самый известный арабский полевой командир в чеченской интифаде, с середины 1990-х и до гибели в 2002 году, воспринимался среди джихадистов региона как герой, как исламский Че Гевара.

Какие угрозы для России таит в себе включение северокавказского террористического подполья в сетевую структуру «Исламского государства»?

30 сентября 2015 года Российская Федерация вступила в войну на Ближнем Востоке и объявила о бомбардировке позиций террористической организации «Исламское государство». Правда, почти сразу же в западных медиа появились сообщения о том, что были атакованы вовсе не террористы ИГ, а силы сирийской оппозиции, противостоящие президенту Б. аль-Асаду. Оценка достоверности этой информации не входит в задачу этой статьи. Так или иначе, война «Исламскому государству» Россией объявлена, и теперь лидерам военных группировок, присягнувших ИГ, нужно выполнять священную клятву — скорее всего через активизацию террористической деятельности в России.

На мой взгляд, это может оживить террористическую активность в регионе, перевесив те факторы, которые подавляли активность террористов. Как известно, она существенно снизилась в 2012–2015 годы в сравнении с пре-

дыдущими годами*. Однако этот спад был вызван недолговечными, преходящими обстоятельствами. Вот лишь некоторые из них:

1. Беспрецедентная силовая санация террористических зон в регионе, начатая в ходе подготовки к олимпиаде в Сочи-2014 и продолжавшаяся в последующие годы, позволила не только выбить верхушку Имарата, но и ликвидировать многие ключевые фигуры среди полевых командиров. Однако силовые операции федеральных сил имеют и иные последствия. Например,

они порождают новых мстителей среди местного северокавказского населения. Пока молодые боевики не обучены и не могут сразу заместить убитых опытных командиров, но опыт — дело наживное. Кроме того, возможности силового решения проблем джихадизма ограничены и

в других отношениях. У федеральных вооруженных сил резервы не беспредельны, особенно ныне, когда они нужны не только на Северном Кавказе, но и в не столь отдаленных от него регионах юга России, граничащих с Украиной, и в Донбассе, а в последнее время и в Сирии.

2. Отток нескольких тысяч молодых радикалов на войну в Сирию, понизил активность боевиков на Северном Кавказе, однако часть таких моджахедов, несомненно, вернется на родину, принеся с собой как боевой опыт, которого не хватает местным новобранцам, так и опыт беспрецедентной жестокости, освоенный в рядах ИГ. В случае военных неудач «Исламского государства» численность возвращающихся из его рядов будет существенной. Более того, вполне вероятно, что в этом случае Северный Кавказ станет зоной транзита и для других солдат джихада, ведь тропы уже проложены и вся логистика переходов в регионе хорошо отлажена, поэтому перекрыть такой транзит будет очень сложно.

3. Временное снижение активности северокавказских террористов было связано с эрозией самой структуры «Имарата Кавказ», ослаблением руководства и целевых ориентиров боевых действий. Переход под эгиду ИГ, вероятно, укрепит идейно-организационные основы активности северокавказского джихада. Пропагандистскую поддержку кавказским террористам лидеры ИГ уже оказывают. Еще в 2014 году в Интернете распространялось видеообращение «Исламского государства» с угрозами в адрес президента В. Путина (ему сулили свержение, «падение трона») и с обещанием принять участие в «освобождении Чечни и всего Кавказа».

*Подъем исламизма –
это фактическая демодернизация,
деконструкция всевозможных проявлений
индивидуализма, тенденций
к эмансипации, к верховенству закона*

* Н.П. Патрушев: терроризм на Северном Кавказе впервые за годы стал снижаться // Scienceport.ru 10.09.2013. Это заявление секретаря Совета безопасности России впоследствии подтвердили и независимые источники. Силантьев: на Северном Кавказе террористическая активность снизилась в четыре раза. // Безформата.ru. 14.07.2015. Режим доступа: <http://vladikavkaz.bezformata.ru/listnews/na-severnom-kavkaze-terroristicheskaya/35370247/>

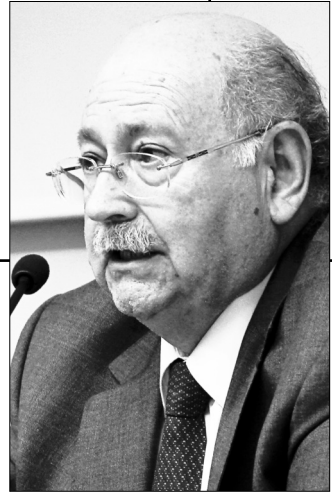
Нарастающий в России экономический кризис представляет собой наибольшую угрозу стабильности в регионе, а также является важнейшим и, возможно, долгосрочным фактором оживления исламизма в регионе. Кризис увеличивает социальное недовольство, которое на Северном Кавказе чаще всего быстро трансформируется в исламистские лозунги. Этот регион зависим от бюджетных дотаций больше других в России и поэтому острее других ощущает их нынешнее сокращение. Здесь же у властей нет той психологической прокладки, которая защищает их на большей части территории России вследствие массовой народной благодарности за присоединение Крыма. Исламисты не радуются возвращению русского Севастополя, они больше замечают недовольство крымских татар; северокавказские бизнесмены и чиновники не испытывают особого удовольствия от появления нового субъекта Федерации — они знают, что раньше Северный Кавказ был первым в очереди на получение субсидий из федерального бюджета, а ныне уступил это место Крыму. По мощи и масштабности вооруженного исламизма Россия уступает только Ближнему Востоку. При этом, как я попытался показать, в нашей стране сохраняются и временами даже усиливаются факторы, возбуждающие активность этой враждебной для общественного развития силы.

* * *

Макс Вебер считал расколдовывание мира (*Entzauberung der Welt*), основным содержанием эпохи модерна и, шире, важнейшей тенденцией в культурном развитии человечества. Глобальная экспансия исламизма — свидетельство обратного процесса, возвращения к магическим, дорациональным формам сознания. Цивилизованное мировое сообщество несет немалую долю ответственности за это. Сегодня оно расплывается за то, что не берегло достижения модернизации и допустило множество уступок фундаментализму. Однако сон разума не может быть вечным, и, на мой взгляд, ныне западный мир переходит от уступок к наступлению. Практически повсеместно преодолеваются дефекты раздельного существования этнических и религиозных общин; возрождается понимание важности национально-гражданской консолидации и включения в этот процесс культурных меньшинств; растет сплоченность политических кругов западных стран по отношению к угрозам исламизма на Ближнем Востоке, да и к другим внешним угрозам.

В России иная ситуация. Ныне можно говорить не только об отдельных уступках традиционализму и фундаментализму, но и о переходе всей культурной политики страны на рельсы фундаментализма. Вместе с тем системный кризис России нарастает, и есть вероятность осознания этого если не всем обществом, то хотя бы его элитой, которая, возможно, подтолкнет страну к политической модернизации. Только в этом случае откроется дорога для решения проблемы нейтрализации агрессивного вооруженного исламизма.

Международное космическое право

*Цезарио Гутьерес Эспада,
профессор
университета Мурсии,
Испания*

Картина глобального мира иногда бывает непонятна, поскольку это очень обширная сфера. Но для публичного права глобальный мир является ясным понятием. И конечно, категория глобального мира достаточно понятна для любого раздела международного права. В частности, это касается космического, или внеземного пространства.

Из космоса наш земной мир кажется очень небольшим. И те, кому довелось, увидели, что Земля представляет собой голубую сферу без политических или государственных границ, не разделенную на страны и государства. Из космического пространства земля — наш дом — кажется глобальным миром. И разве этот глобальный мир требует какого-то юридического упорядочения космической деятельности человека? Конечно же, требует! Хотя бы потому, что человек уже находится в космосе. Поэтому там, где космос, должен быть и юридический порядок, регулирующий жизнедеятельность в этом пространстве. Космическое право необходимо для человечества, ведь вселенная — это составная часть природы человека. Упорядочение вообще необходимо для глобального мира, чтобы избежать хаоса. В космической деятельности человека с ее неизведанными проблемами хаос просто опасен.

Итак, согласимся, что юридическое упорядочение космической деятельности необходимо для человечества. И тем не менее космическое право — это такая нормативная деятельность, которая находится в кризисе. Это замороженная система, которая до сих пор не смогла дать адекватного ответа на вызовы и задачи, которые ставит человеческая деятельность в этой новой сфере. Поэтому предстоит, во-первых, выяснить, почему эта область права находится в кризисе. Во-вторых, почему столь необходимо находить решения вопросов, которые вызывают напряженность. И наконец, следует выделить сферы, в которых космическое право до сих пор практически не действует.

Владимир Стенберг. Стартовая мачта ракеты № 6. 1919/1973

Право это родилось 4 октября 1956 года, когда советский спутник впервые описал виток по земной орбите, передавая сигналы. Так вот, с 4 октября 1956 года по 1979 год, то есть за двадцать лет, в международном праве появилось пять соглашений, действующих и сейчас. И в этих документах устанавливаются обязательные требования к странам, которые подписали соглашение.

В 1967 году США, Великобритания и СССР подписали Договор о космосе, который регулирует принципы деятельности государств в исследовании внеземного пространства. Потом на его основе возникают еще четыре соглашения, где конкретизируются отдельные аспекты, затронутые в первом соглашении. В 1968 году принимается Соглашение о спасении космонавтов и о возвращении объектов, запущенных в космическое пространство.

В 1972 году принимается Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами.

В 1975 году — Соглашение о регистрации космических аппаратов, запущенных в космическое пространство.

И наконец, в 1979 году принимается Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах нашей Солнечной системы, то есть Меркурия, Венеры, Марса, Юпитера, Сатурна, Урана, Плутона. Идут споры о существовании в Солнечной системе десятой планеты, но до конца пока не договорились. На мой взгляд, Соглашение о Луне 1979 года — важный и достаточно объемный текст, который не заслуживает того пренебрежения, с каким его приняли, — становится моментом снижения активности в развитии космического права. И я могу найти подтверждение этому. Например, потребовалось десять лет для принятия Соглашения о Луне. Затем на каждое соглашение, которые я упомянул, потре-

бовалось по три года. Удивительно, но по прошествии тридцати шести лет после подписания Соглашения о Луне, среди стран, ратифицировавших его, вы не найдете ни США, ни Российскую Федерацию, ни Китайскую Народную Республику, ни Великобританию, ни Германию, ни Японию, ни Францию! Я могу продолжить этот список...

С 1979 года космическое право, как сказал один авторитетный судья-международник, бывший председатель Международного суда ООН, находится в кризисе, потому что с тех пор принимались только декларативные документы и определенные резолюции Организации Объединенных Наций.

В 1982 году — декларация о принципах работы телевизионных спутников.

В 1989 году — декларация о принципах обнаружения искусственных тел в космическом пространстве.

В 1992 году — декларация об источниках ядерной энергии во внеземном пространстве, после того как спутник «Космос» упал в Канаде и на нем были обнаружены источники ядерной энергии.

В 1996 году принимается декларация о международном сотрудничестве в исследовании космического пространства в интересах всех государств с учетом потребностей развивающихся стран. С 1996 года прошло почти два десятка лет, но Генеральной Ассамблеей ООН были приняты только отдельные декларации, о которых я скажу ниже. Считается, что некоторые проблемы, которые космическое право должно решать, не являются срочными. Но есть такие, на которых стоит сосредоточиться.

Несмотря на то что вопрос об эксплуатации Луны (я не буду касаться других небесных тел Солнечной системы) может показаться достаточно далекой темой будущего, совершенно точно можно сказать, что страны, имеющие возможность проведения космических исследований,

уже приступили к этому. Россия, Япония, Китай, Европейское космическое агентство запустили за последнее время зонды на Луну. У США есть орбитальные аппараты, которые летают вокруг Луны. Все эти аппараты имеют специальное оборудование для составления карты планеты и обнаружения ценных ресурсов. Вопрос времени, когда какое-то из этих государств откроет нечто ценное на Луне и начнет эксплуатировать эти ресурсы. Это может произойти даже раньше, чем мы думаем, это уже вовсе не научная фантастика. Эксперты в последние пять лет говорят, что для развития технологий, даже обычных, потребность в редкоземельных металлах, в элементах, которых мало на земле, должна расти. В отчете, опубликованном конгрессом США в 2010 году, утверждается, что Китайская Народная Республика является экспортером большинства редкоземельных металлов, без которых невозможно производство двигателей гибридных автомобилей, или турбин для генерации ветряной энергии, или жестких дисков для компьютеров, или деталей для смартфонов и многих других изделий, без которых сегодня не обойтись. Согласно этому отчету, индустриальные потребности Китая могут привести вскоре к снижению или прекращению экспорта редкоземельных металлов. Вывод простой: возможно, в течение двух или трех десятилетий, если не будет найдена замена редкоземельным металлам, нам придется их искать за пределами земли. Это не шутка.

Последние экспедиции на Луну открыли на планете редкоземельный металл европий, но пока его запасы неизвестны.

Как бы то ни было, есть проблемы, которые космическое право должно решать. Среди наиболее срочных из них уже несколько лет на повестке дня стоят три проблемы.

Первая — разграничение космического пространства, которое в принципе явля-

ется свободным. Однако если космический аппарат запускается на стационарную орбиту, он будет находиться постоянно в одной точке пространства. На такой орбите не может поместиться большое количество метеоспутников, телеспутников и пр. Таким образом, принцип равенства прав в использовании космического пространства нарушается; необходимо юридически решать эту проблему.

Вторая проблема — демилитаризация космоса. Нужно договориться о запрете размещения любых видов вооружений в космическом пространстве и на небесных телах, а не только ядерного оружия и средств массового поражения, что зафиксировано в Договоре 1967 года.

Третья проблема — пересмотр и актуализация международных соглашений позитивного действующего права в космической области, а также рекомендательных текстов в приложениях к резолюциям ООН.

Из этих трех проблем я выбрал две, которые мне кажутся наиболее значимыми — демилитаризация космоса и текущие вопросы по принятию инициированного Евросоюзом при участии других акторов международного кодекса поведения, регламентирующего деятельность в космосе и на небесных телах.

Первый вопрос — демилитаризация космоса. Понятно, что только очень узкий круг государств способен контролировать в военном отношении космос, а все остальные почти две сотни государств — членов ООН находятся вне игры. В глобальном мире полная демилитаризация космоса является ключевым фактором мировой безопасности, учитывая, что она высвободит тому же гигантские средства, которые необходимо перенаправить на цели решения жизненно важных проблем мирового сообщества и научные исследования.

Действующее космическое право не предусматривает пока полную демилита-

ризацию всего внеземного пространства. В четвертой статье Договора о космосе 1967 года и второй статье Соглашения 1979 года говорится о демилитаризации Луны и других небесных тел Солнечной системы. В частности, второй пункт четвертой статьи Договора 1967 года, а также дополнения к Соглашению 1979-го запрещают создавать на Луне и других небесных телах военные базы и сооружения и выводить на траектории вокруг Луны и на любой другой траектории носители ядерного вооружения или оружие массового уничтожения, а также их размещение на Луне и на других небесных телах.

Но космическое пространство, увы, не запрещается использовать для испытания и развертывания космических объектов, несущих вооружения, которые не подпадают под категорию ядерного или массового уничтожения. Как, например, в случае противоспутникового или другого оружия, направленного на использование против объектов противника на бортах искусственных спутников, потому что все это антиспутниковое оружие или оружие, поражающее объекты на земле или в море, которое использует физические принципы, не позволяющие понять, какой ущерб они могут нанести. Они могут использоваться против конкретных и специфических объектов, но это не оружие массового поражения.

Приход к власти в 2001 году президента Дж. Буша-младшего положил начало процессу перевооружения в космической области с учетом пробелов в Договоре 1967 года. Три документа, принятые администрацией Буша, продолжают в этой связи быть важными и сегодня, я их упомяну.

Первый документ — доклад Комиссии конгресса о Конвенции безопасности

2001 года; его разработал госсекретарь обороны в администрации Буша.

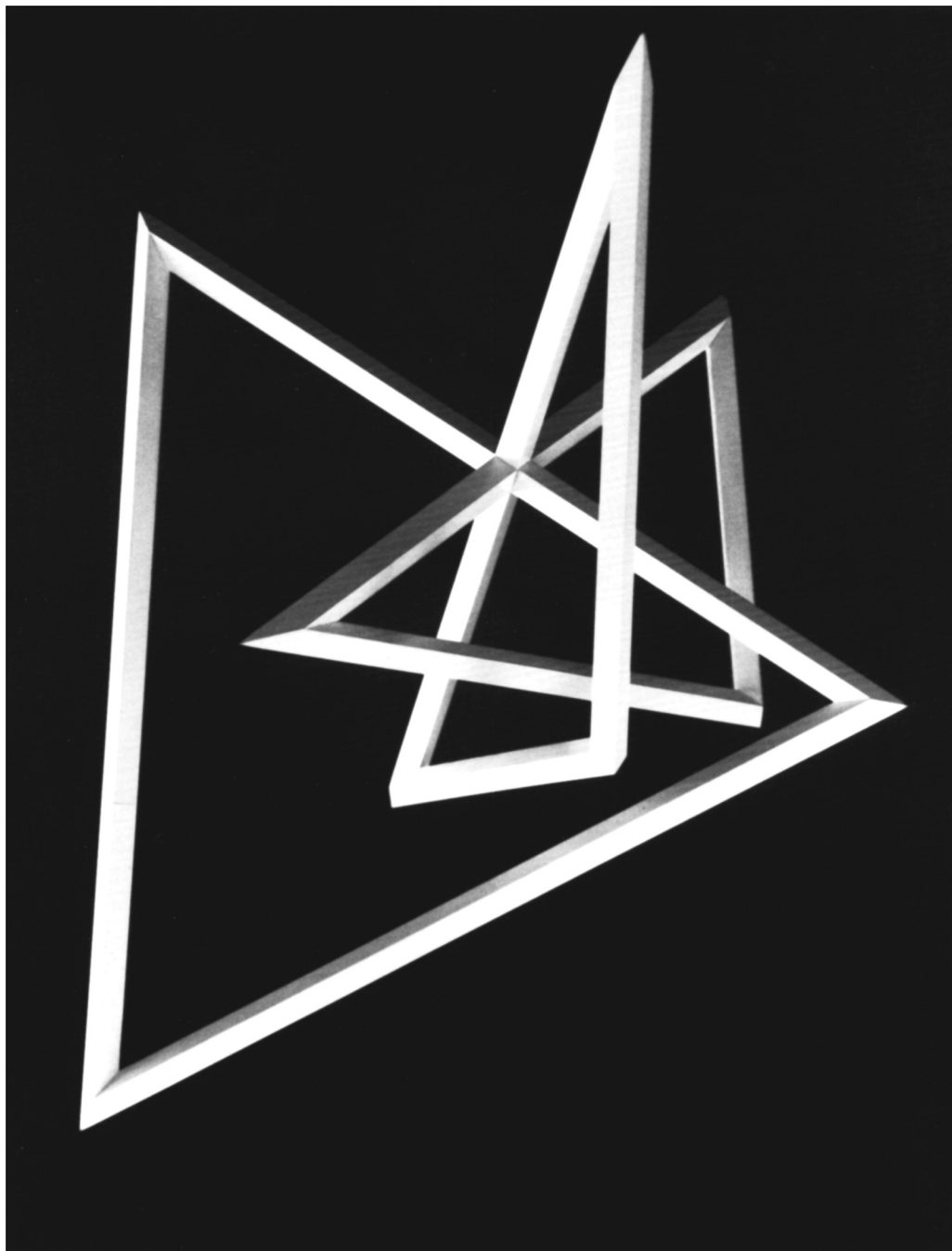
Второй директивный документ, опубликованный в 2004 году, фиксирует задачи преобразования военно-воздушных и космических сил США на ближайшие десятилетия XXI века, его цель — достижение

*Нужно договориться
о запрете размещения любых видов
вооружений в космическом пространстве
и на небесных телах...*

превосходства в воздухе и космосе. Документ содержит десятки исследовательских среднесрочных программ до 2015 года и долгосрочных программ по развитию боевых систем космического базирования после 2015 года. Главной целью концепции военного освоения космического пространства является гарантирование для США возможности атаки объектов противника в любой точке планеты, будь то воздушные, морские или наземные объекты.

Третий документ, открывший путь новой космической доктрине США, — это Национальная космическая политика США; документ был опубликован в 2006 году. В этом отличающемся жесткостью документе называется ряд вещей, ставящих космическую оборону США в ряд наиболее жизненно важных интересов, обеспечивающих беспрепятственное освоение космического пространства и запрещающих администрации вступать в какие-либо новые соглашения, которые ограничивают право США на разработку и проведение в космическом пространстве испытаний космического оружия.

В 2010 году президент Обама провозглашает новую амбициозную программу освоения дальнего космоса, в частности

Флорин Гранвер. Предмет 1:х. 1987

высадку на Марс. Космическая отрасль США превращается в серьезную международную силу, способную формировать повестку дня, в том числе в международной политике. Сохранение усиления

позиции мирового лидера в космической сфере остается приоритетом администрации США на многие годы вперед. То же касается использования космических средств и технологий, где США обладают

научно-техническим лидерством и продолжают совершенствовать космическое вооружение.

Я сказал, что для глобального мира целесообразна полная демилитаризация космоса, и к сказанному нужно добавить следующее.

В 2001 году на конференции по разоружению в Женеве Китай предложил заключить договор о запрещении испытаний и размещения оружия в космосе. Но развития эта инициатива не получила, пока в июне 2014 года Россия и Китай не представили на конференции ООН в Женеве по разоружению обновленный текст договора. В его основе три главные идеи.

Первая. Проект договора запрещает развертывать вооружение, основанное на **любом** физическом принципе, которое могло бы быть использовано для нападения на любые космические объекты, или направлено против населения, или могло представлять опасность для жизни человека. Все виды вооружения нельзя использовать против спутников или наземных объектов.

Во-вторых, в соответствии с проектом создается исполнительный орган, который должен наблюдать за исполнением договора и выполнять роль арбитра в случае конфликта между участниками договора.

И в-третьих, проект предусматривает систему разрешения конфликтов между государствами-членами, подписавшими договор. Эта система базируется на трех элементах. Когда между двумя государствами, подписавшими соглашение, возникает проблема, они должны обсуждать это в двустороннем порядке. Если этого не получается, они отправляют запрос в исполнительный орган. Если и эта возможность также не приносит результата, тогда вопрос переносится на рассмотрение в ООН и в Совет Безопасности ООН.

США и другие западные государства фактически отвергли этот проект. И я то-

же считаю, что в нем есть два главных недостатка. Первый: проект договора запрещает любые виды вооружения в космосе, но не предусматривает и не запрещает противоспутниковое оружие, которое установлено на Земле. Не запрещает исследования, испытания в этой сфере, хранение этого оружия и даже его развертывание. Таким образом, хотя проект запрещает угрозу применения силы, не все принимают факт того, что развертывание оружия является угрозой применения силы. Таким образом, проект китайско-российского договора не запрещает такого оружия наземного базирования.

США и другие государства публиковали отчеты своих спецслужб, заявляя, что Китай проводит испытания космического оружия наземного базирования. Спецслужбы США утверждают, что в 2007 году Китай уничтожил собственный метеорологический спутник с помощью ракеты. У Китая есть противоспутниковые ракеты, которые могут уничтожать объекты, расположенные на высоте двадцать две тысячи километров.

Есть и второй недостаток в проекте договора. Дело в том, что в таком важном и масштабном договоре необходимо было бы предусмотреть, на случай споров, специальный **юридический** орган, принимающий обязывающие решения.

В 2011 году, за три года до появления проекта, постоянный арбитражный суд в Гааге принял арбитражный регламент по урегулированию споров в сфере космической деятельности. Возможно, это был бы интересный вариант для обсуждения.

И в заключение о кодексе поведения для космической деятельности; его обсуждение продолжается с участием многих стран, в том числе входящих в Евросоюз. ЕС — это международная организация, имеющая собственную космическую политику, разработанную совместно с Международным космическим агентством.

Основной характеристикой этой политики является следующее. Это космическая деятельность главным образом мирной, а не военной направленности, во имя граждан, и основывается на трех устоях — Европейский союз, Европейское космическое агентство, в которое входит большинство стран — членов ЕС, и ассоциированные участники и партнеры.

Космическая политика Евросоюза содержит две главные программы — Галилео и Хеминис, которые неплохо продвигаются. Они способны создавать для европейской промышленности, для малого и среднего бизнеса интересные проекты. Программа Галилео предназначена для решения геодезических и навигационных задач, программа Хеминис служит решению проблем космических отходов, то есть наблюдению за предметами и космическими отходами, чтобы предотвращать их столкновение в космосе и рассчитывать траектории вхождения этих предметов в атмосферу.

Евросоюз стремится быть глобальным актором в международных отношениях, и поэтому у него собственная политика в сфере космоса. Но стать глобальными акторами хотят и Россия, КНР, США. Поэтому Евросоюз, помимо активного участия в исследовании космоса, хотел бы оказывать свое признанное и масштабное влияние в этой сфере. Не случайно он предложил принять всем акторам международный кодекс поведения, который стал бы регулятором их современной деятельности. Проект такого кодекса Совет Евросоюза принял в 2008 году, затем в 2012-м дополнил его. Последний раз проект обсуждался в 2013 году.

Ознакомление с проектом в версии 2013 года приводит к следующим выводам. Первое — это свод норм добровольного исполнения, а именно — международный договор, который создает морально-поли-

тические обязательства, но не является обязательным в юридическом плане.

Второе. Содержание кодекса должно применяться к деятельности любого космического объекта, запущенного любым государством, любой межправительственной организацией.

В-третьих, государства и международные организации, подписавшие этот кодекс, должны политически обязаться применять международные договоры в сфере космоса, хотя в проекте упоминается лишь договор о Луне.

В-четвертых, кодекс не затрагивает вопросы предотвращения размещения оружия в космосе, что открывает возможность в этой сфере для гонки вооружений.

Интересен пункт о профилактике «космического мусора». В этом плане можно упомянуть также «Принципы предупреждения образования космического мусора», сформулированные в резолюции ООН от 22 декабря 2007 года.

Как важные я упомянул бы также в этой связи обязательства стран уведомлять о параметрах орбит запускаемых в космос аппаратов. США, например, отказываются сообщать такую информацию, считая ее секретной. Тем не менее предлагаемый кодекс настраивает на укрепление доверия между космическими державами для достижения приемлемого для всех участников космической деятельности результата. Для этого можно работать с двумя документами: российско-китайским проектом о демилитаризации космоса и европейским кодексом поведения в космосе. На мой взгляд, оба проекта совместимы и являются перспективными для решения многочисленных и деликатных проблем использования космического пространства. Любая попытка принять один из этих двух документов, на мой взгляд, была бы грубейшей ошибкой.

Отношение к истории в Германии и Франции*

Франция

Вырастающие из семантического контекста и философии немецкого языка понятия преодоления и проработки прошлого во Франции совершенно неизвестны. Концепт исторической политики сюда тоже до сих пор не проник. Напротив, отношение к прошлому здесь тесно связано с проблематикой памяти и «работой памяти» (*travail de mémoire*). Определяющим событием здесь стало появление в 1978 году статьи историка Пьера Нора о «коллективной памяти». Так же как и в случае общего определения памяти, для Нора важно то, что историки могут извлечь из нее пользу, отмечая и описывая все те формы присутствия прошлого и политизированного подхода к истории, которые до сих пор не подверглись критическому анализу в историографии. Большой успех публикации под редакцией Нора сборников «Места памяти» (*Lieux de Mémoire*) (1984–1992)**, в которой памятные места трактовались как символы национальной идентичности, придал новый импульс исследованию проблематики памяти. В общественном дискурсе сначала использовалось только понятие «политика памяти» (*politique de la mémoire*), а также — намного реже — «управление прошлым» (*gestion du passé*). В 1990-х появилось понятие «долг памяти» (*devoir de mémoire*), которое сначала использовалось применительно к депортации и геноциду французских (и других европейских) евреев и на котором настаивали союзы бывших жертв депортации. Между тем моральный и нормативный долг памяти имеет отношение также и к другим категориям жертв.

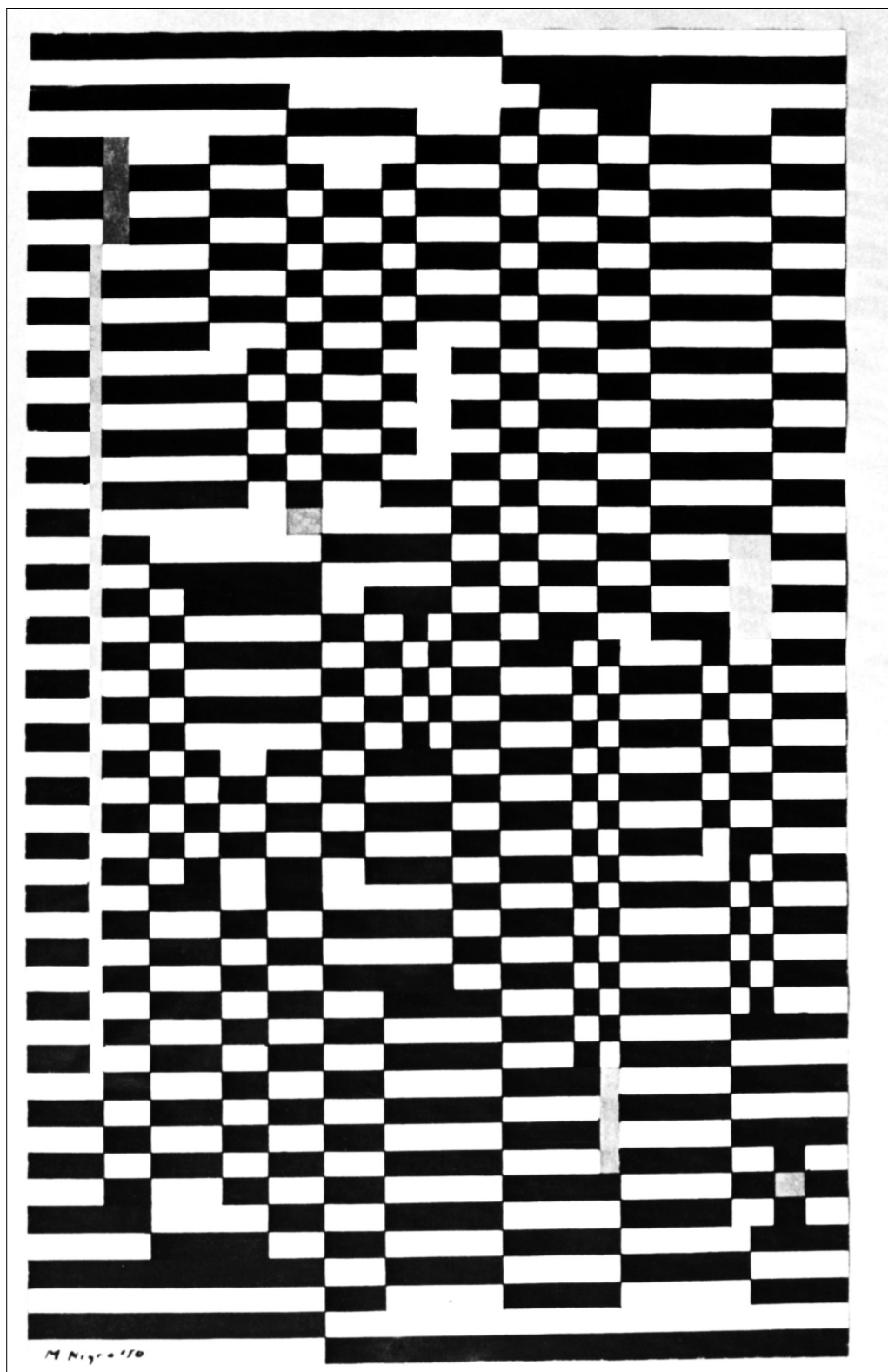
Проблематике памяти посвящено необозримое море литературы, размеры которой можно сравнить только с объемом теоретико-методических и концептуальных

Ютта Шерпер
историк, Германия

* Окончание. Начало см.: «Общая тетрадь», № 1 (67), 2015.

** Nora P. *Mémoire collective // La nouvelle histoire / J. Le Goff, J. Revel (Hg.)*. — P., 1978. — P. 398–401; *Les lieux de mémoire / P. Nora (Hg.)*. 7 Bd. P., 1984–1992.

Марио Нигро. Структура шахматного поля. 1950

статей о политике прошлого, исторической политике и культуре памяти в Германии. Однако даже с учетом того, что «политику памяти» (*Politik mit der Erinnerung*) часто весьма трудно отличить от «исторической политики» (*Politik mit der Geschichte*) и от «политики прошлого» (*Politik der Vergangenheit*), французская «политика памяти» имеет совсем иные корни, нежели немецкие политика прошлого и историческая политика, не говоря уже о том, что они весьма различны по своим целям. Ниже я опишу некоторые важнейшие этапы формирования французской политики памяти и долга памяти. Кстати, отмечу, что современная французская история и историография морально-нормативной формуле «долг памяти» предпочитает выражение «политическое значение прошлого» (*usage politique du passé*, иногда во множественном числе *usages politiques du passé*)*.

Капитуляция 1940 года и последующая немецкая оккупация страны, продолжавшаяся вплоть до лета 1944-го, разрушили единство французской нации. После окончания оккупации надо было создавать новую основу национального единства, и различные политические силы принялись разрабатывать способы преодоления возникшей ситуации. Необходимо было ликвидировать возникшие в обществе противоречия, опираясь на идею некой скрепляющей нацию идентичности. Ключевую роль в этом сыграло Сопrotивление, идеологическое использование которого было в особенности выгодно голлистам и коммунистам, обладавшим в послевоенной Франции большим влиянием. Хотя в идеологическом плане эти политические силы имели мало общего, для тех и других история и память значили очень много. В обеих партиях Сопrotивление трактовалось как вооруженная национально-освободительная борьба. Каждая из них считала, что она не только представляет определенные политические интересы, но и образует некую общность, которая строится и легитимируется на основе объединяющей ее членов интерпретации истории. Де Голль и его сторонники обращались к тому большинству французского населения, которое не участвовало в Сопrotивлении, но и не сотрудничало с немцами. В голлистской модели внешнее, за пределами Франции, но также и внутреннее, то есть внутри страны, сопротивление было в первую очередь продолжением войны, пусть и нетрадиционными средствами. При этом господствующая интерпретация Сопrotивления голлистами ставила в центр не образ отдельного борца, а нацию в целом, что обеспечило позитивное восприятие движения широкими массами населения независимо от политической ориентации. Эта голлистская интерпретация Сопrotивления не в последнюю очередь под контролем государственной машины в 1950–1960-х годах стала господствующей. Акцентирование военно-патриотических аспектов Сопrotивления, кроме всего прочего, несло в себе определенный реабилитирующий момент: ответственность за режим Виши ложилась лишь на сравнительно немногих людей, а большинство населения Франции освобождалось от подозрений в пассивной лояльности режиму Виши или даже его поддержке.

* См.: Hartog R., Revel J. *Les usages politiques du passé*. — P., 2001; Andrieu C., Lavabre M.-C., Tartakowsky D. *Politiques du passé: Usages politiques du passé dans la France contemporaine*. — Aix-en-Provence, 2006.

От де Голля до Миттерана история выполняла целебную и педагогическую функции. Обсуждались только те аспекты прошлого, которые казались полезными для нации. Де Голль с особой настойчивостью возвеличивал нацию как раз в то время, когда Франция всего за несколько лет потеряла свою огромную колониальную империю. Наследовавший де Голлю Жорж Помпиду на фоне страхов, которые овладевали людьми в периоды войн в Индокитае и Алжире, напротив, призывал «забыть об этих ранах, разделяющих французов, из уважения к Франции». Миттеран же воспринимался как «верный и доблестный наследник» Французской революции, двухсотлетие которой он пышно отпраздновал, обойдя спорные вопросы о революционной диктатуре и насилии, в отношении которых французы до сих пор расходятся во мнениях. Революция, по Миттерану, олицетворяла только права человека.

Свою непосредственную близость к истории французские президенты охотно подтверждают эффектными выходами на публику. Так, в день своего вступления в должность президента Франции (21 мая 1981 года) Франсуа Миттеран посетил Пантеон, чтобы продемонстрировать тесную связь с «великими людьми нации». Связь с историей должна была продемонстрировать и состоявшаяся в 1984 году на полях битвы при Вердене (1918) встреча французского президента с канцлером ФРГ Гельмутом Коелем, которые протянули друг другу руку над могилами 800 тысяч павших здесь французских и немецких солдат в знак примирения бывших «заклятых врагов» (это очень напоминает ситуацию с преклонением колен Вилли Брандтом перед мемориалом еврейского гетто в Варшаве «ради наступления мира»). Сцена в Вердене вошла в новый немецко-французский учебник истории, появившийся в рамках совместной историко-политической инициативы обеих стран.

Единственный президент Пятой республики, для которого прошлое было грузом, от которого следовало освободиться, — это Валери Жискар д'Эстен. Он, в частности, отменил в 1975 году торжественное празднование 8 мая (в свою очередь, Миттеран отменил это решение Жискара д'Эстена сразу после своего избрания в 1981-м). В своем новогоднем телеобращении в 1977 году Жискар д'Эстен призвал французов не поддаваться «ревматическим болям истории».

Если де Голль и Миттеран полагали, что республика не несет никакой ответственности за преступления, совершенные режимом Виши, то Жак Ширак по сравнению со своими предшественниками выглядел просто иконоборцем: в ходе дискуссии в мемориале жертвам «Вель д'Ив»* 16 июля 1995-го он признал ответственность французского государства за депортацию евреев и призвал французов к покаянию.

Несмотря на то что во французском лексиконе нет термина «историческая политика», президенты Пятой республики (с 1958 года) пользуются историей как стратегическим инструментом своей политики в несравненно больших масштабах, чем президенты и канцлеры ФРГ. Заложенная во француз-

* *Vel d'Iv* — «Зимний велодром» в Париже (творение Вальтера Шпитцера), куда были согнаны 13 тысяч евреев-иностранцев во время антисемитской облавы в июле 1942 года. Через неделю уцелевших увезли в Освенцим.

ской президентской конституционной системе полнота власти первого лица, которая легитимируется процедурой прямых выборов президента народом, обеспечивает ему, в частности, привилегию охранять историю от имени нации и выступать в роли верховного арбитра в отношении различных интерпретаций прошлого. Президент также имеет право, например, принимать окончательное решение о том, кто из великих французов должен быть помещен в зал национальной славы Пантеон, а кто — из стратегических соображений — должен быть «депантеонизирован». Однако в обход этой важной функции централистского государства серьезные решения, касающиеся политики памяти, в последние десятилетия принимаются в тесной увязке с интересами различных групп гражданского общества, равно как и

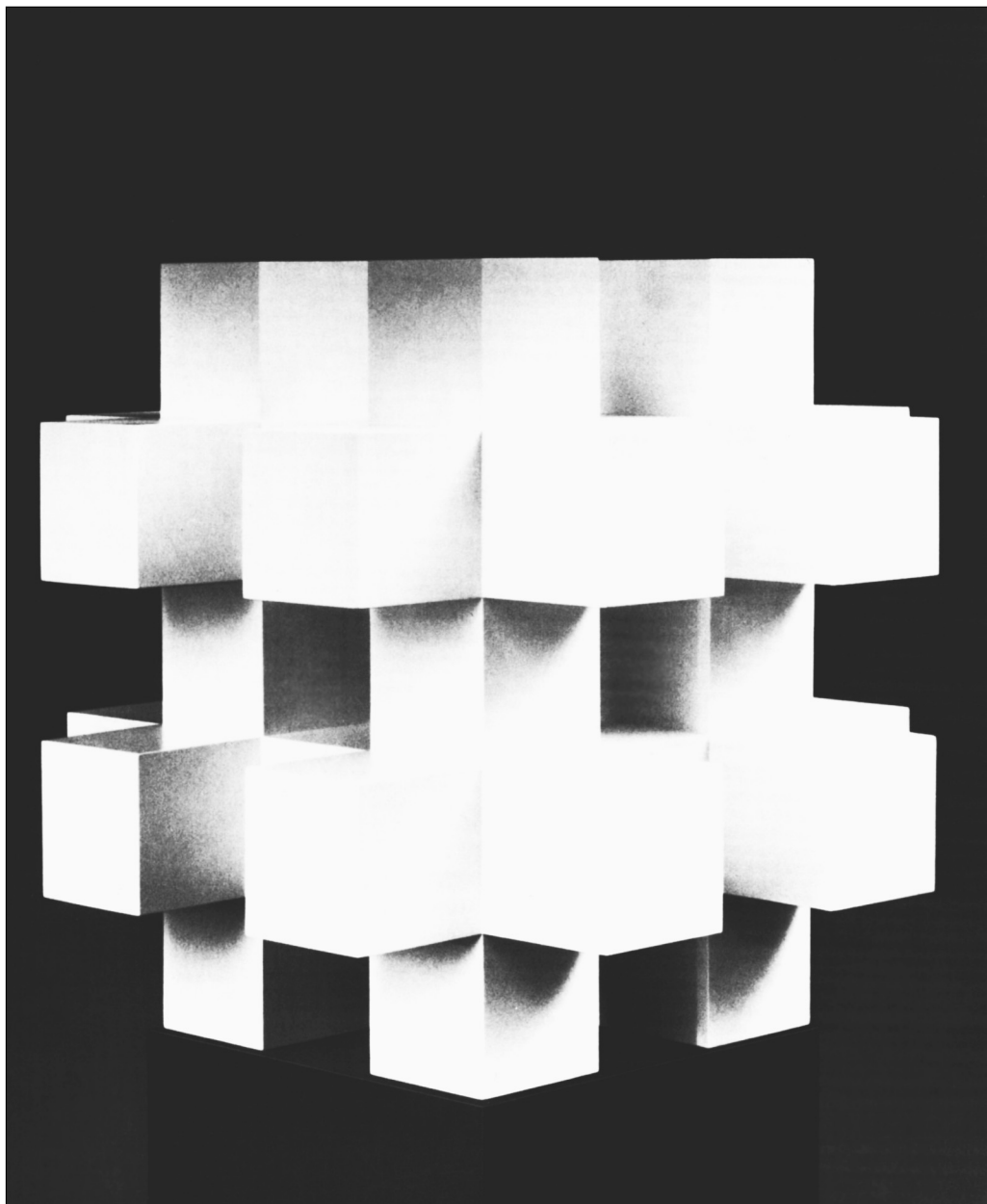
Величие страны состоит в том, чтобы принимать всю свою историю целиком. С ее славными страницами, но также и с ее теневыми сторонами. Наша история — это история великой нации

Жак Ширак

ангажированных интеллектуалов, и не в последнюю очередь определяются ходом исторических исследований, открывающих всё новые материалы. Так, французский миф о Сопротивлении, по оценкам представителей гражданского общества, с 1970-х претерпевает постоянную деконструкцию. Выжившие свидетели-евреи все чаще рассказывали о своем пребывании в лагерях. Фильм Марселя Офюльса «Печаль и жалость» (1969) разрушил представление об однородной Франции, объединяемой Сопротивлением, показав поведение среднего француза, который если и не сотрудничал с немцами, то умел с ними договориться. Хотя президент Помпиду запретил показ «Печали и жалости» по государственному телевидению, этот фильм положил начало той фазе памяти, которую историк Анри Руссо назвал «разбитым зеркалом». Еще в 1971 году Помпиду, самолично не участвовавший в Сопротивлении, помиловал Поля Тувье, одного из бывших руководителей милиции режима Виши, который помогал шефу лионского гестапо Клаусу Барбье в преследовании евреев. Помпиду хотел подвести черту под периодом, когда «французы не любили друг друга». В 1973 году появился наконец французский перевод книги американского историка Роберта Пакстона «Франция в период Виши», который еще в 1964 году исследовал историю коллаборационизма по документальным источникам.

Принятый в 1979 году (при Жискаре д'Эстене) закон позволил открывать архивы уже через 30 лет, и это резко активизировало историческое исследование режима Виши. Все больше свидетельств коллаборационизма и ответственности французов за депортацию евреев становилось достоянием общественности. В 1980 году в Париже был основан Институт современной истории — первое научное учреждение во Франции по изучению новейшей истории.

Основанные на архивных материалах работы Анри Руссо «Синдром Виши: с 1944 года до наших дней» (1987) и Эрика Конана «Виши: прошлое, кото-

Эвердт Хильгеманн. Куб 123 К. 1970

рое не проходит» (1994), а также открытые историко-политические дискуссии с участием профессиональных историков способствовали широкому общественному одобрению судебных процессов против военных преступников. В юридическом и в гражданском планах эти процессы против видных деятелей периода национал-социалистского господства во Франции имели огромное значение для политического просвещения и культуры памяти в стране.

Первым стал большой процесс в 1987 году против Клауса Барбье, одного из самых активных нацистов в оккупированной Франции. В 1994 году помилованный президентом Помпиду Поль Тувье был приговорен французским судом к пожизненному заключению за участие в казнях евреев. Следующим стал процесс в 1998 году против Мориса Папона, генерального секретаря префектуры Бордо, подписавшего приказы об аресте и депортации из этого региона более 1 600 евреев. После войны Папон скрывал свое прошлое и быстро продвигался на государственной службе. В 1958 году де Голль назначил его префектом полиции Парижа, а в 1961-м вручил ему крест ордена Почетного легиона. В том же году, пользуясь полномочиями префекта полиции, Папон разогнал на улицах Парижа демонстрацию сторонников алжирского освободительного движения, о котором стали открыто говорить только в 1980-х годах. В 1978-м Папон стал министром бюджета в либерально-консервативном правительстве Жискара д'Эстена. Политическая карьера Папона закончилась только в 1981-м с приходом к власти левого правительства. В том же году в Бордо начался первый процесс в связи с участием Папона в депортации евреев в 1942—1944 годах. В 1998-м он в конце концов был признан виновным в преступлениях против человечности и приговорен к десяти годам тюрьмы с поражением в гражданских правах.

Этот последний процесс имел особенно широкий общественный резонанс, докатившийся даже до школ. В 2006 году Верховный суд обязал телеканал «История» («*Histoire*») показать наиболее существенные эпизоды процесса Папона. К тому времени на этом канале уже прошли две серии передач о процессах над Барбье и Тувье.

С 1970-х отношение общества к холокосту стало меняться. Еврейские организации были все более активны, а депортированные в прошлом евреи начали открыто рассказывать о том, что они испытали в концлагерях. Но вместе с этим нарастало и отрицание холокоста, например существования газовых камер. 13 июля 1990 года был принят «закон Гайсо» (*Loi Gayssot*), названный по фамилии предложившего его депутата-коммуниста, против расизма, антисемитизма и ксенофобии, который предусматривал наказание за отрицание преступлений против человечности, в частности геноцида в отношении евреев, во время Второй мировой войны.

Закон Гайсо стал первым в ряду «законов памяти» (*lois mémorielles*), которые образовали ядро системы, называемой во Франции «политикой памяти» вместе с «долгом памяти» и «работой памяти» (*travail de mémoire*). 29 января 2001 года влиятельное армянское меньшинство добились принятия закона, в соответствии с которым Франция публично признала геноцид армян в 1915 году. В октябре 2006 года парламент постановил, что отрицание геноцида армян должно влечь за собой такое же наказание, какое закон Гайсо предусматривает за отрицание геноцида евреев. Однако через сенат этот закон о геноциде армян пока не прошел (дело тормозится из-за опасения политической реакции Турции). Еще один «закон памяти», так называемый закон Тобира (*Loi Taubira* — по имени депутата-социалиста от Французской Гвианы), принятый 21 мая 2001 года, признает рабство и работорговлю преступлением против человечности.

Наряду со Второй мировой войной, важнейшей темой во французской исторической политике и политике памяти является война в Алжире (1954—1962). Ангажированные кинорежиссеры уже давно проинформировали французское общество о преступных страницах истории этой военной кампании, однако в официальном лексиконе словосочетание «война в Алжире» долгое время оставалось под запретом, так как оно затрагивало «честь Франции». Вместо этого говорили об «операциях французской армии в Алжире». О совершенных армией военных преступлениях и пытках французские официальные круги до недавнего времени не распространялись. Бывшая французская колония Алжир оставалась незаживающей раной не только для Франции, но и для алжирской стороны, которая ожидала жеста покаяния от бывшей метрополии*.

23 февраля 2005 года был принят закон относительно роли Франции как бывшей колониальной державы, и не только применительно к Алжиру. Закон был внесен усилиями лобби ностальгирующих репатриантов и французов алжирского происхождения, то есть преимущественно переселенцев из Алжира. Статья 4 этого закона требует, чтобы на школьных уроках учителя истории подчеркивали «позитивную роль французского присутствия на заморских территориях, и в частности в Северной Африке».

«Законы памяти» с самого начала вызывали противодействие французской общественности. С одной стороны, были опасения, что многочисленные группы жертв и меньшинств, требуя реализации своих «прав», исполнения «долга памяти», будут преследовать исключительно собственные узкие интересы. С другой стороны, существовала опасность, что законодатели будут выходить за рамки проблем, имеющих отношение к французской национальной истории и исторической идентичности (как это было в случае признания геноцида армян). Исходя из этого, историки выступили принципиально против вмешательства законодательной власти в сферу, где суждения могут выноситься лишь на основании результатов исторических исследований. Закон о позитивной роли Франции в качестве колониальной метрополии вызвал беспрецедентные протесты против «преподавания официальной истории». В них кроме преподавателей истории и ученых-историков приняли также участие многие известные люди, которые выступали против всех «законов памяти, не достойных демократического государства». В крупнейших ежедневных газетах, таких как *Le Monde* и *Libération*, публиковались петиции и призывы против юридического ограничения исторических исследований и против клятв в верности «историческому долгу». Созданное в 2005 году объединение «За свободу истории» (*Liberté pour l'histoire*) приняло обращение, в котором говорилось: «История не является объектом юриспруденции. В свободном государстве ни парламент, ни судебные власти не должны определять историческую правду. Политика государства, даже если она исходит из лучших побуждений, не является исторической политикой». Этот закон

* Полное описание алжирской войны см.: *La guerre d'Algérie: 1954—2004, fin de l'amnésie* // B. Stora, M. Habib (Hg). — P., 2004.

мог иметь и неприятные внешнеполитические последствия, например его резко осудил президент Алжира Абдельазиз Бутефлика в речи, посвященной 60-й годовщине резни в Сетифе, Гельме и Бужи, когда в мае 1945 года по вине колониальных властей погибло около 45 тысяч алжирских гражданских лиц.

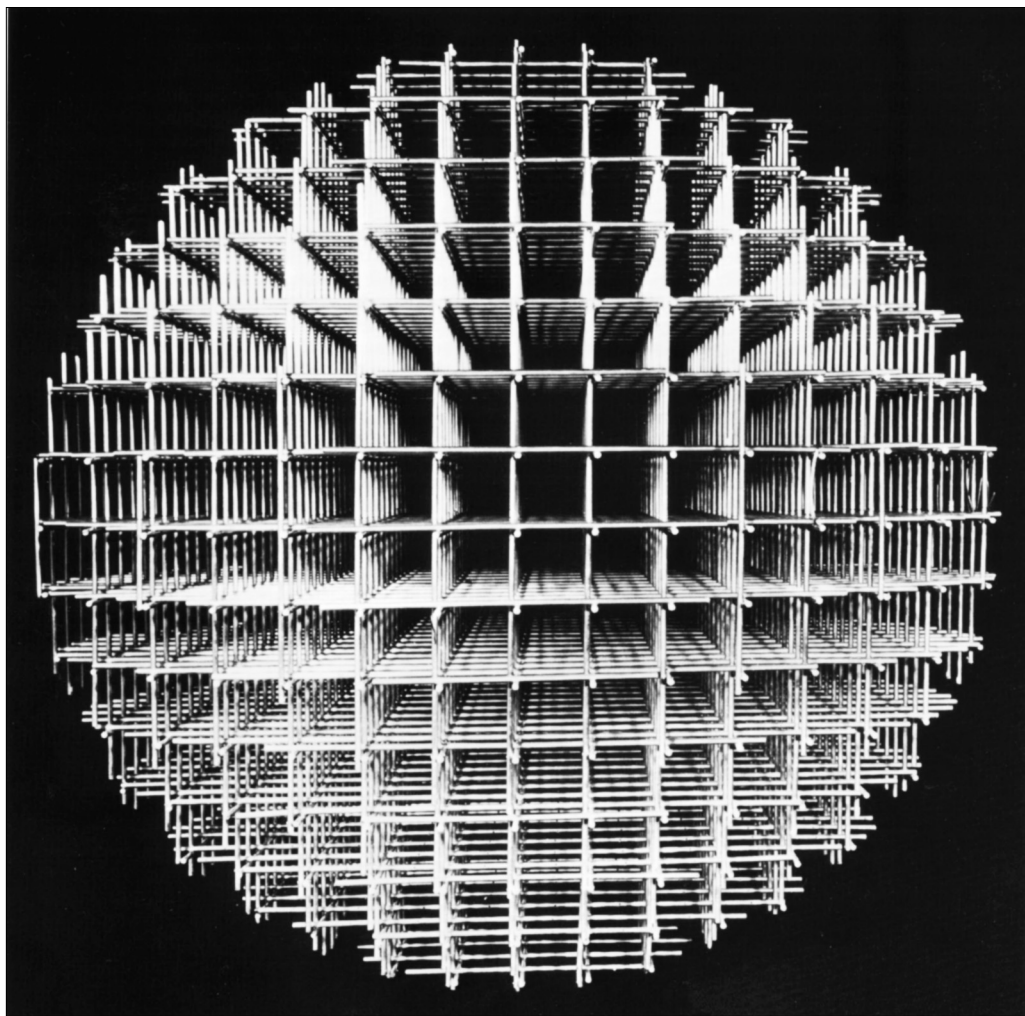
Внутрифранцузские споры «о положительной роли колонизации» были весьма ожесточенными, потому что всего лишь за несколько недель до этого в пригородах больших городов молодые «французы» из семей иммигрантов жгли машины и общественные здания. Наконец президент Ширак вынужден был вмешаться в «битву памяти» (*bataille des mémoires*) между гражданами, тоскующими по эпохе колониализма, и ассоциациями потомков рабов с

*Политики должны заботиться
о коллективной памяти,
но ни в коем случае не должны
институционализировать ее
от имени государства посредством
правовых актов*

Антильских островов и Гваделупы: «В Республике нет никакой официальной истории. История не пишется на основании закона. Писать историю — это дело историков». В конце 2005 года была создана парламентская комиссия по «оценке действий парламента в области памяти и истории», а годом позже проект закона о «Позитивном влиянии французского присутствия на заморских территориях» был отозван. Не в последнюю очередь новейшие исследования истории рабства и колонизации* способствовали тому, что Ширак объявил 10 мая Днем отмены рабства. Он заявил с пафосом: «Величие страны состоит в том, чтобы принимать всю свою историю целиком. С ее славными страницами, но также и с ее теневыми сторонами. Наша история — это история великой нации. Мы взираем на нее с гордостью. И мы воспринимаем ее такой, какая она есть».

На этом фоне дебатов вокруг законов памяти и культуры памяти Николя Саркози в своей предвыборной кампании не прошел мимо политики памяти, используя французскую историю как неистощимый источник материала для утверждения национальной идентичности, и это стало одним из его главных лозунгов. Как соперник Жака Ширака, он хотел преодолеть «самотрицание» и «тенденцию к систематическому раскаянию», восстановив ценность Сопrotивления: Францию нельзя упрекать в совиновности в преступлениях Второй мировой войны, в том числе и в соучастии в холокосте. Вскоре после своего вступления в должность в мае 2007 года вновь избранный президент декретом предписал, чтобы ежегодно 22 октября во всех средних школах страны зачитывалось письмо 17-летнего участника Сопrotивления Ги Моке, расстрелянного в 1941-м немецкими солдатами. Он должен был служить примером мужества и самоотверженного патрио-

* *Régent F. Esclavage, métissage, liberté, la Révolution française en Guadeloupe.* — P., 2004; *Idem. La France et ses esclaves: De la colonisation aux abolitions: 1620—1848.* — P., 2007.

Франсуа Морелле. Сферическая решетка. 1962

тизма для нынешней молодежи. В феврале 2008 года Саркози предписал, чтобы каждый ученик французской начальной школы взял своего рода шефство над памятью одного из 11 тысяч депортированных во время Второй мировой войны еврейских детей: каждый ученик должен знать имя и биографию хотя бы одного ребенка, погибшего в холокосте.

Это невиданное в Пятой республике вмешательство президента в школьные программы встретило жесткое сопротивление как преподавателей, так и ученых-историков. Они защищались от попыток навязать им сверху предписанную историографию и превратить ее в «политический инструмент». Однако звучали и другие голоса, например члена Французской академии историка Макса Галло, который выступил в поддержку Саркози: «По истечении периода, начавшегося с речи Жака Ширака 16 июля 1995 года о соучастии французского государства в преследованиях евреев, необходимо восстановить равновесие... Мы не можем сохранять из этого времени только Виши и исключать Сопротивление. Франция была также и

нацией Сопротивления». Саркози также впервые создал Министерство национальной идентичности и иммиграции.

Борьба против французских законов памяти вышла на общеевропейский уровень, когда в 2007-м на совещании министров европейских стран обсуждалось предложение о том, чтобы в каждой стране ЕС «публичное отрицание геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений, пренебрежительное отношение к ним или грубое их преуменьшение» наказывалось, как во Франции, «лишением свободы на срок от одного года до трех лет». Поскольку возникла реальная угроза того, что во всем Европейском союзе последнее слово об исторических фактах будет формулироваться в виде судебных приговоров, в октябре 2008 года Пьер Нора от имени объединения «За свободу истории» опубликовал документ под названием «Воззвание из Блуа», который подписали многие видные европейские историки и который был напечатан во всех крупных западных газетах. В нем говорилось, что в свободном государстве политические власти не имеют права определять, что есть историческая правда, и что, безусловно, нельзя ограничивать свободу историков, угрожая им уголовным преследованием. Политики должны заботиться о коллективной памяти, но ни в коем случае не должны институционализировать ее от имени государства посредством правовых актов.

Конечно, у «Воззвания из Блуа» сразу же нашлись противники, которые упрекали историков в том, что они якобы присвоили себе исключительное право на историческую память. Однако недавно споры о «законах памяти» во Франции утихли. Своим постановлением президент Национального собрания Франции Бернар Акуайе в ноябре 2008 года запретил впредь принимать законы, подобные уже принятым законам памяти, а вместо этого разрешил принимать резолюции, не имеющие юридических последствий. Если законы памяти в Пятой республике свидетельствуют об исключительно сильном политическом вмешательстве в культурное и историческое наследие, то «Воззвание из Блуа» показывает, что история в плюралистском обществе может оспариваться и становиться событием политического значения. Оно подтверждает важную роль историков в развитии исторического сознания общества, их ответственность за преподавание в школах и за школьные учебники, а также за директивы Министерства образования. Воззвание свидетельствует и о том, что европейские историки и интеллектуалы в состоянии тормозить историко-политические инициативы также и на европейском уровне. Остается лишь следить, в каком направлении будут в дальнейшем развиваться дебаты между политиками, членами самых разных организаций и историками на общеевропейском уровне.

Кратко обрисованные различия исторической политики в Германии и Франции можно в значительной мере объяснить особенностями истории XX века и различием политических культур двух стран. И все же возникает вопрос: в свете сопоставления глубинной предрасположенности обоих обществ к той или иной политике не является ли справедливым давнее суждение Марка Блока, согласно которому немцы «интенсивнее переживают свои коллективные воспоминания, нежели французы, которые издавна склонны руководствоваться здравым смыслом»?

Андрей Захаров,
политолог,
редактор журнала
«Неприкосновенный запас:
дебаты о политике
и культуре»

Макиавелли и мы*

Исследуя природу политической власти, Никколо Макиавелли обратил внимание на особую группу политиков, которым власть достается без усилий — просто так, по стечению обстоятельств. Такие люди, лишенные, как правило, выдающихся талантов и ставшие государями исключительно милостью судьбы, находятся на особом положении. *«Как бы перелетев весь путь к цели, они сталкиваются с множеством трудностей впоследствии, — говорит он. — В этих случаях государи всецело зависят от воли и фортуны тех, кому обязаны властью, то есть от двух сил крайне непостоянных и неприхотливых; удержаться же у власти они не могут и не умеют. Не умеют, оттого что человеку без особых дарований и доблести, прожившему всю жизнь в скромном звании, нигде научиться повелевать; не могут, оттого что не имеют союзников и надежной опоры»* (Государь, VII)**. Впрочем, среди этих *«невесть откуда взявшихся властителей»* (формулировка автора) встречаются и исключения: некоторые из них, несмотря на случайный характер своего возвышения, все-таки *«умеют не упустить того, что фортуна сама вложила им в руки»* — и тогда задерживаются у власти на многие годы, а то и на десятилетия.

Возвышение случайных людей стало одним из симптомов той эпохи, в которую жил Макиавелли. Подобно нынешним временам, то были годы турбулентности, годы переворотов и сдвигов, ставивших под сомнение традиционные формы легитимности. В работах великого итальянца много говорится о «новых государях» и «новых государствах», поскольку на рубеже XV и XVI веков, когда он размышлял, традиционная ткань европейской политики начала медленно расплзаться, а кое-

* Текст подготовлен на основе публичной лекции автора, прочитанной в Тбилиси 25.09. 2015 г.

** Здесь и далее цитаты из трактата «Государь» приводятся в переводе Г. Муравьевой. Полный текст трактата см. в книге: Макиавелли Н. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1982. — С. 301–378.

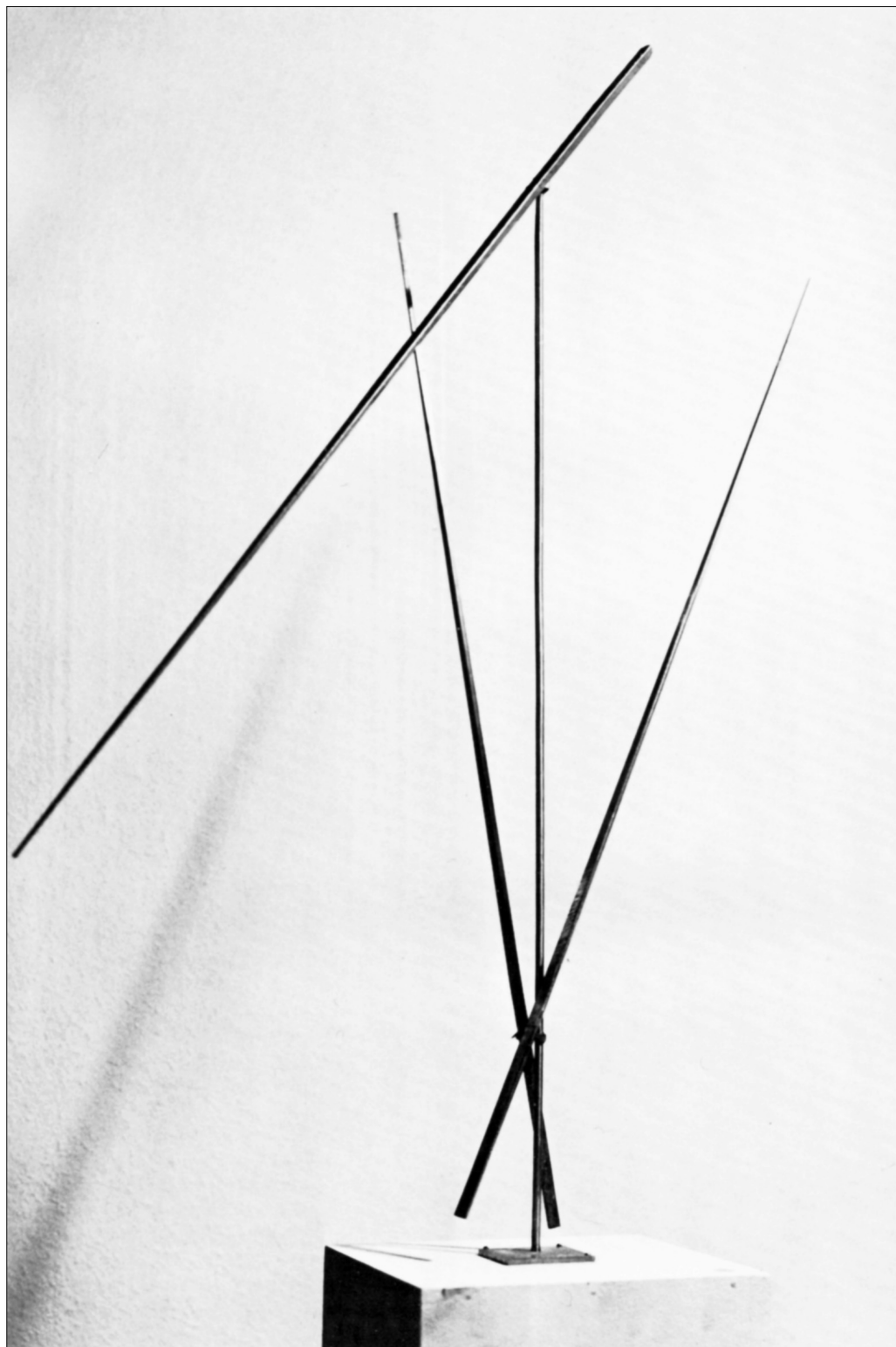
где и стремительно рушиться. «Новые государства» — это те, которых не было прежде, которые выкраиваются из обломков старой политической карты. Вчера они отсутствовали, но сегодня они уже появились, и их властителям приходится объяснять миру, почему и как это произошло: иначе говоря, они нуждаются в нетипичной и нетрадиционной легитимации. Причем от властителей в новой диспозиции зависит очень и очень много: ведь на народ надеяться — что на песке строить, повторяет Макиавелли старую поговорку (*Государь*, IX). Итальянцы эпохи Возрождения воспринимали государство как произведение искусства, где государь должен быть архитектором и каменщиком одновременно. Его государство не унаследовано — правителю нужно воздвигнуть его, а для этого необходима твердая почва под ногами*. Вместе с тем работать в абсолютном одиночестве новый правитель не может: так или иначе ему постоянно приходится апеллировать к тем людям, которыми он управляет, — к народу.

В итоге в «новых» государствах народ обычно привлекают к принятию решений. Макиавелли, однако, заботит то, что с этим связаны определенные издержки. Скажем, нет никаких оснований думать, будто случайные люди у власти — это исключительно те, кто пришел к высоким постам только через злодеяния или милости судьбы**; Макиавелли намекает, что способ всенародного избрания тоже поощряет проходимцев, поскольку для победы в голосовании требуются «не собственно доблесть или удача, но скорее удач-

ливая хитрость» (*Государь*, IX). Демократия потворствует хитрецам, и это правда: демократическая практика на протяжении пятисот лет, отделяющих нас от эпохи Макиавелли, многократно доказывала это. В приспособлении к народовластию, по наблюдению Макиавелли, политическим лидерам очень помогают некоторые особые умения, которые в состоянии освоить даже посредственный политик. Главным в этом ряду, как ни банально, оказывается искусство казаться не тем, чем ты являешься на самом деле. *«Государю нет необходимости обладать... добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими. Иначе говоря, надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым — и быть таковым в самом деле, но внутренне надо сохранить готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимо. ...Государь должен бдительно следить за тем, чтобы с языка его не сорвалось слова, не исполненного пяти названных добродетелей. Пусть тем, кто видит его и слышит, он предстает как само милосердие, верность, прямодушие, человечность и благочестие, особенно благочестие. Ибо люди большей частью судят по виду, так как увидеть дано всем, а потрогать руками — немногим»* (*Государь*, XVIII). Все это было написано в эпоху, когда такой феномен общественной жизни, как СМИ, еще напрочь отсутствовал, но это не помешало итальянскому мыслителю предвидеть колоссальный эффект телевидения, одна из задач которого с приходом массовой

* О присущем Ренессансу представлении о государстве как произведении искусства первым заговорил Якоб Буркхардт в классическом сочинении «Культура Италии в эпоху Возрождения». См. также: Rebhorn W. Machiavelli's Prince in the Epic Tradition // Najemy J. (Ed.). *The Cambridge Companion to Machiavelli*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2010. — P. 80–116.

** По словам Бертрана Рассела, «бывают такие периоды хаоса, когда успех нередко сопутствует отпетым негодяям; к числу таких периодов относился и период Макиавелли». См.: Рассел Б. *История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней*. — М.: Академический проект, 2009. — С. 618.

Джордж Рики. Два вверх, один вниз. 1966

политики заключается как раз в том, чтобы изображать отъявленных циников в виде смиренных агнцев. Именно оно предоставляет массовому потребителю — электорату — упомянутую «возможность увидеть», но при этом число тех, кто общается с «демократическим» лидером напрямую, постоянно сокращается.

Это далеко не единственная претензия, предъявляемая Макиавелли демократическому устройству. Главная беда демократии в том, что *«народное правление без труда превращается в разнузданность»*, и по этой причине его необходимо дополнять элементами, присущими монархическому и аристократическому режимам (*Рассуждения*, II)*.

Объясняется это фатальное тяготение народовластия к хаосу некачественной от рождения природой человека: разрабатывая политический дизайн «нового» государства, данный фактор никак нельзя упускать из виду. *«Учредителю республики и создателю ее законов необходимо заведомо считать всех людей злыми и предполагать, что они всегда проявят злобность своей души, едва лишь им представится к тому удобный случай, — пишет Макиавелли. — Если же чья-нибудь злобность некоторое время не обнаруживается, то происходит это вследствие каких-то неясных причин, пониманию которых мешает отсутствие опыта; однако ее все равно обнаружит время, называемое отцом всякой истины»* (*Рассуждения*, III). Подобно многим другим мыслителям, жившим после него — Монтескье, Руссо, Локку, отцам-основателям США, Макиавелли убежден в том, что социальные коллективы нужно жестко контролировать, ибо

человеческий материал ненадежен. Но делать это он рекомендует так, чтобы не страдала свобода. («Макиавелли повсюду употребляет слово “свобода” как обозначающее что-то драгоценное», — пишет Бертран Рассел**). Подхватывая этот тезис, Исая Берлин добавляет: «Единственная свобода, которую он признает, — это свобода политическая, свобода от произвольного деспотичного правления, то есть республиканский строй»***.) И вот тут Макиавелли открывает для себя основной плюс демократии, компенсирующий ее многочисленные и бесспорные минусы: присущие ей противоречия благотворны, поскольку, имея возможность свободно проявлять свои политические устремления, противоборствующие общественные силы *уравновешивают друг друга*, гарантируя тем самым волеизъявление граждан. В качестве примера он ссылается на историю Рима, заявляя, что постоянные распри между знатью и плебсом *«были главной причиной сохранения в Риме свободы»*. *«Все законы, принимавшиеся во имя свободы, породились разногласиями между народом и грандами»*, — говорит он, подчеркивая созидательную роль противоречия, столкновения мнений, постоянного наличия оппозиции (*Рассуждения*, IV). Соответственно, если таких разногласий нет, если они старательно маскируются и вуалируются, то будет приниматься законодательство, не имеющее со свободой ничего общего. Социальный конфликт, согласно этой логике, оказывается нормой, а не аномалией; ничего приятного в нем, разумеется, нет, но он гарантирует поступательное развитие общества — в отличие от парадигмы «народного единства и национального согласия», вдохновляемой,

* Здесь и далее цитаты из трактата *«Рассуждения о первой декаде Тита Ливия»* приводятся в переводе Р. Хлодовского.

** Рассел Б. Указ. соч. С. 615.

*** Берлин И. Оригинальность Макиавелли // Человек. 2001. № 2.

как правило, желанием очередного диктатора всеми силами избежать раскола своей паствы и потери власти. Вновь обращаясь к римской истории, Макиавелли констатирует: *«Следует примириться с враждой между народом и сенатом, приняв ее как неизбежное неудобство для достижения римского величия»* (Рассуждения, VI). Кстати, такой подход очень раздражал современников: по замечанию Квентина Скиннера, «идея Макиавелли шла вразрез с традицией республиканской мысли Флоренции, с представлением о том, что всякое несогласие должно изгоняться из общества как ведущее к расколу»*. «Хвалить разобщенность — все равно что хвалить состояние больного человека», — возмущался, среди прочих, упоминаемый Скиннером Франческо Гвиччардини.

У демократии есть еще один плюс: ее главный выгодоприобретатель, а именно народ, никогда не заинтересован в узурпации власти и ликвидации свободы. *«Если мы посмотрим на цели людей благородных и людей худородных, то, несомненно, обнаружим, что благородные из всех сил стремятся к господству, а худородные желают лишь не быть поработоченными и, следовательно, гораздо больше, чем гранды, любят свободную жизнь, имея меньше надежд, чем они, узурпировать общественную свободу. Поэтому естественно, что когда охрана свободы вверена народу, он печется о ней больше и, не имея возможности сам узурпировать свободу, не позволяет этого и другим»* (Рассуждения, V). Сказанное очень похоже на описание взаимоотношений между властью и гражданским обществом в нынешнем мире: власть по самой своей природе стремится к экспансии и завоеванию все большего политического

пространства, в то время как гражданские организации, отнюдь не желая превратить себя в структуры власти и не интересуясь ее завоеванием, сдерживают и ограничивают притязания государства.

Уже в тех фрагментах, которые я упомянул, Макиавелли выглядит очень современным мыслителем. Это не удивительно, потому что в сфере политической философии именно с него начинается так называемое Новое время, отсчет которого принято вести с XVI столетия. Строго говоря, с приходом этой эпохи происходит мало такого, что можно было бы назвать совсем уж качественно новым: в основном это тенденции, оформившиеся уже в позднем Средневековье, которое незаслуженно именуют веками мрака и тьмы. В ряду этих переходных тенденций, многократно отмечавшихся в литературе, я бы выделил две**.

Во-первых, наблюдается дальнейшее возвышение земной власти и ее централизация. Ее основой стало учение «ангельского доктора» — теолога Фомы Аквинского, жившего в XIII веке, — о том, что человек в своей жизни реализует множество целей одновременно: стремление к Богу лишь одна из таких целей. Бренные чаяния, с которыми надо мириться, проистекают из самой человеческой природы, ее надо принимать — и уважать государство, в рамках которого такие задачи реализуются. Макиавелли, который был образованным человеком, безусловно, знал о новейших тенденциях в католической мысли. Подхватив тезис об автономии государства и самостоятельности политики, он развил его светским образом, безмерно возвысив политическую власть и обосновав ее обособление от прочих сфер социальной жизни, прежде всего от религии. Этот уход политики от

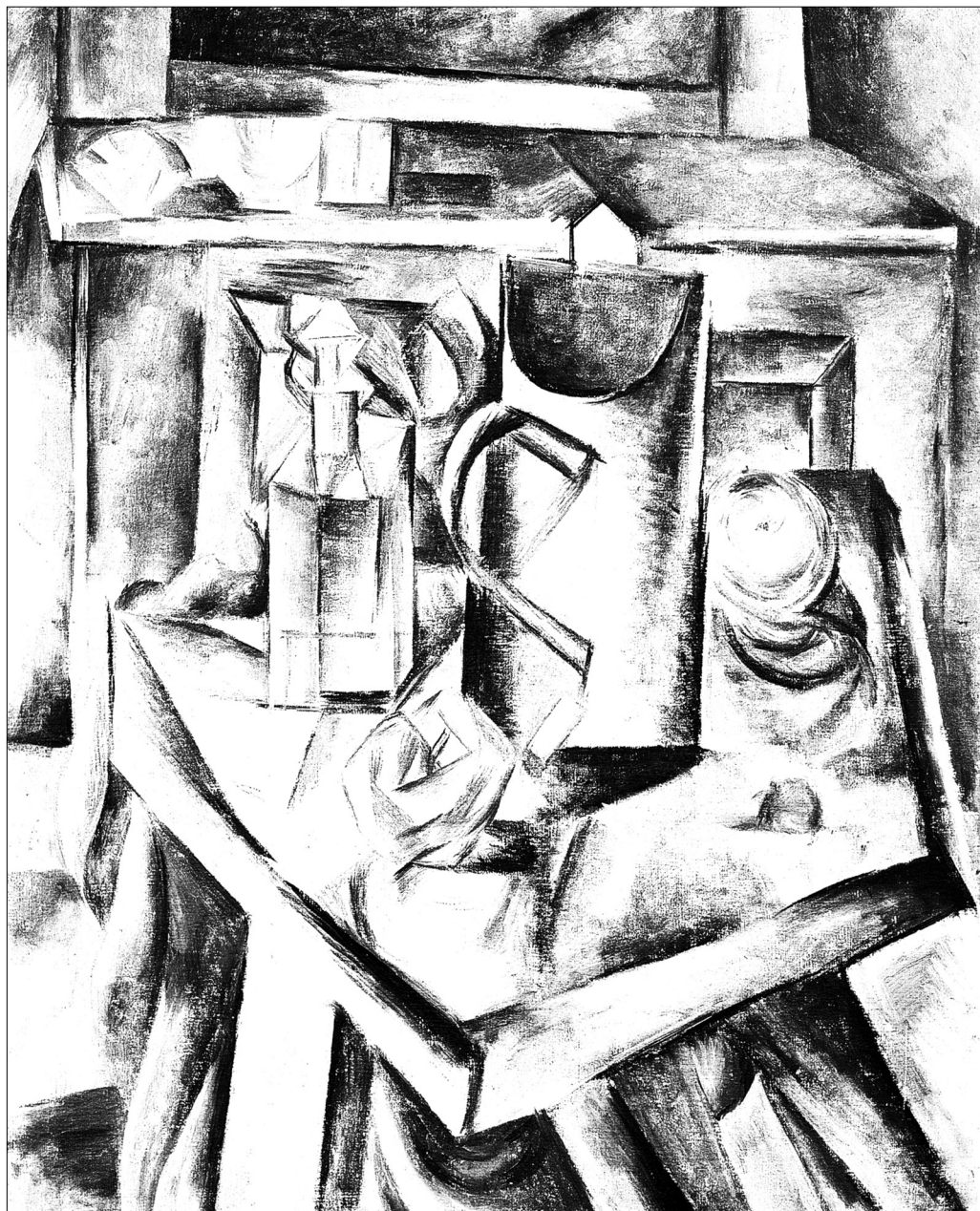
* Скиннер К. Макиавелли: очень краткое введение. — М.: Астрель, 2009. — С. 116.

** См.: Магун А. Единство и одиночество: Курс политической философии Нового времени. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — С. 176–177.

религии, начатый фактически еще средневековыми мыслителями и поддерживаемый деятелями Возрождения, имел для европейской культуры фундаментальное значение*. Предоставив «сад небесный» самому себе, европейское общество смогло сосредоточиться на культивировании «сада земного». Это оказало самое позитивное воздействие на среду европейской политики — главными политическими акторами здесь становятся не личности, а институты. Кстати, так было не везде: в России, например, персонификация власти была и остается традицией, не изжитой до наших дней. Макиавелли, при всем его уважении к той роли, которую в политике играет личность, протестует против ее избыточного превознесения: скажем, считая императорскую власть важнейшим системообразующим институтом римской истории, он утверждает, что она пришла в упадок, как только стала наследственной, то есть когда первое место в ней заняли личности, а не принципы (*Рассуждения*, X). В нижеследующем рассуждении он не оставляет сомнений в том, что выдающийся лидер по-настоящему дееспособен только тогда, когда опирается на прочную институциональную почву: «Благо республики или царства состоит вовсе не в том, чтобы обладать государем, который мудро правил бы ими в течение всей жизни, а в том, чтобы иметь такого государя, который установил бы в них такие порядки, чтобы названное благо не исчезло с его смертью» (*Рассуждения*, XI). Во-вторых, еще одним средневековым наследством, также преумноженным Макиавелли, стало политическое оформление «народа» как воплощения божественной власти. Именно в конце Средних веков, а не позже, появляются первые варианты теории общественного

договора. Заново открытое Фомой Аквинским естественное право становится одним из критериев ограничения государственной власти: есть естественные нормы справедливости, которые не может попирать ни один государь, несмотря на божественную легитимацию монархического правления. Из такой логики рождается субъект как политическая единица и начинает оформляться идея равенства индивидов перед законом. Сочинения Макиавелли в этом смысле выступили своеобразным мостиком между поздними схоластами и Локком, Спинозой, французскими просветителями. Он неоднократно воздает народу должное — о том, что народ менее склонен узурпировать свободу, нежели богачи, уже говорилось выше. Но народ, как коллективное тело, к тому же мудрее и рассудительнее государей, а также отличается большим постоянством. Макиавелли пишет: «*Не без причин голос народа сравнивается с гласом Божьим: в своих предсказаниях общественное мнение достигает таких поразительных результатов, что кажется, будто благодаря какой-то тайной способности народ ясно предвидит, что окажется для него добром, а что — злом. Лишь в самых редких случаях, выслушав речи двух ораторов, равно убедительные, но тянущие в разные стороны, народ не выносит наилучшего суждения и не способен понять того, о чем ему говорят*» (*Рассуждения*, LVIII). Соответственно, коллективная воля менее подвержена промахам и просчетам, чем единоличное правление. Макиавелли продолжает свою мысль: «*А если он, как отмечалось, допускает ошибки, принимая решения излишне смелые, хотя и кажущиеся ему самому полезными, то ведь еще большие ошибки допускает государь, движимый своими страстями, каковые по силе*

* Подробнее об этом см.: Манан П. *Общедоступный курс политической философии*. — М.: Московская школа политических исследований, 2004. — С. 39–54.

Пабло Пикассо. Бокал. 1909

много превосходят страсти народа. При избрании магистратов, например, народ делает несравнимо лучший выбор, нежели государь; народ ни за что не уговорить, что было бы хорошо удостоить общественным почетом человека недостойного поведения, а государя угово-

рить в том можно без всякого труда» (там же). Более того, народное волеизъявление выступает более эффективным инструментом исправления ошибок, нежели воля диктатора или тирана: «Если же мы сопоставим необузданного государя с необузданным народом, то увидим,

что и в этом случае народ допускает менее серьезные ошибки, для исправления которых необходимы более легкие средства. Ведь достаточно доброму человеку поговорить с разнузданным и мятежным народом, и тот тут же опять встанет на правый путь. А с дурным государем поговорить некому — для избавления от него нужно железо» (там же).

В творчестве Макиавелли есть еще один аспект, который делает его удивительно актуальным. Это отношение к политическим переменам. Иммануил Валлерстайн сказал как-то, что впервые вопрос о законности, легитимности, нормальности политических перемен в европейской истории был поставлен Великой французской революцией — до этого переменны считались бедствием и аномалией*. Справедливости ради стоит отметить, что Макиавелли сделал то же самое на три столетия раньше французских революционеров. «Новые» государства, о которых он рассуждает, находятся в постоянном движении: их владыки обязаны соответствовать этой турбулентности, а создание новой государственной формы и попечение над нею обязывает их к неустанному ее обновлению и реформированию**. В свое время русский историк Николай Карамзин говорил: «Всякая новость в государственном порядке есть зло, к которому надо прибегать только в необходимости»***. С этим девизом русского консерватизма Макиавелли не согласился бы никогда, ибо, по его убеждению, государство — это не застывшая форма, оно переживает бесконечные метаморфозы и трансформации. Да, новации нужно проводить деликатно, чтобы по возможности избегать шоков: «Надле-

жит стараться, чтобы в своих изменениях порядки сохраняли как можно больше от старого» (Рассуждения, XXVI). Но ключевое слово здесь не «старое» — таковым является слово «изменение». Человек, несмотря на все его недостатки, для Макиавелли есть существо, постоянно выходящее за собственные границы и рамки, он по природе своей склонен к преодолению себя, как пространственному, заставляющему его осваивать все новые рубежи, так и временному, делающему его неусидчивым в настоящем и устремляющему его в будущее****. «Желания человеческие ненасытны, — пишет он, — и так как природа наделила человека способностью все мочь и ко всему стремиться, а фортуна позволяет ему достигать лишь немногого, то следствием сего оказывается постоянная духовная неудовлетворенность и пресыщенность людей тем, чем они владеют. Именно это заставляет их хулить современность, хвалить прошлое и жадно стремиться к будущему, даже тогда, когда у них нет для этого сколько-нибудь разумного основания» (Рассуждения, часть 2, вступление). Власть, которая считает, что она пришла навечно, а установленные ею порядки незыблемы, глубоко заблуждается, и обязательно будет посрамлена. Заботы о вечном — это удел религии, а политические формы обязаны меняться. Да, всякая перестройка есть дело сложное и рискованное, но таково требование жизни. Вот что Макиавелли пишет о рисках, подстерегающих реформатора: «Нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми. Кто бы ни высту-

* См.: Валлерстайн И. После либерализма. — М.: УРСС, 2003. — С. 94–108.

** Подробнее об этом см.: Rebhorn W. Op. cit.

*** Эта мысль высказана в «Записке о древней и новой России» (1811).

**** Об этом пишет Артемий Магун: «Новизна имеет и временной, и пространственный моменты: открываются новые земли и в то же время в прошлое уходит эпоха, а начинается нечто новое» (Магун А. Указ. соч. С. 242).

пал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность тех, кому выгодны новые. Холодность же эта объясняется отчасти страхом перед противником, на чьей стороне законы; отчасти недоверчивостью людей, которые на самом деле не верят в новое, пока оно не закреплено продолжительным опытом».

Соответственно, у реформатора, добивающегося нового порядка, два пути: он может либо упрашивать, либо обратиться к силе. Оценивая эту альтернативу, Макиавелли говорит: *«В первом случае они обречены, во втором, то есть если они могут применить силу, им редко грозит неудача»* (Государь, VI).

Разумеется, применение силы в делах обновления общества влечет за собой опасности иного рода — в реформаторском рвении порой трудно остановиться, и государю, нарушившему устоявшийся закон один раз, хочется делать это снова и снова. Макиавелли предостерегает лидеров, стремящихся к радикальному и быстрому переустройству своих государств: *«Едва лишь устанавливается обыкновение ломать установленные порядки во имя блага, как тут же, прикрываясь благими намерениями, их начинают ломать во имя зла»* (Рассуждения, XXXIV). Тем не менее застой, то промежуточное состояние, когда о реформах много говорят, но ничего для них не делают, еще хуже: «средние пути» и правители, которые *«не умеют быть ни совсем дурными, ни совсем хорошими»*, по мнению Макиавелли, являются самыми губительными (Рассуждения, XXVI).

О Макиавелли весьма часто говорят, что он был — выражаясь мягко — несколько

мрачноват. Оценивая работу великого гражданина Флоренции, английский мыслитель и знаменитый либерал Исая Берлин писал: «Сочинения Макиавелли, а особенно “Государь”, возмущали и возмущают человечество глубже и продолжительнее, чем какой-либо другой политический трактат»*. Но парадокс заключается в том, что Макиавелли вовсе не считал себя философом и ни на что особенно не претендовал: будучи прирожденным чиновником и администратором, он просто очень интересовался историей и ее политическими уроками. «Не умея рассуждать ни о шелкоткацком ремесле, ни о шелкопрядильном ремесле, ни о прибылях, ни об убытках... я решил рассуждать о государстве», — писал Макиавелли в одном из своих писем 1513 года**. Вот, кстати, краткая биографическая справка. Наш герой жил с 1469 по 1527 год. Флоренция, его родной город, была аристократической республикой, где политические права имели не более пяти тысяч человек. С середины 1430-х годов городом стало управлять семейство Медичи, а республиканские институты постепенно чахли. В 1494 году, однако, очередного Медичи отстранили от власти и в городе появилась республика. Ключевой фигурой в ней стал предшественник деятелей Реформации, монах Джироламо Савонарола, сжигавший картины Боттичелли. Его тяга к крайностям, однако, привела к тому, что в 1498 году его самого сожгли на костре. После падения Савонаролы главой республики становится друг Макиавелли Пьетро Содерини, а сам он в 29 лет получает пост секретаря Совета десяти, ведающего военными и иностранными делами. Это — звездная эпоха мыслителя. В 1512 году республика рушится, возвращаются Медичи, а Макиавелли

* Берлин И. Указ. соч.

** Цит.: no: Atkinson J. Niccolò Machiavelli: a portrait // Najemy J. (Ed.). The Cambridge Companion to Machiavelli. P. 17.

отправляют в ссылку. Именно там в 1512–1513 годах он пишет «Государя», стремясь доказать новым правителям, что он может быть полезен не только республике, но и возродившейся монархии. Но власть не реагирует на рукопись. И тогда появляется трактат «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» — уже с инструкциями не монархам, а республиканцам*. Впрочем, конфликт между двумя произведениями надуман: Макиавелли вовсе не пытался разработать какой-то идеал, универсальный рецепт властвования, но был заинтересован в поиске наиболее подходящих форм правления для конкретных ситуаций — в одном случае хорошо одно, а в ином случае другое**. В 1526 году, в разгар международного кризиса, вызванного соперничеством Франции и Испании за доминирование над Италией, Макиавелли вновь призывают на службу: ему предстоит мобилизовать итальянские государства на отпор испанцам, побеждающим французов. Он терпит неудачу, испанцы берут верх, Медичи вновь повержены, во Флоренции опять республика, но Макиавелли больше не берут в правительство. Он умирает год спустя, в 1527-м, как принято считать, во многом от огорчения. Через пять лет «Государь» выходит в печатном виде, а еще через двадцать лет книга попадает в папский индекс запрещенных книг, что гарантирует ей невероятный успех.

Непосредственное участие в практической политике было первым фактором, из которого проистекал пресловутый прагматизм Макиавелли. А вторым источником этого прагматизма стала его крайне

пессимистическая оценка человеческой природы. Люди, полагает мыслитель, всегда злы, если только необходимость не вынуждает их быть добрыми. Поэтому сильная власть нужна еще и для того, чтобы держать в узде людские страсти. Хотя комментаторы много говорили о том, что творчество Макиавелли стало разрывом с классической традицией, флорентийский новатор поменял далеко не все. Подобно Платону, Аристотелю, Августину, Фоме, он тоже убежден, что *общее благо выше и ценнее блага части****. Но при этом его интересуют не полис и не царство Божие, а *государство*. Выигрывает ли от этого отдельная личность? Как ни странно, да — ниже мы в этом убедимся. Макиавелли принято упрекать в том, что, по его мнению, цель в политике оправдывает средства. Однако не стоит забывать, что он творил в определенном контексте, и этот контекст был отнюдь не симпатичным: «добродетели», в христианском ли или в секулярном значении этого слова, в нем было мало. Именно это, вероятно, заставило его в одном из писем сделать следующее признание: «С некоторых пор я никогда не говорю о том, во что верю, и не верю в то, о чем говорю»****. Причем это касается не только интриг, в которых погрязла Флоренция, платившая Макиавелли жалованье; вся Италия эпохи Возрождения была такой, а само время раскрепощения человеческого духа и торжества гуманизма было порой настолько невеселым, что жить в нем многим из нас едва ли захотелось бы.

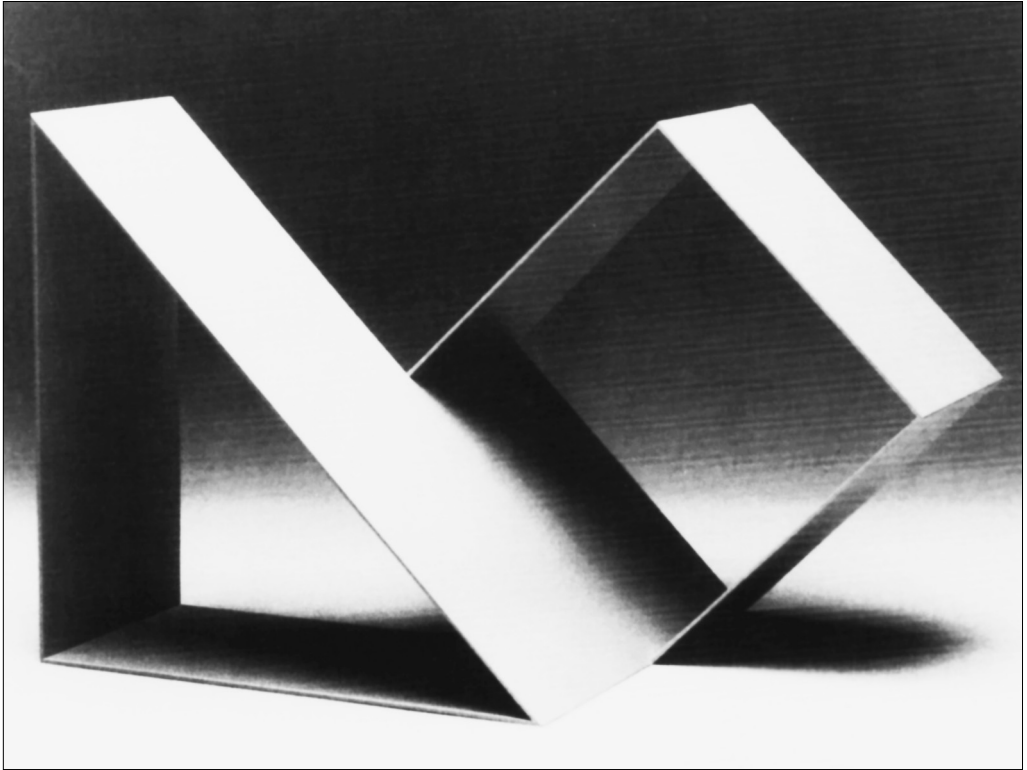
Алексей Лосев, уделявший большое внимание так называемой обратной стороне

* Магун А. Указ. соч. С. 239.

** Butters H. *Machiavelli and the Medici* // Najemy J. (Ed.). *The Cambridge Companion to Machiavelli*. P. 68. См. также: Сенокосов Ю. *Власть как проблема. Опыт философского рассмотрения*. — М.: Московская школа политических исследований, 2005. — С. 122.

*** См.: Шахай А., Якубовски М. *Философия политики*. — Харьков: Гуманитарный центр, 2011. — С. 38.

**** Цит. no: Atkinson J. *Op. cit.* P. 26.

Сиебе Хансма. Инсталляция P1979.80.16. 1980

титанизма, изображает возрожденческую Италию местом, где процветали коварство, насилие, человекоубийство, самые причудливые страсти. Вот пространная цитата из его работы «Эстетика Возрождения»: «Священнослужители содержат мясные лавки, кабаки, игорные и публичные дома, так что приходится неоднократно издавать декреты, запрещающие священникам “ради денег делаться сводниками проституток”, но все напрасно. Монахини читают “Декамерон” и предаются оргиям, а в грязных стоках находят детские скелеты как последствия этих оргий. ...В церквах пьянствуют и пируют. ...Папа Александр VI и его сын Цезарь Борджиа собирают на свои ночные оргии до 50 куртизанок. В Ферраре герцог Альфонс среди бела дня голым прогулива-

ется по улицам. В Милане герцог Галеаццо Сфорца услаждает себя за столом специями содомии. ...Неаполитанский король Ферранте, неутомимый работник, умный и умелый политик, внушал ужас всем своим современникам. Он сажал своих врагов в клетки, откармливал их, а затем отрубал им головы и приказывал засаливать их тела. Он одевал мумии в самые дорогие наряды, рассаживал их вдоль стен погреба, устраивая у себя во дворце целую галерею, которую и посещал в добрые минуты»*.

Ввиду хаотичности современной ему Италии, усугублявшей все эти ужасы, Макиавелли требовал установления жесткой государственной власти. В период работы над «Государем» его идеалом выступал Цезарь Борджиа, прославившийся

* Лосев А.Ф. *Эстетика Возрождения*. — М.: Мысль, 1982. — С. 122–123.

своим высоким аморализмом. По мнению Лосева, «Макиавелли был “революционером”, но это была “революция” против возрожденческих религиозно-моралистических и эстетических ценностей»*.

Флорентийского мыслителя угнетает итальянская раздробленность, родина с большой буквы предстает перед ним конечным критерием общественной и индивидуальной морали, а ее именем дозволяется вершить всевозможные безобразия. Из-за этого, по мнению Лосева, в лице Макиавелли гуманизм переходит в свою противоположность: этот человек якобы демонстрировал полную беспринципность, озлобленность, не просто эгоизм, но абсолютизацию своего Я, которая отталкивала от него всех, кто с ним жил и работал.

Справедливо ли сказанное? По-видимому, лишь отчасти. Да, писания Макиавелли шокируют тем, что в его трактовке христианские добродетели абсолютно не вписывались в мир политики. Но можно ли в свете всех обстоятельств тогдашней итальянской жизни осуждать его за это? Тем более что он не отбрасывал христианские ценности полностью: он просто выводил их за рамки политического — и логически мотивировал это. Дело в том, объяснял Макиавелли, что всякое государство принципиально разделено: в нем изначально есть богатые и бедные, причем ни одна из этих сторон не стремится к общему благу, которое должно лежать в основе любой нравственности. Богачи желают угнетать простолюдинов, а простолюдины сопротивляются угнетению. В итоге тот, кто правит, имеет все основания применять любые средства для поддержания единства социума, которое и есть безусловное благо. Иными словами, порой добро в государстве приходится поддерживать злыми средствами. Это

не хорошо и не плохо, это просто естественно. Поэтому государство невозможно подчинить высшему и универсальному добру в религиозном смысле слова: «политический порядок — это замкнутый, самодостаточный круг»**. Разумеется, все это обставлено многочисленными ограничениями, о которых упоминалось выше.

Макиавелли, таким образом, был политическим реалистом; он рассматривал политику не так, как это делали в древности, считая ее благородным искусством достижения наивысших идеалов — правды, добра, красоты. Он пишет: *«Расстояние между тем, как люди живут и как должны бы жить, столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради должного, действует скорее во вред себе, нежели на благо, так как, желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру. Из чего следует, что государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности»* (Государь, XV). В этом, разумеется, есть свои сильные и слабые стороны. С одной стороны, политика становится искусством возможного: именно отсюда берет начало знаменитый афоризм, позволяющий политическому деятелю практически все. Но с другой стороны, государство не донимает граждан своей добродетелью, черпаемой извне, с небес, и потому являющейся догматичной и репрессивной: «Человек может чувствовать себя свободным только тогда, когда государство само свободно от внутренних зависимостей. Поэтому для Макиавелли нет свободы индивида без свободы сообщества, в котором он живет»***. По этой причине христианские политические добродетели кажутся

* Там же. С. 557.

** Шахай А., Якубовски М. Указ. соч. С. 40.

*** Там же.

ему железобетонными, непластичными и не способствующими решению конкретных проблем примирения разных общественных групп. Гораздо более востребована парадигма греков, которые рассматривали политику как борьбу, своего рода ремесло, правила которого мотивированы земными, а не небесными причинами. Для Макиавелли политическая реальность первична, а для христианства вторична. Именно поэтому он поддержал эмансипацию политического, предполагающую поиск его законов в нем самом. Политика в интерпретации Макиавелли перестает быть нормативной, а тип режима больше не имеет значения. По замечанию Леонида Баткина, он «исходит из того, что никакой способ действий не мудр и не плох сам по себе, безотносительно к конкретной исторической ситуации. Средство, которое вчера (или в другом месте) служило залогом победы, нынче и здесь может оказаться безнадежным»*. По-настоящему важно лишь то, чтобы государство было *новым и способным к обновлению*. Новое государство — это то, которое умеет отвечать на непредсказуемость жизни.

Макиавелли, как справедливо отмечает Артемий Магун, отказывается от христианского представления о добродетели как смирении, предпочитая ему римское понимание добродетели как мужества. Стремление к высшему благу — сохранению государственной целостности — выводит добродетель за рамки публичного одобрения, в котором она просто не нуждается. Фома Аквинский, преодолев дуализм двух градусов Августина, рисовал земной мир как вполне устроенный и упорядоченный. Макиавелли не согласен с этой моделью: в мире бушуют страсти, и государство должно ограничивать их — его главным врагом являются не другие государства, а *внутренний хаос*. На протяжении последующих столетий эта идея будет повторена многократно**.

Благодаря запрету со стороны папской цензуры трактат «Государь» стал бестселлером, который читали и переиздавали. Фактически, его автор первым возгласил, что гуманизм несет не гармонию и всестороннюю самореализацию человеческого духа, а, скорее, распад и хаос. Сам Макиавелли принимал это открытие стоически, предпочитая запутанность и сложность реальной жизни отвлеченным идеалам и схемам: незадолго до кончины он рассказывал друзьям о сне, в котором он, поставленный перед выбором между Раем и Адом, выбирает Ад, поскольку там можно будет вести умные разговоры с Платоном, Плутархом, Тацитом и другими язычниками — в отличие от Рая, где ярких личностей гораздо меньше***.

Кстати, громадный вклад в дело, начатое Макиавелли, чуть позже внесет затеянная Мартином Лютером Реформация. Что же касается упреков, и по сей день адресуемых Макиавелли людьми, которые, как правило, его не читали, то на них можно ответить фразой из письма мыслителя одному из своих друзей: «Я верю, что самый верный способ попасть в Рай — это научиться не превращать жизнь в Ад»****. И в этом смысле Бертран Рассел, который как-то назвал трактат «Государь» «пособием для гангстеров», безусловно, погорячился.

* Баткин Л.М. *Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности*. — М.: Наука, 1989. — С. 175–176.

** Магун А. *Указ. соч.* С. 245–246.

*** См.: Atkinson J. *Op. cit.* P. 28.

**** Ibid. P. 27.

Нужны ли границы дозволенного? (Цензура и лицензирование литературы в Англии)

*Леон Конрад,
преподаватель риторики,
Лондон*

Что такое цензура? Цензурой называют целенаправленное ограничение свободы самовыражения, навязываемое кому-то кем-то. В то время как объектом цензуры выступают уже опубликованные тексты, процедура лицензирования нацелена на устранение потенциально нежелательных мыслей еще до того, как они появились в печати. Каким же отношениям регуляторы печатного слова уделяют внимание в первую очередь? Это три сферы: религиозная, политическая, межличностная.

К первым двум категориям, то есть к религии и политике, чаще всего относятся злоумышления против установленного порядка: покушение на религиозные или политические системы, выражающееся в таких деяниях, как богохульство, подстрекательство к мятежу или государственная измена. Что касается межличностных отношений, то под эту категорию обычно подпадают клевета и оскорбления — иначе говоря, распространение ложных сведений, наносящих вред репутации человека. Кроме того, подобные явления стоит рассматривать в перспективе заботы о моральных устоях общества, а также в плане разработки критериев, позволяющих считать тот или иной художественный или социально-политический феномен «непристойным».

Насколько успешными были попытки внедрения цензуры и лицензирования в Великобритании?

Несмотря на исходящие от влиятельных инстанций заверения в обратном, история свидетельствует о том, что принятие законов — это одно, а воплощение их в жизнь — совсем другое. Желание ограничить свободу другого человека не всегда удается реализовать. При Тюдорах и Стюартах, с 1509 по 1714 год, лицензированием художественных и драматических произведений занимались Тайный совет, Компания книгоиздателей (учреждена в 1557 году) и ведомство Распорядителя королевских увеселений, выступавшее главным действующим лицом всей развлекательной политики двора.

Макс Эрнст. Встревоженный друг. 1944

На заре книгопечатания и еще до учреждения официальной англиканской церкви распространение литературных произведений было освобождено от ограничений, сопутствовавших любой другой торговле, — Ричард III внедрил эту меру вполне намеренно, желая способствовать образовательному и информационному обмену. Как отмечает Дороти Очтер, несмотря на сопутствовавшее Реформации распространение карательных практик в виде жестоких приговоров и публичных наказаний, из многих тысяч книг и пьес, подлежавших в тот период официальному лицензированию, до нас

не дошли только две запрещенные властями работы*. Как бы то ни было, даже самые крайние попытки ограничивать свободу выражения оборачивались лишь тем, что гарантировали, как правило, выживание и сохранение запрещенных произведений. Стремление властей бороться с непристойностью в литературной сфере плохо воспринималось, избирательно реализовалось и имело столь же плачевные результаты. В 1857 году парламент принял Закон о непристойных публикациях. До того момента данный вопрос регулировался королевской прокламацией Георга III от 1 июня 1787 года, а за правоприменительную практику — весьма неэффективную — отвечало Общество прокламации, в 1802 году преобразованное в Общество по искоренению порока (Сидни Смит иронично называл его «обществом по искоренению порока среди лиц с годовым доходом менее 500 фунтов»). И действительно, бедные чаще всего становились объектами преследования по всем трем позициям, перечисленным выше, в то время как богатые обладали относительным иммунитетом от гнева государства. В лицензировании художественного творчества, однако, имелась и благая сторона: оно защищало право издателей на публикацию того или иного произведения и ограждало театральных режиссеров от претензий со стороны властей. После того как в 1641 году была упразднена Звездная палата — высший административный трибунал, действовавший в Англии в XV–XVII веках, соблюдение установленных государственных стандартов осталось без попечителя. В итоге Компания книгоиздателей сама обратилась к властям с просьбой вернуться к практике лицензирования печатных произведений, мотивируя ее тем, что регулирование необходимо для поддержания качества продукции и обеспечения доходности отрасли**. Впрочем, смекалистые авторы умели в случае надобности обходить цензуру, а некоторые умышленно бросали ей вызов, желая показать неспособность цензурных ограничений обуздать творческий дух***.

Итак, цензура была — и поныне остается — воплощением деликатного равновесия между законодательным регулированием, защищающим индивидуальные права, но распространяющим эту защиту на всех членов общества, и самоограничением, позволяющим процветать достоинству и правде. Причем поддерживать и сохранять этот хрупкий баланс весьма непросто, хотя и возможно.

Именно описанное ощущение выверенного равновесия вдохновляло лорда Честерфилда в тот период, когда на рассмотрение парламента в 1737 году, при Георге II, в спешке выносился Закон о театральном лицензировании — первый принятый в Англии базовый акт, напрямую касавшийся цензуры. В речи, произнесенной в палате лордов в ходе обсуждения законопроекта, лорд Честерфилд весьма красноречиво — и провидчески —

* См.: *Auchter D. Dictionary of Literary and Dramatic Censorship in Tudor and Stuart England.* — Westport: Greenwood Press, 2001.

** См.: *Rose M. Authors and Owners: The Invention of Copyright.* — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. — P. 15.

*** Яркие примеры этого предложила «война памфлетов», разгоревшаяся в 1588–1589 годах между пуританским публицистом, скрывавшимся под псевдонимом *Margprelate*, и официальной церковью.

выступал против него, напоминая о необходимости соблюдать зыбкий баланс, который как допускает справедливую критику, так и поощряет свободу самовыражения. Кроме того, он ставил под сомнение саму необходимость дополнять уже существующие законы о богохульстве, измене и клевете новым актом о театральной цензуре. Ниже приводятся фрагменты его яркого выступления.

«Любое необоснованное ограничение, которому подвергается общественная распущенность, по рукам и ногам сковывает свободу. Одним из величайших благ в ряду тех, коими нам самим, уважаемые лорды, и английскому народу выпало наслаждаться, является свобода; но всякое добро в этой жизни неизбежно содержит толику зла. Распущенность представляет собой оборотную сторону свободы; это ее пена, ее издержки; это соринка в глазу политического тела, которую нельзя трогать иначе как бережно и аккуратно, ибо в противном случае можно повредить глаз и даже весь организм. А если же на сцене в какой-то момент вдруг выставят непристойность, если в пьесе обнаружится клевета в адрес правительства или просто человека — пожалуйста, королевский суд открыт, а имеющихся в его распоряжении законов достаточно для наказания правонарушителя.

...Если вам кажется, что вас высмеяли в одном из английских публичных театров, то задумайтесь о своем поведении — и наверняка найдете причину этого; а если вы станете вести себя иначе, никто больше и не станет вас высмеивать.

...Подобно всем вам, высокочтимые лорды, я тоже решительно желаю пресечь неприличия на сцене и всякую распущенность вообще; но при этом я крайне настороженно отношусь даже к самым малейшим ущемлениям свободы ради благих целей.

...На первый взгляд, уважаемые лорды, предметом регулирования этого закона выступает только сцена; но, как представляется, дело не ограничивается ею. Эта стрела лишь мельком задевает театральные подмостки, но свободе нашей печати она может нанести по-настоящему смертельную рану. Приняв этот акт, мы предотвратим постановку той или иной пьесы; но это отнюдь не воспрепятствует ее публикации.

...Я никогда не поддержу те санкции, которые предлагаются в этом законопроекте. Если поэтов и драматургов нужно ограничивать, то пусть их ограничивают так же, как и других подданных английской короны, то есть посредством действующих в стране законов. Если они совершают правонарушения, то пусть Господь и государственная власть карают их таким же образом, как они наказывают всех прочих англичан. Мы не можем допустить, чтобы они становились жертвами произвола какого-то особого одного человека. Предоставляемое единственному лицу полномочие самолично, бесконтрольно и безапелляционно судить других неведомо нашему законодательству и не согласуется с нашей конституцией. Даже монарху мы не доверяем столь высокую и абсолютную власть.

...Достоочтимые лорды, подлинное и единственное предназначение сцены состоит в том, чтобы обличать те пороки и безрассудства, которые неподвластны закону, одновременно превознося те достоинства и добродетели,

которые священники и чиновники не способны ни поощрять, ни воспроизводить.

...Остроумие есть разновидность частной собственности; это безраздельное достояние тех, кто им обладает — более того, от этой собственности порой зависит само их существование. Бесспорно, такая опора весьма ненадежна. Но мы с вами, глубокоуважаемые лорды — хвала Господу! — не знаем подобного рода зависимости; наше положение гораздо прочнее, и потому мы не в состоянии оценить все издержки рассматриваемого ныне законопроекта. Вместе с тем положение наше обязывает нас поощрять и защищать остроумие, кому бы оно ни принадлежало.

Джентльмены, которые им располагают, являются, я надеюсь, нашими друзьями. Так давайте же не

будем обременять их тщетными и произвольными ограничениями! Я не сторонник налога на остроумие, но наш закон, увы, подразумевает именно такую разновидность налогообложения.

...Выступая против этого законопроекта, я ходатайствую за остроумие, юмор, британскую сцену и за всех людей, обладающих хорошим вкусом.

...Нам, уважаемые лорды, следует учесть то обстоятельство, что новые законодательные ограничения нигде и никогда не утверждаются одномоментно. Их нужно вводить постепенно, шаг за шагом, пока люди не начнут привыкать к ним. Препоны, сковывающие человеческую свободу, должны внедряться осторожно и медленно; столь же осмотрительно и поэтапно должны сниматься со своих постов те “часовые”, которые стоят на страже конституции свободной страны и предупреждают граждан о нависшей над ними опасности. Если все это делать в спешке, то народ с сожалением может увидеть, как рабство и произвол воцаряются в государстве, но ничего уже нельзя будет сделать — слишком поздно. Сцена и пресса — два наших “часовых”. Если мы снимем этот караул, лишим его бдительности, свяжем по рукам и ногам, враг может застать нас врасплох. Именно поэтому должно снова и снова присмотреться к закону, который целит в ограничение свободы в нашем государстве. И это просто необходимо сделать, поскольку в противном случае может получиться так, что завтра какой-нибудь неосмотрительный монарх или порочный министр воздадут нам хвалу за нашу помощь в реализации их амбиций. Но, по моему убеждению, высокочтимые лорды, никто из вас не хотел бы получить подобную благодарность, заставляющую краснеть»*.

*...новые законодательные ограничения
нигде и никогда не утверждаются
одномоментно. Их нужно вводить
постепенно, шаг за шагом, пока люди
не начнут привыкать к ним*

Лорд Честерфилд

* Maty M. (Ed.) (Ed.). Philip Dormer Stanhope, Earl of Chesterfield. *Miscellaneous Works*. — London: E. & C. Dilly, 1779. Vol. 2. PP. 319-339. См. электронную версию этого издания: <https://archive.org/stream/miscellaneouswor02chesiala>

Честерфилд опасался, что новый законопроект помешает «здравомыслящим и свободолюбивым гражданам» писать для английской сцены. Некоторые авторы полагают, что в своих предвидениях он был в значительной мере прав*. Театральная цензура сохранялась в Англии до 1968 года, пока ее не упразднила новая редакция Закона о театрах. С тех пор театральные деятели неоднократно жаловались на иные формы цензуры и ограничения свободы самовыражения — в основном это касается политики финансовой поддержки театрального искусства. Эти сетования особенно участились после 2004 года, когда во множестве стали появляться художественные произведения, авторы которых обвинялись потом в «богохульстве». Все шире практикуется самоцензура — в отличие от саморегулирования. Эта вполне объяснимая, но, по-моему, весьма прискорбная тенденция. Джон Милтон, выступая в свое время против цензуры, говорил, что хорошую книгу можно убить точно так же, как убивают человека**. Умерщвление невысказанного или ненаписанного слова ничем нельзя оправдать; оно сродни убийству человеческого духа. К счастью, сатира и остроумие в Британии продолжают жить, несмотря на давние и настойчивые попытки экстремистов расправиться с ними. Как заметила после нападения на редакцию «Charlie Hebdo» работающая в Лондоне карикатуристка Люсиль Клер, «идеи не ломаются и не умирают»***.

Разумеется, их воплощение — совсем иное дело.

Хрупкий баланс между духовными, сиюминутными и личностными интересами, который поддерживается «бережно и аккуратно», нуждается в неустанном попечении. Сатира и юмор помогают поддерживать это равновесие; ту же задачу решает и государственное регулирование, утверждаемое через дискуссию и диалог. Любые законодательные установления нужно в случае необходимости пересматривать по мере того, как меняются обстоятельства. Цензура, как показывает Очтер — инструмент неэффективный. Экстремисты, идет ли речь о неистовых цензорах или креативных фундаменталистах, не считают свои позиции незыблемыми и стремятся расширять свои плацдармы. Такое положение вещей никак не способствует поддержанию равновесия, уважению человеческого достоинства, стремлению к истине или же той легкости, в которой нуждается поддержание здорового баланса, основанного на всех перечисленных качествах. Но в конечном счете история цензуры показывает нам, что правду, несмотря на все усилия экстремистов подорвать необходимый для нее паритет, все равно не скрыть.

Перевод с английского Андрея Захарова

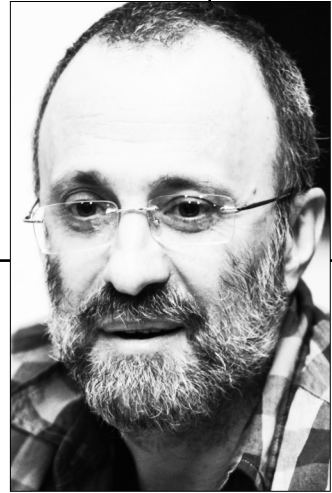
* См.: Thomas D., Carlton D., Etienne A. *Theatre Censorship: From Walpole to Wilson*. — Oxford: Oxford University Press, 2007.

** Milton J. *Areopagitica // The Prose Works of John Milton*. — London: Westley and Davis, 1834. См. электронную версию этого издания: <https://archive.org/details/proseworksofjohn00milt>

*** Ries B. *Not Banksy: The Real Artist behind the Iconic Charlie Hebdo Pencil Tribute* (<http://mashable.com/2015/01/08/charlie-hebdo-tribute-artist/>).

Гражданское образование в контекстах мировой истории

*Городской воздух делает тебя свободным.
(старая немецкая поговорка*)*

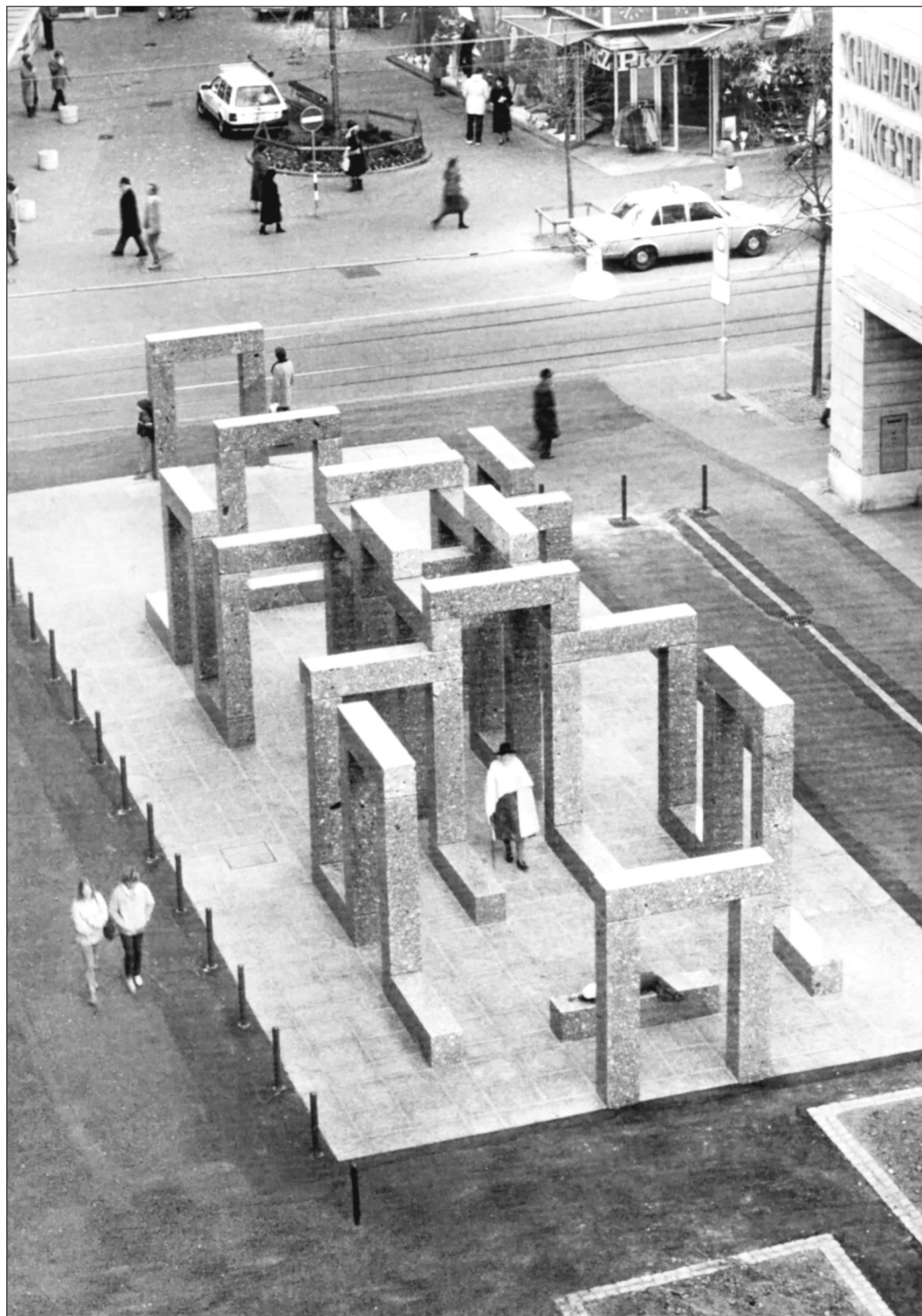
*Александр Согомонов,
академический директор
Центра социологического и
политологического
образования Института
социологии РАН*

Культурная история гражданского образования на протяжении двух с половиной тысяч лет удивительным образом сочетает в себе медленное и поэтапное развитие просветительских практик с весьма неожиданными и подчас эмоциональными всплесками в виде радикальных и шумных экспериментов. Примечательным образом вся эта разноликая история сохраняется в нашей коллективной памяти и поныне, превращая западную идею «гражданского образования для демократии» в многослойный продукт, в котором каждый ингредиент имеет культурное значение некогда совершенного в долгой истории гражданского «открытия».

Развитие практик гражданского образования, разумеется, напрямую зависит от того, как меняется социум, его общественные цели и смыслы, и, конечно же, как эволюционирует само понятие «гражданин». Не секрет, что самые важные открытия в истории гражданского образования были сделаны прежде всего в центрах мировых событий. В городах, а не на периферии, в провинции или тем более в сельской тиши западной цивилизации**. Для каждого нового и культурно значимого

* Полная версия: «*Stadtluft macht frei nach Jahr und Tag*» («Городской воздух делает свободным через год и один день») — немецкое средневековое изречение, отражающее общеевропейский принцип обычного права, согласно которому человек, проживший в городе более года, обретал статус свободного человека.

** Совершенно не случайна этимологическая связь во всех европейских языках между понятиями «гражданин» и «горожанин», что, скорее всего, является не просто прямым калькированием древнегреческого *polites* (одно понятие для обозначения одновременно «гражданин=горожанин», от слова *polis*), но и обусловлено урбанистической природой современного гражданства.

Макс Билл. Скульптурная композиция на Банхофштрассе в Цюрихе. 1983

прорыва в понимании целей и средств гражданского образования важна была своя особенная и судьбоносная среда: жизнь в таких центрах должна была не просто кипеть, но и культурно-психологически провоцировать людей на глубокие социальные размышления и укреплять их решимость на фундаментальные перемены. Ибо там, где люди только лишь задумывают масштабную общественную перестройку, первый вопрос, который приходит им на ум: а что для этого может сделать образование?

Отважусь на предположение: *в тех исторических контекстах, где гражданское образование становилось общественным приоритетом, там и свершались глубинные социальные и культурные перевороты.* Для гуманитарно мыслящих авторов это скорее банальное утверждение, чем смелая гипотеза, ибо для них очевидно, что именно идея лежит в основании общественной практики. Социально или экономически ориентированные исследователи, вероятнее всего, оспорят это предположение, и, как мне кажется, не столько в интересах истины, сколько побуждаемые страстью к утверждению приоритета материального человеческого действия над культурной идеей.

Итак: *город и гражданское образование суть близнецы-братья.* Между ними невозможно установить прямую причинно-следственную связь. Их трансформации подталкивают друг друга к взаимным превращениям. У города существует фундаментальная зависимость от качества его граждан. А гражданское образование,

в свою очередь, отнюдь не плетется, как принято считать, в хвосте истории, обслуживая чьи-то внешние интересы. И там, где мы видим статическую эволюцию города, это означает, что качество его гражданского корпуса остается неизменным. И напротив, быстрые и масштабные перемены городов всегда спровоцированы (равно как и провоцируют) изменениями не просто в идее гражданства, сколько в концепции и практиках гражданского просвещения.

Не имея возможности в рамках небольшого очерка остановиться на развернутом цикле реальной истории гражданского образования, остановлюсь лишь на самых значимых *гражданских открытиях* в их связи с историей европейского города и концепцией гражданства. Каждому открытию соответствует свой аутентичный исторический контекст, в котором они свершались. И, как мне кажется, число таких контекстов — *семь*: 7 моделей городов, 7 концепций гражданства, 7 разновидностей гражданского образования*.

Контекст 1: *Греческий полис и первоначальное накопление гражданских смыслов в образовании.* В Древней Греции насчитывалось более полутора сотни полисов, но только Афины и Спарту мы знаем настолько хорошо, чтобы представить их в качестве гражданских и дидактических оппонентов, а не только как политических соперников. Полис (polis) в классической Греции представлял собой самоуправляющееся политическое сообщество** с ярко выра-

* Разумеется, числом семь я никак не ограничиваю ни историческую типологию городов, ни разнообразие идей гражданства; их, безусловно, было куда больше. Мне же представляется, что в мировой истории мы насчитываем семь тех исторических контекстов, в которых «в нужное время и в нужном месте» гармонично выкристаллизовалась большая Доктрина: *Город-Гражданство-Образование.* Именно она и составляет суть того культурного открытия, которое стало имманентной частью нашего общего просветительского наследия.

** Традиционная интерпретация полиса как «города-государства» историками справедливо считается не вполне корректной и весьма натянутой. Не всегда полис обладал очевидными чертами города, как, впрочем, не был он никогда и государством в современном смысле.

женными и фиксированными чертами этнокультурной, соседской и религиозной идентичности. Публичное пространство для всех жителей полисов было вполне открытым, но при этом для разных категорий населения (от состояния свободы до полного рабства) доступ к городу и его институтам, участие в праздниках, религиозных культах, ритуалах и т.п. достаточно строго регламентировались. Право на город не было всеобщим, а оттого и свободное гражданство было весьма ограниченным.

Полис — это компактное поселение людей, знакомых друг с другом лично и вдобавок тесно повязанных родственными, культурными и дружескими связями. Греческое общественно-политическое устройство всегда предполагало наличие привилегированного меньшинства, обладавшего достаточной полнотой имущественных и политических прав для монополии на главную привилегию — *права на город*. Именно это меньшинство и именовалось полисом, а его члены — «поли-тми» (*politai*, то есть собственно гражданами), хотя полис агрегировали многие другие и порой весьма масштабные категории несвободного населения, включая рабов, чужеземцев, женщин и т.д.

Мировая история гражданского образования берет начало в ранних греческих полисах с изобретения практики воспитания *гражданской добродетели* (*arete*),

подразумевавшей прежде всего воинскую доблесть, хотя она вовсе не противопоставлялась доблести мирской (спортивной, поэтической и т.п.). Исполнение воинской обязанности трактовалось не как внешнее принуждение и тем более не как насилие со стороны «властителей», а именно как внутреннее побуждение к выполнению гражданского долга, пусть даже и во имя личной славы. Иначе говоря, гражданином с большой буквы становился тот свободный человек, кто свой жизненный успех символически отождествлял с полисом. Вся образовательная система в Спарте в долгой исторической перспективе неизменно была сосредоточена исключительно на решении этой дидактической задачи*. Впрочем, воспитание гражданской добродетели отвечало еще требованиям архаической эпохи и считаться демократической практикой может с очень большой натяжкой.

Только афиняне стали подлинными изобретателями того, что с тех давних пор называется «игрой» в гражданственность и демократию**. Свободное население, чаще всего не обремененное повседневным трудом, а лишь воинской и некоторыми религиозно-политическими повинностями, имело предостаточно свободного — интеллектуально-досугового — времени для участия в гражданских делах своего сообщества***. Причем участие в самоуправлении (прямая демократия)

* См.: Kennell N.M. *The Gymnasium of Virtue: Education and Culture in Ancient Sparta*. — Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1995.

** Блестящий сравнительный анализ греческой и современной демократий был сделан английским историком М. Финли. См.: Finley M. I. *Democracy Ancient and Modern*. — London: The Hogarth Press, 1985. Он последовательно показал, насколько разные реальности скрываются под одной демократической «вывеской».

*** «Гражданское» в классических Афинах было неотрывно от «религиозного». И в этом смысле гражданские ритуалы понимались прежде всего как общественно-религиозные. Поэтому, даже несмотря на определенную эволюцию в светской культуре на протяжении полутора столетий, для свободного афинянина V–IV вв. до н.э. вовлеченность в гражданские дела понималась в первую очередь как обязательное участие в совершении совместных религиозных культов (элефсинские мистерии, донисийские празднества и т.п.). Подробнее см.: Evans N. *Civic Rites. Democracy and Religion in Ancient Athens*. — Berkeley: University of California Press, 2010.

редко было актом свободного выбора гражданина. Чаще ему это просто вменялось в обязанность. Но не посредством принуждения, а с помощью вполне демократической процедуры — жребием (что не исключало, правда, и практик прямого голосования).

Случайно выпавшая в этих условиях повинность толковалась как божественная легитимация исполнения гражданином тех или иных обязанностей. А это означало, что каждого свободного афинянина демократическая судьба могла призвать

(точнее, принудить) к разным гражданским обязанностям. При этом все «аутсайдеры» были лишены возможности быть случайно вовлеченными в прямую демократию. Поэтому оценка афинской модели демократии на протяжении многих веков была преимущественно негативной и многими мыслителями считалась *миноритарной*.

По мере развития афинской демократии происходило быстрое усложнение общественно-политической жизни в городе, демографический бум и экономический рост. Афины для своего времени были урбанистическим супергигантом. И приобрел этот статус город в том числе благодаря новым подходам к гражданскому воспитанию*. На примере древних Афин мы видим, с одной стороны, как состязательность пронизывает жизнь граждан, начиная от гимназия и кончая симпозиумом, а с другой — как индивидуальный политический мотив захватывает буквально

но весь гражданский коллектив. При этом сами афиняне различали в своем полисе граждан разных социокультурных категорий — «добропорядочных», «властных и динамичных», «безвластных, но желающих что-то сделать для своего города», «опытных», «мудрых» и др.

*Гражданином с большой буквы
становился тот свободный человек
кто свой жизненный успех
символически отождествлял
с полисом*

Софисты уже на заре классической эпохи начали обучать молодых людей искусству политики (*politike techne*), понимаемом в первую очередь как устойчивый риторический навык**. Конечно же, речь шла не просто об умении выражать свои мысли и чувства, сколько именно об искусстве свободного и публичного гражданского выступления и подчинения ему индивидуальных действий. По крайней мере это очень близко к тому, как интерпретировали позднее гражданскую дидактику софистов в полемике с Сократом в диалогах Платона Протагор и Горгий***. С того момента, как публично-риторический механизм в Афинах был запущен, свернуть с пути к прямой демократии возможности уже не было. Публичная речь, выстроенная по канонам политической риторики, остается доминирующим инструментом гражданского образования не только в античную эпоху, но и вплоть до Нового времени. Афинских молодых

* *Самое полное описание греческой идеи и дидактической практики формирования «гражданина» см. в: Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. — М.: Греко-латинский кабинет, 1997–2001.*

** *Ford A. Sophists without Rhetoric: The Arts of Speech in Fifth-Century Athens // Yun Lee Too (Ed.) Education in Greek and Roman Antiquity. Leiden: Brill, 2001.*

*** *Адо И. Свободные искусства и философия в античной мысли. — М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2002. Глава 1.*

Андрей Люблинский, Мария Заборовская. Коллективное действие — 1. 2013

людей (эфебов) в возрасте 18–20 лет систематически готовили к исполнению ими гражданских обязанностей, а не только к воинской службе. По окончании обучения каждый из них приносил гражданскую клятву*. Ценности свободы и достоинства жизни постигались буквально с малолетства.

Парресия (*parthresia*) — центральная категория афинского гражданского образования периода классической демократии. Парресия обозначала свободную, прямую, искреннюю и бесстрашную речь**. Свободный и риторически компетентный гражданин (*парресиаст*) высказывается открыто и говорит все, что он думает; он дает понять окружению, что высказывает только собственное мнение. Его речь считается «вкладом» в общий капитал демократической публичности. Он бесстрашно критикует, выносит оценки себе, своему окружению, социуму в целом. И эта риторическая искренность и прямота трактовалась как его гражданский долг, конструировала его гражданскую идентичность. Искренность и прямота не исключали, а порой даже и мотивировали ложь и обман. Риторическое искусство не опирается на нравственные качества личности, напротив — отделяет свойства «гражданина» от свойств обычного человека («демократическая демагогия» как понятие возникла именно в этом контексте и изначально не имела негативного смысла). Афинские суды не случайно описывались современниками как лаборатории вранья, а «заинтересованный» обман считался «благородной ложью»***.

Вся политическая и даже социокультурная история Афин конца V — первой половины IV века до н.э. показывает, насколько парресия принципиальным образом преобразила весь внутренний общественно-политический уклад Афин, хотя в итоге и привела город к кризису и краху демократических институтов. Правлением «мнений» не без сарказма называл демократию Платон, а ему, конечно же, хотелось бы, чтобы правили философы, которые знают истинную природу вещей (то есть владеют «эпистемой», знанием, а не опираются лишь на «доксу», мнение).

Открытие афинянами подлинной гражданской идентичности, основанной на свободе и законе, а также дидактических способов ее формирования создали уникальный в мировой истории демократический опыт, проявив все сильные и слабые стороны демократического устройства общества и его политической жизни. Возможно, поэтому так пристально мы, далекие потомки, вникаем во все детали этой истории. Да, только демократия наиболее адекватно поддерживает нашу свободу, учитывает наши жизненные интересы. Но в то же время она вовсе не обязательно базируется на добродетели, тем более на истине, как того хотелось бы античным философам. Ее оборотной стороной становится зависимость всякого отдельного человека от совокупной воли мнений, повлиять на которую невозможно силой, а только — долгим просвещением. Именно афинянам наша современная демократия обязана богатым полити-

* Эта система подробно рассмотрена в: Heater D. *A History of Education for Citizenship*. London — New York: Routledge, 2004. Ch. 2. Farenga V. *Citizen and Self in Ancient Greece*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

** Мишель Фуко в 1980-е годы посвятил «паррессии» и греческому гражданству цикл лекций. См.: Foucault M. *Fearless Speech*. — Los Angeles: Semiotext(e), 2001; Foucault M. *The Government of Self and Others*. — New York: Palgrave, 2010. Ch. 2–6. Частично эти лекции опубликованы по-русски в журнале «Логос» (2008, № 2).

*** О значении «обмана» в демократической культуре Афин см.: Hesk J. *Deception and Democracy in Classical Athens*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

ческим лексиконом, а также изобретением демократических образов человека и институтов. Так, семантическое разведение между «хорошим» и «плохим» гражданином впервые случилось именно в классических Афинах*.

Афинская демократия выродилась прежде всего из-за слабости своих институтов**, но в назидание будущим поколениям она оставила яркий пример того, как «демократическое слово», не подкрепленное рационально, может оказаться для демократии разрушительным***. Тем не менее нам симпатичен и интересен этот опыт, мы по-прежнему ему культурно сопереживаем. Ведь в наше время вряд ли найдутся искренние сторонники строгой спартанской модели гражданского воспитания, мы вслед за афинянами все еще полагаем, что демократия есть практика высокоорганизованного ума, даже несмотря на то что слишком много фактов указывают на обратное.

Контекст 2: Римская *civitas* и открытие идеи гражданских прав. По инерции мы отождествляем исторический опыт римлян и афинян, называя их совокупно «древними», хотя уже в античную пору они отчетливо дистанцировались друг от друга. Научное же сравнение внутреннего устройства и путей развития афинской демократии и римской республики (*res publica*) обнаруживает больше отличий, чем кажущихся параллелей и сходств****.

Если абстрагироваться от самых ранних и самых поздних этапов истории, то

Древний Рим в республиканский и тем более в императорский период, собственно, и не претендовал на то, чтобы быть прямой демократией. Его политический строй скорее можно было бы определить как олигархический, но при этом, правда, по характеру институтов — вполне республиканский. Его внешняя политика была откровенно империалистической и захватнической, по крайней мере со времен пунических войн. Римская община (*civitas*, *цивитас*) — изначально довольно закрытое агрикультурное объединение — с течением времени из средиземноморского захолустья превратилась в крупнейший город древности, властно доминирующий над всей античной ойкуменой. Задолго до того, как Рим превратился в город мира, его гражданский корпус постоянно рос, в том числе и за счет присвоенных земель и городов. И к концу первого тысячелетия до н.э. римское гражданство означает уже нечто гораздо большее и в количественном и в качественном смыслах, чем просто свободные жители самого Рима. При Августе общее число населения римского мира составляло примерно 45 миллионов человек. В имперском Риме поэтому неизбежно возникли совершенно иные акценты, как в концепции гражданства, так и в гражданском образовании.

Для римлян, в отличие от греков, «гражданин» — это уже не столько политическая идея и общественная функция, сколько правовое понятие, определяю-

* *Christ M.R. The Bad Citizen in Classical Athens. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006.*

** *Подробнее: Ober J. The Debate over Civic Education in Classical Athens // Yun Lee Too (Ed.) Education in Greek and Roman Antiquity. — Leiden: Brill, 2001.*

*** *Прекрасный анализ взлета и падения афинской демократии содержится в книге: Канфора Л. Демократия. История одной идеологии. — М.: «Александрия»/«Симпозиум», 2012.*

**** *Систематическое сравнение двух городов позволяет сделать предположение об их общем родовом свойстве, но и чрезвычайных различиях. См.: Hammer D. A Companion to the Greek Democracy and the Roman Republic. — Oxford: Wiley-Blackwell, 2015.*

щее смыслы и границы статуса, а также права и обязанности его носителя. Возможно, поэтому в латинском языке так и не сформировалось понятие «политический человек». Соответственно, и гражданское образование, в отличие от греческого, не признавало педагогических «излишеств» (подобно эллинской увлеченности артистическим и музыкальным образованием), а было прагматически сосредоточено на том, как человеку жить внутри общего правового пространства, при этом вовсе не обязательно включаясь в реальный политический процесс.

Римляне высоко ценили риторику и очень многое заимствовали у греков, но в отличие от софистов их публично-ораторские экзерсисы были направлены не на формирование умения произносить «бесстрашные речи» (пусть даже и во имя общей правды), а на научение аристократических отпрысков политико-дискурсивному ремеслу. Олигархический Рим не верил в способность толпы к разумному говорению и, напротив, пестовал ораторское искусство как «профессиональный» навык политических элит, поддерживающих основы основ всего «ораторского» государства*. И возможно, именно поэтому римляне в отличие от греков (за исключением, пожалуй, спартанцев) не видели необходимости в специальных институтах образования, предпочитая модель внутрисемейного гражданского воспитания под руковод-

ством «отцов семейства» (*pater familias*). Хотя позднее они все же создавали латинские школы во всей завоеванной ими империи**.

Иными словами, если афинская гражданская педагогика была сосредоточена на демократии, свободе и вовлечении граж-

*Из клятвы верности гильдии
вырастет впоследствии ритуал
принесения гражданской присяги городу
или отчизне*

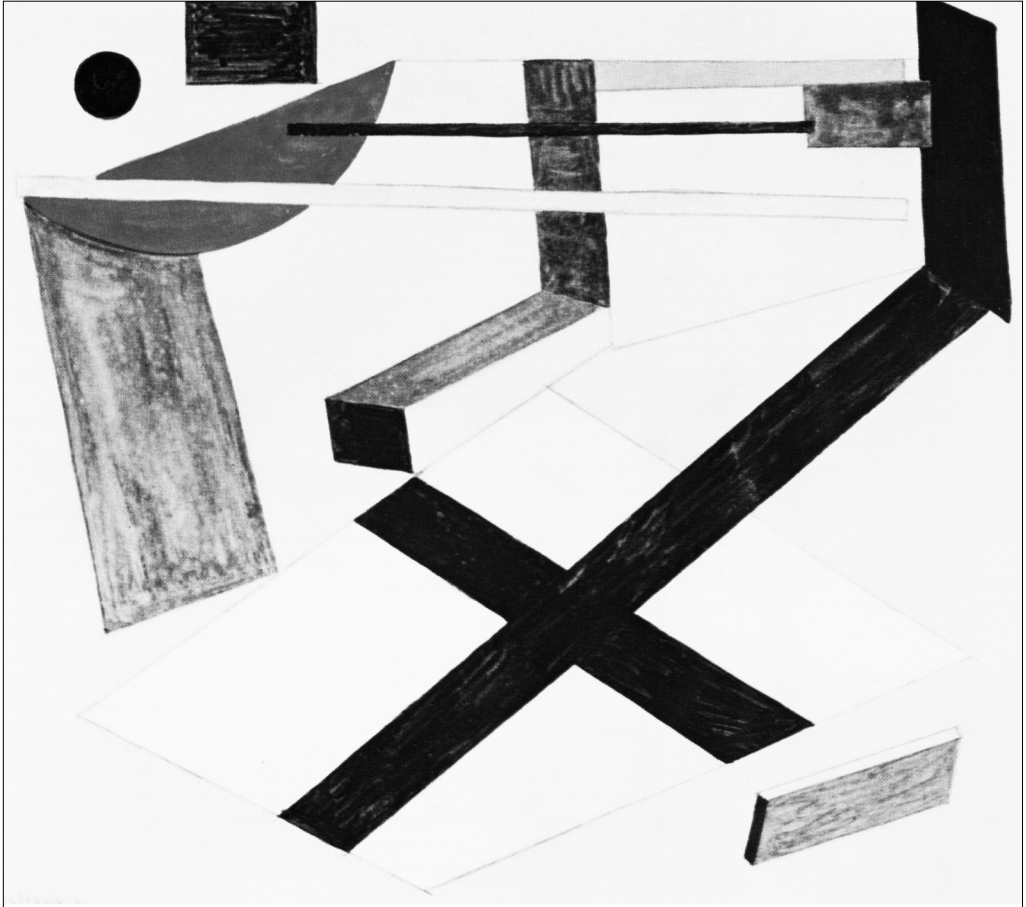
дан в самоуправление, то римляне были больше озабочены распространением гражданских прав, хотя бы только в связи с постоянным ростом своего гражданского корпуса и необходимостью противостоять олигархату. Примечательно, что в ранний императорский период «гражданин» в Риме и вовсе перестал быть функциональным компонентом мироустройства, обладая исключительно правовым статусом.

Центральная категория римского республиканского образования — *гражданская воспитанность* (*humanitas*)***, безусловно, согласуется с греческой дидактикой, но отнюдь не во всем. В условиях довольно жесткого противопоставления граждан и всех остальных народов освоенного мира, массового наделения гражданскими правами представителей аристократических семей вновь присоединенных территорий (и не только «верхов»), насильственной романизации провинций, рас-

* Connolly J. *The State of Speech. Rhetoric and Political Thought in Ancient Rome*. — Princeton: Princeton University Press, 2007.

** См.: Bonner S.F. *Education in Ancient Rome*. — London — New York: Routledge, 2012.

*** *Humanitas* — понятие очень многозначное. Оно передает разные оттенки человечности, человеколюбия (ср. др.-греч. «филантропия»), доброты, цивилизованности, образованности, культуры и т.п. Наш современный термин «гуманизм», который восходит к этому латинскому корню, выхватывает лишь одно и отнюдь не самое главное значение этого слова.

Эль Лисицкий. Этюд в стиле «Проун» № 30 Т. 1920

пространения латинского языка и культуры — у вечного города не оставалось никаких дополнительных скреп консолидации своего государства кроме силы (армии) и права (законов, судов). И именно римские правовые традиции стали основой формирования правовой и общей культуры западного мира, да и не только западного...

Romanum humanitas распространяло принципы и нормы права на весь известный римлянам мир, став провозвестником современной институциональной системы*. А jus humana (уни-

версальное право) стало той инновацией, которая развернула римскую политику в сторону философии правосознания (Цицерон, Квинтилиан, Гай). В конце концов во II в. н.э. выдающийся римский юрист Ульпиан разработал на этой богатой фактологической основе полноценную теорию «прав человека»**. И когда это было заново открыто в Европе в Новое время, именно римские предтечи были их духовными и формальными источниками. А латинский язык и классическое образование сохранили и поныне категориальный аппарат гражданской дидактики

* Подробнее: Bauman R.A. *Human Rights in Ancient Rome*. London — New York: Routledge, 2000.

** Honore T. *Ulpian. A Pioneer of Human Rights*. — Oxford: Oxford University Press, 2002.

античной поры — гражданские добродетели и страсти, гражданские свободы и верховенство права, гражданскую риторику и великое таинство политической коммуникации.

Контекст 3: От раннехристианского «града земного» к гуманистической утопии — путь к реабилитации гражданских смыслов.

Человек — чужестранец, паломник, временно путешествующий на этой полной зла и ненависти земле, и никакое его тяготение к постоянному месту жительства в городе не заслуживает ни понимания, ни тем более похвалы. Правом гражданства человек пользуется только в «отечестве небесном», на земле же ему нет необходимости в постоянном месте жительства, считал апостол Павел. Приблизительно так же рассуждал и святой Августин в канун Средневековья, и надо заметить, что этот дискурс был свойствен не только лишь одному раннехристианскому мироощущению, но и всей языческой культуре эпохе упадка античной цивилизации*.

Распад империи не принес ничего хорошего ни римскому гражданству, ни европейскому городу в целом. На смену политике и праву пришла грубая сила и новое духовное прозрение. Публичные ритуалы уступили место скромным и латентным культам, среди которых христианство медленно, но все же уверенно набирало себе сторонников**. Человек-пилигрим все еще жил старыми социально-политическими представлениями, но его внутренний мир был уже совершенно иным. Старая культура горо-

дов, городские традиции и ценности практически никак не сказались на этой затянувшейся на несколько веков трансформации***. Люди замыкались в своем приватном мире, сбивались в небольшие сообщества закрытого типа. Городская идентичность постепенно уступала место космополитической идентичности «града божьего», в то время как жители «града земного» неспешно переформатировали бывшие институты и практики городской жизни. Многие крупные города пришли в полный упадок и были брошены. Небольшие поселения замыкались в своем локальном кругу, образованном чаще всего вокруг церкви. Замок и деревня уже к концу I тысячелетия стали господствующими и обществообразующими местами дислокации людей. Укрепленные же крепости (лагеря, форты, бургы), хоть внешне и напоминали окруженные стенами города, но, по сути, не имели ни гражданства, ни самоуправления, ни тем более аутентичной политической культуры, за исключением, пожалуй, локальной христианской солидарности****.

Урбанистический «переворот» в Европе совершается лишь в XI–XIII веках, когда бюргерам удается отвоевать у магнатов (феодалов, епископов, настоятелей монастырей и др.) свое право на город. Торговые и ремесленные гильдии становятся прообразами корпоративного гражданства. Множественные внутригородские общности настойчиво претендовали на выражение идеи нового гражданства. Нобилитет открыто заявил о своих правах на город задолго до возникновения

* Доддс Э.Р. *Язычник и христианин в Смутное время*. — Санкт-Петербург: Издательский центр «Гуманитарная академия», 2003. См. также: Matthews G.B. *Augustine*. — Oxford: Blackwell, 2003; Wetzel J. (Ed.) *Augustine's City of God*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

** *Христианство завоевывало себе сторонников прежде всего в городах и на многие века предопределило культурную идентичность их жителей*. Stark R. *Cities of God. The Real Story of How Christianity Became an Urban Movement and Conquered Rome*. — San Francisco: Harper, 2006.

*** См.: Wood E.M. *Citizens to Lords*. — London — New York: 2008.

**** Wolfe M. *Walled Towns and the Shaping of France*. — New York: Palgrave, 2009.

централизованных государств в Европе*, однако, рассыпавшись на множество фракций, политические амбиции нобилей привели лишь к усилению внутригородской борьбы за права и привилегии, что, правда, удачно способствовало зарождению в Европе современных муниципальных институтов и культуры.

И если первоначально «патрициату» удавалось как-то удерживать города под своим протекторатом, то уже в XIII–XIV веках купечество вырывается из-под их опеки и обретает новый статус и самоидентичность как свободных «горожан». В данном контексте — скорее уже как муниципальных граждан**. Политической технологией кристаллизации гражданства становились *хартии*, устанавливающие право на муниципальное самоуправление, в котором, правда, участвовали далеко не все жители городов, и, разумеется, не приобретали никакой политической независимости. Впрочем, именно символическая природа хартий способствовала развитию внутригородской солидарности, город стал мыслиться как единый организм. При этом политическая организация городов была весьма далека от образцов «прямой демократии» и, очевидно, приближалась к римской олигархической республике, правда без соответствующего ей государственного суверенитета. Впрочем, уже в хартиях мы

встречаем слова «гражданство» и «гражданин» как устоявшиеся понятия, правда, с измененными по отношению к римским оригиналам смыслами.

Главным инструментом воспитания гражданственности в средневековом городе естественным образом выступали *гильдии*. В правовом смысле гражданами становились лишь те жители, кто не воспринимался чужаками (извне) или аутсайдерами (изнутри). Гильдии социально конструировались как сознательные, волевые, договорные и клятвенные ассоциации, не связанные с натуральным порядком вещей (семья, род, племя, т.п.), и поэтому очень напоминали раннехристианские городские объединения вокруг местной церкви. Но только в данном случае мы уже отчетливо видим прототип современного гражданского общества с его институтами, учреждениями, правом и контрактными отношениями. Да, собственно, и ранние городские коммуны в Европе, сконструированные как договорные (клятвенные) сообщества, представляющие собой связь свободных индивидов в интересах взаимопомощи, формировались при самом серьезном институционально-образовательном воздействии со стороны гильдий, пусть даже не будучи их буквальной калькой.

Гильдия, при кажущейся дисциплинарной и иерархической жесткости, на самом деле — гибкая технология***.

* Замечательный французский энциклопедист монах-доминиканец Висент из Бове, отвечая на запрос нобилей, в 1246 г. составляет значительное образовательное сочинение «О наставлении детей знати» (*De eruditione filiorum nobilium*), в котором задолго до ренессансных мыслителей впервые сформулировал этос элитного воспитания детей патрициата в широкой эрудиции, нравственной безупречности и в духе служения. Фрагмент этого весьма внушительногоopusа по-русски см.: Антология педагогической мысли христианского Средневековья. Т. II. Мир преломится в книге / Сост. В.Г. Безрогова, О.И. Варьяш. — М.: АО «Аспект Пресс», 1994. — С. 111–112.

** В ранней истории европейского права особое место занимали «чужестранцы» (а ими были прежде всего торговцы), и в известном смысле их кодификация как «других свободных» способствовала пониманию внутренней гражданской свободы и конструированию нового статуса «свободного горожанина». См., в частности: Kim K. *Aliens in Medieval Law. The Origins of the Modern Citizenship*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004; Akehurst F.R.P., Cain Van D'Elde S. (Eds.) *The Stranger in Medieval Society*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997.

*** В аспекте развития европейской концепции гражданства исторический анализ наследия средневековых гильдий см.: Isin E.F. *Being Political. Genealogies of Citizenship*. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002.

Она может служить разным целям, легко трансформируется, развивает взаимные обязательства, укрепляет доверие, формирует внутригородскую солидарность, развивает конкурентную среду и по природе своей является договорным инструментом социального и ценностного контроля. Через обязательное участие в гильдиях молодые поколения горожан осваивали ценности и нормы гражданских отношений, взаимопомощи, разрешения конфликтов и т.п. Парадоксально, но именно принадлежность к гильдии делала человека свободным. Из клятвы верности гильдии вырастет впоследствии ритуал принесения гражданской присяги городу или отчизне. Скрепленные клятвой члены гильдии считались «равными» (*paes*). Уставы гильдий проповедали мир, как противоположность всякому насилию. Разумеется, гильдии имели собственные религиозные праздники. В то же время гильдии и городские власти совместно отвечали за гражданский церемониал — городские ритуалы публичной жизни. Гильдии к тому же породили громадное наследие законодательного регулирования, создав тем самым прекрасный фундамент для всего современного муниципального права. В гильдии были объединены не только ремесленники и торговцы, но таковыми были по существу монашеские братства, союзы клириков, университетские ассоциации магистров и школяров, нотариусов и им подобные городские корпорации. Гильдии, одним словом, формировали у человека коммуникативный навык понимания своих

прав и интересов, а также умение распоряжаться своим главным корпоративным правом — коллективным правом на город.

Гильдии тем не менее, несмотря на высокую степень социальности*, как мне кажется, были больше ориентирова-

*Избежать столкновения
с централизованными монархиями
так и не удалось, и города на два с лишним
столетия погрузились в состояние
вялотекущего конфликта с ранними
национальными государствами*

ны вовнутрь своего «клятвенного мира», чем вовне. Их мораль и трактовка добродетельного поведения были еще скорее корпоративными, чем гражданскими. А взаимоотношения с городскими сообществами были крайне непростыми. Сообщества и корпоративные идентичности тем временем множилось, и выхода из сложившегося ко времени позднего Средневековья тупика видно не было.

Европейский Ренессанс принципиально развернул вектор истории в сторону универсализма и гармонии общего порядка. Цепочка человек-город-образование обретает в это время совершенную иную конфигурацию и, несмотря на все еще большую интеллектуальную зависимость от античных авторитетов, постигает новое содержание. Гуманистическая мысль впервые, пожалуй, со времени Сократа и Платона начинает воображать город как сугубо абстрактный феномен. Соответственно, и в гражданском обра-

* *Блестящий очерк истории гильдий в их отношениях с городами см.: Экле О.Г. Действительность и знание. Очерки социальной истории Средневековья. — М.: Новое литературное обозрение, 2007.*

Наум Габо. Конструкция в пространстве. Подвешенная версия II. 1957–1966

зовании она вводит важную культурную точку отсчета — абстрактный гражданский идеал, тем самым подтолкнув современников к поиску новых социальных и педагогических идей и практик. На заре Возрождения европейский город осознает себя как единое целое и оформляет эту ментальную конструкцию пра-

вовыми актами, параллельно же гуманисты артикулируют город как рациональный пространственный порядок. И это означало, что в массовом сознании людей сформировалась новая урбанистическая картина мира, где геометрия и право создавали абстрактный образ для любых его конкретных воплощений. Притом

что большинство городов были либо олигархическими, либо даже деспотическими, независимо от способа правления, гуманистам все же удалось продвинуть новую доктрину гражданина.

Ренессансная концепция *идеального гражданина* беспрецедентна для мировой истории. Она впервые ставит во главу угла индивидуалиста, не важно при этом, откуда он черпает свой жизненный ресурс — из торгового, земельного, социального, политического или культурного капитала. Выдающийся историк XIX в. Якоб Буркхардт справедливо утверждал, что этот новый антропологический тип отличали глубокие знания, индифферентность к политике и космополитизм*. Только такому человеку была по силам титаническая задача создания города как «произведения искусства». Однако многочисленные исторические исследования ренессансного феномена показали, что только весьма незначительную группу гуманистов можно считать «гражданскими», которые, собственно, и были озабочены сотворением образа гражданина с его новой общественной чувствительностью, личностными добродетелями и ориентированностью на публичное пространство.

История Флоренции на рубеже XIV–XV веков показывает удивительный для истории Запада разлад между политической вовлеченностью и политической апатией в кругах образованной и преуспевающей элиты. В городе к этому времени возник

кают новые профессионалы, ресурс которых основан на фундаментальных знаниях — истории, риторике, этике, праве, технологии. Эти люди, предоставлявшие разные гуманитарные и политические услуги высшим слоям республики, собственно, и сдвинули ренессансную мысль в сторону гражданской проблематики**. Это были профессионалы-прагматики, и вовсе не обязательно университетские философы или теологи. Их этические учения были строго социально ориентированы. Они первыми стали активно участвовать в открытом электоральном процессе, поддерживая как саму республику, так и свободу ее граждан. Хотя их просветительские усилия были направлены, разумеется, прежде всего на городскую верхушку.

Леонардо Бруни (1374–1444) разработал целостное учение о гражданстве и гражданском образовании. Он настаивал на понимании человека как «общественного существа» — тезисе, вполне известном для современников хотя бы в силу исключительной популярности Аристотеля в Средние века, но далеко не разделяемом всеми даже в интеллектуальных кругах. Бруни закрепляет в дискурсе дихотомию личного и общественного блага, разрешая ее в пользу последнего и доказывая это этическими аргументами. Его триада свобода–равенство–справедливость в ее неразрывном единстве была весьма революционной для своего времени. Более того, не употребляя самого понятия,

* Буркхардт Я. *Культура Италии в эпоху Возрождения*. — М.: Интрада, 1996.

** Термин «гражданский гуманизм» был введен в научный оборот американским исследователем Гансом Бароном. Он считал, что именно около 1400 г. во Флоренции складывается небольшая группа гуманистов, мыслящих гражданскими категориями и задавших тем самым весь многовековой тренд западного политического дискурса свободы и ответственности гражданина (Baron H. *The Crisis of the Early Italian Renaissance*. — Princeton: Princeton University Press, 1955). Несмотря на всю последующую критику со стороны историков, сам термин «гражданский гуманизм» неплохо прижился в науке. Он удачно описывает круг тех интеллектуалов и политических лидеров своего времени, которые не разделяли пафоса политической индифферентности раннего Ренессанса (а этого придерживался, к примеру, Петрарка и многие другие гуманисты). См., в частности: Брагина Л.М. *Итальянский гуманизм: этические учения XIV–XV вв.* — М.: Наука, 1977.

Бруни считал единственно возможным внутренним порядком в республике верховенство права*.

Гражданские гуманисты сконструировали идеальную модель «активного гражданина» (очевидно, также не без влияния со стороны Аристотеля), которую настойчиво продвигали в неблагоприятной для инновационных идей культурной среде. Доминиканские монахи преподавали аристотелевскую политическую теорию в школах Флоренции**. Активный гражданин прежде всего публичная фигура, обладающая для этого хорошими риторическими навыками и этической образованностью. Идеальный гражданин — способный к консенсусу городской политик***.

Он рассудителен, осторожен, честен, опирается на разум, а не на силу. И это был важный просветительский сигнал для продвинутой части средневековой аристократии, привыкшей полагаться лишь на ресурс силы. Эффективная и устойчивая республика вырастает из ума ее лидеров. Этот тезис впоследствии разовьют европейские гуманисты в пору Высокого Возрождения, и в конце концов он станет краеугольным камнем политической теории Макиавелли, хотя он откровенно не выносил никакие демократические «игры с массами». И все это гражданское образование гуманистов было густо сдобрено примерами из классической античности с ее аутентичным пониманием свободы,

ответственности и гражданских добродетелей политических лидеров.

Гражданские гуманисты во всем, конечно же, подражали древним, но у них смыслы гражданственности и принципы гражданского образования уже были иными. Модель идеального гражданина была выстроена под запрос элит, и это действительно был уже не просто образец для подражания или даже простого копирования, а именно *гражданская утопия* — иллюзия вечно недостижимого идеала. Более того — универалистская модель гражданственности, апеллирующая к ценностям и нормам универалистской этики. Соответственно, распространение этой модели меняло и самую сущность и внешний вид городов. В них появляется и быстро развивается открытое для общего пользования публичное пространство. Город воспринимается отныне объектом общего блага. Соответственно, город — предмет вдумчивого и взвешенного анализа и планирования. А горожане должны были стремиться к этому идеалу, осознавая свои права и принимая на себя всю полноту гражданской ответственности, то есть стать суверенными личностями. В этом гражданские гуманисты кардинально порывают с общинным типом личности античной поры. Да, собственно, и корпоративный человек Средневековья начинал постепенно уступать место политическим значениям нового, доселе неизвестного автономного гражданства.

* Косвенное представление о гражданской дидактике Леонардо Бруни дает, в частности, его трактат «О научных и литературных занятиях», написанный между 1422 и 1429 г. См.: *Эстетика Ренессанса / Под ред. В.П. Шестакова. Т. 1.* — М.: Издательство «Искусство», 1981. — С. 53—63.

** Следует заметить, что аристотелевское учение об активном гражданстве было очень популярно в итальянских городах-республиках того времени. См.: Heater D. *A History of Education*, p. 23.

*** Историк Джон Наджеми в переходе к консенсусной политике видел главный инновационный разворот эпохи. Старая корпоративная система децентрализовала городскую политику. Но одновременно и удерживала ее в конфликтном состоянии. В «консенсусном городе» добрый гражданин поддерживает городские власти в противовес узко корпоративным интересам. Именно Бруни, считает Наджеми, удалось свести воедино широкую демократическую поддержку и олигархический стиль правления. См.: Najemy J.M. *Corporatism and Consensus in Florentine Electoral Politics, 1280-1400.* — Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1982.

Город и гражданин как мыслительные утопии, по сути, перевернули сознание средневекового человека. Замечу, что город-утопия — это отнюдь не то же самое и хорошо известное нам «несуществующее место» (outopia) в трактовке Томаса Мора, а урбанистическая абстракция, ментальная конструкция города, *иллюзия города как места свободы, права и справедливости*. На многих фресках и картинах ренессансных живописцев мы видим эту утопию воочию в виде фрагментов выдуманных городов. Городов абсолютной геометрической гармонии и доминирующего публичного пространства, где выдуманные горожане больше походили на актеров некоего костюмированного театрального представления. Кроме того, город-утопия и внутри мыслился как идеал «лучшего места» (eutopia)*, сбалансированный общим интересом и гражданской добродетельностью его жителей. Тем временем в реальной истории итальянских республик власть и контроль над городами постепенно переходили в руки профессионалов европейского протосреднего класса. И, как писал Бруни, вполне возможно, что не всякий горожанин будет допущен во власть (выборы все же — электоральная лотерея), но всякий может эту надежду хранить в себе. Независимо от региональных отличий и вопреки процессам централизации и

усиления государств, по всей Европе в период Высокого Возрождения горожане смогли все-таки поставить под свой контроль города, распространив на них свои суверенные и автономные права. И произошло это во многом благодаря открытию абстрактного мышления, конструированию «города» и «гражданина» как главных утопий социального воображения. Таким образом, в этом историческом контексте гражданское образование во имя демократической политики из здравого смысла и компонента начального воспитания превратилось в *самостоятельную отрасль практически ориентированного гуманитарного знания*. Впрочем, избежать столкновения с централизованными монархиями так и не удалось, и города на два с лишним столетия погрузились в состояние вялотекущего конфликта с ранними национальными государствами. «Гражданин» хоть и сохранил свое городское качество, но все же медленно перетекает в состояние «подданного» абсолютных монархий, а внутренняя политика городов надолго сосредоточится в руках аристократов и олигархов**. Очередной исторический прорыв свершится лишь в век торжества капитализма. Но его предварит долгий путь гражданских исканий, проб и ошибок раннего Нового времени.

* Ренессансное конструирование города социальный историк Энджин Исин предлагает именовать *эутопией*, поскольку подсознательно все профессионалы в своей деятельности так или иначе оглядывались на концепт идеального города. И то, что они смогли сотворить в реальной практике, отражало разные стороны этого конструкта. См.: Isin E.F. *Being Political. Genealogies of Citizenship*. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002. Ch. 5.

** В подавляющем же большинстве дидактических текстов для «простых людей» даже позднего Средневековья мы обнаруживаем преимущественно инструкции бытового, но все еще не общественного, свойства. См.: Ashley K., Clark R. (Eds.) *Medieval Conduct*. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 2001.

*Андрей Колесников,
руководитель программы
«Российская внутренняя
политика и политические
институты»
Московского Центра Карнеги,
колонист газеты
«Ведомости» и интернет-
издания Газета.Ru*

Россия и Европа после «конца истории»

Чувство общности. Исторически после Второй мировой войны у СССР был шанс присоединиться к европейским ценностям. На это очень надеялся президент США Франклин Рузвельт. Но его романтические иллюзии были разрушены в 1946 году. 9 февраля 1946-го Сталин выступил в Большом театре на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы и высмеял тех на Западе, кто сомневался в устойчивости советского строя. Эта речь, как утверждает Джон Гэддис, биограф Джорджа Кеннана, спровоцировала его, тогда советника американского посольства в Москве, на «длинную телеграмму», отправленную в Государственный департамент США 22 февраля 1946-го: «Советское давление на свободные институты западного мира можно сдерживать лишь с помощью искусного и бдительного противодействия в различных географических и политических точках, постоянно меняющихся в зависимости от сдвигов и перемен в советской политике, но его нельзя устранить с помощью заклинаний и разговоров. Русские ожидают бесконечного поединка...». 5 марта 1946 года Уинстон Черчилль произнес в Фултоне речь: «Я вам назвал две главные опасности, угрожающие каждому дому и каждой семье, — война и тирания».

Потом был построен новый мировой порядок, началась эпоха холодной войны. Вступила в действие доктрина сдерживания. По другую сторону железного занавеса твердили о «мирном сосуществовании двух систем» и т.д. Потом была перестройка, спровоцировавшая концепцию «конца истории» и торжества идеи либерализма. А время спустя постперестроечный мировой порядок сгорел, как автомобильная шина на киевском Майдане, и тема нового мирового порядка снова вернулась во всем своем конфронтационном великолепии.

«Распространение вширь слабости». На мирной конференции в Париже в 1946 году представитель советской

делегации завел разговор с Чипом Боленом, будущим послом США в СССР, недоумевая, отчего это госсекретарь Джеймс Бирнс второй день подряд рассуждает о принципах, в то время как американцы считаются хорошими торговцами: «Надо прекратить разговор о принципах, перейти к делу и начать торговаться». Русские не понимали ценностного подхода к мировым проблемам, хотя, казалось бы, к этому обязывал марксизм-ленинизм. Это был своего рода подход Вестфальского мира XVII века — свод правил, позволяющий остановить кровопролитие и удержать баланс сил и интересов, а не моральный императив, способный объединить нации. (На это обращает внимание Генри Киссинджер в своей последней книге «Мировой порядок».)

Миропорядок, сложившийся в послевоенное время, был отмечен тем, что победила сталинская практическая концепция раздела сфер влияния и логика создания буферных государств-сателлитов, а не американская концепция продвижения ценностей и принципов (которая нередко приводила к ввязыванию США в ненужные войны, о чем предупреждал американский публицист и политический мыслитель Уолтер Липпманн). Джордж Кеннан в одном из документов с сожалением признавал, что раздел Германии, приверженцем которого он был с 1945 года как способа восстановления баланса власти в Европе силами самих европейцев, на деле означал отъем этой самой власти у жителей континента и перераспределение ее между США и СССР.

Столкнулись две мировоззренческие системы, два взгляда на «правильный» миропорядок. Внешняя политика Советского Союза была, в сущности, единственной причиной учреждения НАТО (а последней каплей — коммунистический переворот в Чехословакии в 1948 году), и возвращение, как выразились в статье в «Таймс» (4.09.2015) Обама и Кэмерон, к идеям «отцов-основателей» альянса, спровоцировано именно пришествием старого мирового беспорядка.

Встреча двух систем произошла в 1948-м во время блокады Берлина. Затем в 1950 году началась война в Корее. Киссинджер в своей книге «Дипломатия» (1997) писал, что в 1952 году, еще до окончания войны в Корее, Сталин, озабоченный тем, что СССР не потянет гонку вооружений, предлагал разбить Европу на две сферы влияния. А посередине находилась бы объединенная, вооруженная, нейтральная Германия. Это предложение «охотно было бы принято демократиями четырьмя годами ранее». Теперь было поздно.

Строительство Сталиным «пояса безопасности» в Восточной Европе Киссинджер назвал «распространением вширь своей слабости». Именно в этой логике строится политика современной России, и здесь же зарыты корни украинского кризиса, во многом спровоцированного попытками «финляндизации» Украины со стороны российского политического руководства.

Миф суверенитета. Философия Победы в Великой Отечественной войне, на которой спекулируют сегодня государственные идеологи, могла бы воссоединять Россию с Европой, но, как и в конце 1940-х, наоборот, искус-

ственно отделяет ее от западного мира. Европа вышла из войны с вымученной идеей цивилизационного объединения, Советский Союз — с политической изоляции и баланса сил.

Из чрезмерного акцента на священном значении границ и суверенитета вырос железный занавес. На том же — абсолютизации суверенитета, на который, кстати, никто не покушается, — строится современная идеология. Правда, при этом социологические исследования показывают, что российский человек склонен идентифицировать себя в большей степени с местностью, где он живет, нежели со страной. Спекуляции на суверенитете — верный признак изоляционизма. В конце Второй мировой войны один из будущих архитекторов единой Европы Жан Монне считал, что главной послевоенной опасностью для континента стало бы «восстановление Европы, состоящей из суверенных государств, подверженных соблазнам протекционизма». Это не означало, что Монне настаивал на отмене суверенитетов. Это означало, что фетишизация суверенитетов имела бы для Европы, ее экономики, политики, для переосмысливаемых европейских ценностей серьезные негативные последствия, сопровождаемые невозможностью избавиться от наследия — экономического, политического, психологического — мировой войны.

«Если страны Европы займут позицию изоляции и конфронтации, — писал Жан Монне, — снова станет необходимым создание армий. По условиям мира одним странам это будет разрешено, другим — запрещено. У нас уже есть опыт 1919 года, и мы знаем, к чему это ведет. Будут заключаться внутриевропейские союзы — и нам известно, чего они стоят. Социальные реформы будут остановлены или замедлены военными расходами. Европа снова начнет жить в состоянии страха». (Заметим попутно, что русский философ Лев Шестов (1866–1938) еще в работе 1920-х годов *Potestas clavium* (*Власть ключей*) обращал внимание на то, что если бы народы европейского континента не дали вовлечь себя в Первую мировую войну, за эти потерянные годы «вся Европа обратилась бы в рай».)

Характерен в этом смысле диалог о патриотизме и суверенитете эмигранта Йозефа и его приятеля, старого коммуниста Н., в романе чешского писателя Милана Кундеры «Неведение» (книга издана в 2000 году, действие же происходит в первые годы после «бархатной революции» (1989), когда стало возможным возвращение в Чехословакию изгнанников).

«— Национальная независимость давно стала иллюзией, — сказал Н.

— Но если страна не суверенна и не стремится ею стать, готов ли будет кто-нибудь умереть за нее?

— Я не хочу, чтобы мои дети готовы были умереть... Умереть за свою родину, такого больше не существует. Быть может, для тебя, в годы твоей эмиграции, время остановилось. Но они — уже не думают, как ты».

Об этом же феномене в книге «Изобретение мира», изданной Школой, писал Майкл Ховард, когда отмечал «общее для западных урбанизированных обществ нежелание нести тяжелые потери» и называл эту эпоху «постгероической». Но трудно увлечь этой идеей мир, где героизируется смерть за Пророка, а безвестная гибель на полях Донбасса сравнивается с героизмом солдат в Великую Отечественную войну.

Тем не менее эти две тенденции — модернизаторская, космополитическая, цивилизаторская, и варварская, архаичная, фундаменталистская, — существуют и будут существовать параллельно, и не всегда мирно. Но если «конец истории» может существовать без тех, кто всякий раз врезавшись в небоскреб в Нью-Йорке, расстреляв карикатуристов в Париже или вторгнувшись на территорию Украины, его отменяют, то «новая архаика» уже не может существовать вне соприкосновения с цивилизацией. Она негативна по природе своей — отталкивается от цивилизации, высмеивает и ненавидит ее, нападает на нее.

Механика архаизации — это реакции, отчасти «защитные», на новые тренды в глобальном мире. Иногда дальнейшая модернизация или, если угодно, постпостмодернизация — это вызов тому косному, что всегда присутствует и в современных обществах.

*Фетишизация суверенитетов
имела бы для Европы серьезные
негативные последствия,
сопровождаясь невозможностью
избавиться от наследия мировой
войны*

Спор славян между собою. Акцент на самоценность суверенитета и легкость «справедливой» войны вполне очевидно ведет в России к архаизации государственной политики и массового сознания. И возродить дух Просвещения приходится на столь печальном фоне и в таком дискомфортном контексте.

Для сегодняшней России дискуссия о европейских ценностях вернулась в идейном смысле в лучшем случае в состояние XIX века — эпохи споров западников и славянофилов, в худшем — в те времена, когда «латинянам» идеологически, практически, религиозно, даже с точки зрения языка противостояли русские цари и русская церковь.

В «Очерке развития русской философии» (1922) русский философ Густав Шпет (1879–1937) писал: «В хвастливом наименовании себя Третьим Римом она (Россия. — *Авт.*) подчеркивала свое безотчество, но не сознавала его. Она стала христианскою, но без античной традиции и без исторического культуропреимства. ...Безопасность государства требовала закрытия всех путей. Спешно сооружались шлагбаумы, и к охранению дорог была призвана вновь вера. Мерещился в одеянии еллинской мудрости бес».

В том или ином виде — иногда сильно осовремененном — описанная Шпетом ситуация возвращалась на протяжении всей истории России. В некотором смысле культура противоречила сближению с цивилизацией (в широком понимании термина, а не хантингтоновском значении слова). Хотя опять же — в контексте обсуждаемых нами сюжетов, как никто не покушается на суверенитет России, так никто и не оспаривает важности культурного своеобразия любой страны: делать это просто нелепо. Как

Антуан Певзнер. Последний порыв. 1962

заметил однажды Милан Кундера, сочинивший свои последние произведения по-французски: «Если бы Европа представляла собой единую нацию, я не уверен, что история ее романа могла бы быть такой жизнеспособной, такой насыщенной и такой разнообразной на протяжении четырех веков... история романа на своем пути пробуждала ото сна одну за другой различные части Европы, подтверждая их уникальность и одновременно интегрируя их в единое европейское сознание».

Социологи Левада-Центра отмечают, что «сумма негативных чувств среди населения России к США и Европейскому союзу достигла максимального значения за все годы замеров... Половина россиян считают, что в настоящее время отношения с европейским партнером напряженные».

Ухудшение отношения к всему европейскому — часть общего контрмодернизационного тренда в государственной политике и общественном сознании. Поскольку модернизация в России всегда считалась (и была таковой по факту) европеизацией, соответственно, контрреформаторский тренд неизбежно оказывался антиевропейским. Откат иногда ускоряли политические события. Как Екатерину II, переписывавшуюся с европейскими просветителями, испугал пугачевский бунт и французская революция, так и президента России заставили окончательно развернуть политику в сторону изоляционизма протестное движение 2011–2012 годов и украинский Майдан.

Заколдованный мир. В своей недавней книге «Мировой порядок» (2014) Генри Киссинджер отмечает: «Любая система мирового порядка, чтобы быть устойчивой, должна быть воспринята как справедливая не только лидерами, но и гражданами».

У многих сообществ наций, объединенных культурой и религией, своя концепция мирового или регионального порядка, но цивилизационно мировой порядок — один (если не придерживаться, повторюсь, трактовки понятия «цивилизация» в смысле Сэмюэля Хантингтона). Американский социолог Джек Голдстоун, пытаясь разобраться в причинах исторического возвышения Запада, и в частности прогресса в области науки, употребляет термин «космополитическая цивилизация» по отношению к арабскому миру IX–XV веков и говорит о том, что «корни современной науки были, в сущности, глобальными, а не европейскими».

Корни цивилизации — глобальны. Представления о добре и зле, универсальные этические нормы, потребительские привычки, принципы справедливого государственного устройства и эффективного управления экономикой приблизительно одинаковы, что стало основанием для Фрэнсиса Фукуямы провозгласить «конец истории». В конце концов между 1970 и 2010 годом, по данным Фукуямы, число демократий во всем мире увеличилось с 35 до почти 120, что составляет 60 процентов от общего количества стран. (Правда, часть этих стран принадлежит к категории «нелиберальных демократий» и к режимам, сущность которых описывается термином «электоральный авторитаризм».)

Конечно же, есть обратная реакция на «конец истории»: деглобализация, регионализация, национализм, протекционизм, религиозный фунда-

ментализм. Французский философ Цветан Тодоров в книге «Дух Просвещения»* писал, что «Просвещение создает расколдованный мир». В сегодняшнем мире многие лидеры пытаются обратно «заколдовать» этот мир в стилистике, свойственной скорее монархиям, предшествовавшим эпохе Просвещения, нежели современным государствам. Назовем этот тренд «сакрализацией несвободы». Фундаментализм и нетерпимость — это то, что сближает столь вроде бы не похожих друг на друга крайне правых в Европе и исламских радикалов. Ультраконсервативная идеология объединяет адептов нынешнего политического режима в России и тех же «лепенистов» во Франции.

Сопrotивление материала. Сегодняшняя ситуация осложняется тем, что Европа сама, по сути, находится в кризисе: проблемы иммиграции, радикального ислама и осложнившихся отношений с Россией испытывают на прочность жизнеспособность традиционных демократических западных ценностей. Главное противоречие Европы, вызванное общемировым старением населения, связано с выбытием трудоспособных возрастных когорт, в результате чего европейский рынок требует все большего числа мигрантов, и экспансией других культур, которые не близки местному населению. Популярность крайне правых партий и евроскептицизм, антииммигрантские настроения, а кое-где, например во Франции, даже антисемитизм — реакция на эти угрозы, на неопределенность будущего, на растущее социальное неравенство, на конфликты по линиям раздела Север–Юг и Запад–Восток. Как писала Ханна Арендт в эссе о Карле Ясперсе, «солидарность человечества вполне способна обернуться невыносимым бременем, и не удивительно, что обычная реакция на нее — это не энтузиазм или стремление к возрождению гуманизма, а политическая апатия, изоляционистский национализм или отчаянный бунт против любой власти».

Да, современная Европа — это уже не мир Жана Монне и Робера Шумана, даже не тот мир, который возник после крушения Берлинской стены, но его идеалы — те же самые. Чему доказательство, например, солидарная реакция Европы на трагедию с еженедельником Charlie Hebdo. Или контрмарши сторонников космополитических ценностей в ответ на демонстрации движений против иммигрантов в Германии. Собственно, западные *фундаментальные* ценности и остаются надежной страховочной сеткой от *фундаментализма* любого сорта. В той же Франции, раздираемой множеством противоречий, к триаде «свобода, равенство, братство» добавился третий элемент — секуляризм, столь важный в условиях наступления религиозного фундаментализма. На смену противостоянию фашизма, марксизма и либерализма приходит противостояние цивилизации и варварства.

Европу и Запад в целом ждут очень непростые времена и испытания. И в этом контексте тем более важно было бы втянуть в магнитное поле западных ценностей гражданское общество России и российское государство.

* Тодоров, Ц. Дух Просвещения. — М.: МШПИ, 2010.

Свобода — это цивилизация. Что можно было бы предложить с точки зрения обновления европейского духа, с позиций «послевоенного» (после войны на Украине) устройства мира? Наша задача — привести в действие не столько мощь государств и официальных структур, сколько «мягкую силу» гражданских движений и просто людей Европы, включая россиян, обеспокоенных атмосферой недоверия и языком вражды. Да, с сегодняшней Россией трудно, однако еще труднее будет, если Европа потеряет ее. Максимально открытые границы, международное образование и свобода торговли — все, что способствует свободному передвижению капитала, идей и нематериальных ценностей — должно работать на сближение Европы и России, возвращение России в Европу.

Европа сама, по сути, находится в кризисе: проблемы иммиграции, радикального ислама и осложнившихся отношений с Россией испытывают на прочность жизнеспособность традиционных демократических западных ценностей

«Мы не создаем коалиции государств, мы объединяем людей», — говорил идеолог единой Европы Жан Монне. 18 августа 1966 года он сделал в своем дневнике поразительные по простоте, но и глубине тоже записи: «Свобода — это цивилизация.

Цивилизация — это правила + институты.

И это так, потому что развитие человека — главная цель всех наших усилий, а не возвеличение родины, большой или малой.

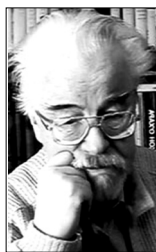
Это дар — родиться на свет (человеком).

Это дар — родиться в нашей цивилизации.

Неужели мы ограничим этот дар национальными барьерами и ограждающими нас законами?».

Сначала — люди, потом — правительства. Сначала просвещение — затем его плоды в виде возникновения миллионов русских европейцев, русских патриотов, для которых процветание России не в войне и изоляции, а в ее открытости миру и привлекательности как для идей и людей, так и для инвестиций. Разрядка-2 может начаться не в правительствах, а в гражданском обществе. При сохранении культурной идентичности Россия может вернуться в единую цивилизацию, к которой она принадлежит. За людьми последуют и правительства.

«Спасайте людей, а не фирмы!», — призвал как-то американский экономист Лестер Туруо. То же касается не только экономики, но и гражданского общества. Европейцами сначала должны стать люди, а уже затем этот процесс может быть по-новому институционализирован. Без людей нет институтов. И пути обновления этих институтов так и не станут ясны, если гражданские общества Европы и России не обозначат свой спрос на цивилизационное единство и политическую демократию.

Откуда и куда идем?

«Общественный строй» и модель экономики

Александр Волков,
доктор исторических наук

Этим вопросом — откуда и куда идем? — мы задаемся не впервые в послереформенные годы. В дискуссиях последнего времени, даже на телевидении, звучит мысль, что мы недостаточно бережно, порой слишком легкомысленно обращаемся со своим историческим прошлым. А это не только порождает неверные оценки исторических событий, но не позволяет выработать эффективную стратегию и систему действий ради лучшего будущего. В самом деле, то мы просто зачеркивали времена «проклятого царизма», то проклинали большевистское (коммунистическое) прошлое. Как будто и не было нормальных людей, интеллектуалов, несмотря на все девиации и издержки режимов творивших великую культуру, не было рабочих и крестьян, упорно делавших свое дело, и страна, ее общество не развивались. Теперь уже в ходу и современный штамп «лихие девяностые», когда тоже все было из рук вон плохо. Мы как бы поддались карамзинскому подходу к истории, как истории царей, власти, режимов и только... Ну, просто не было у нас исторического прошлого, в которое, как и в других странах, пусть не последовательно, в борьбе идей, в острых гражданских кон-

фликтах, через бездну заблуждений, ошибок и даже преступлений, наше общество, наша страна создавали себя как нормальную державу.

Страна без прошлого? Да нет же! Скорее с удивительным и богатейшим историческим прошлым, выстрадавшая свое понимание жизни и свой путь в будущее, хотя и не сформулировавшая свою «национальную идею», проще, без пафоса — кем быть, чем стать, к чему стремиться, но давшая многим народам богатейший материал для осмысления социально-политических, просто жизненных проблем и собственного будущего.

1

В 90-е годы процветал нигилизм, бездумно перечеркнувший наше советское прошлое, исказивший реальные события до неузнаваемости.

Начнем с того, что в массовое сознание внедрялось представление, будто это просто кучка большевиков, всего несколько тысяч, смутила многомиллионную массу народа, развязала Гражданскую войну и, победив, стала насаждать «преступное учение» — марксизм, идеи социализма. Замечу для начала, что партия большевиков была запрещена в 1914 году, больше-

вистская фракция Государственной думы арестована. Во время Февральской революции в Петрограде не было ни одного из членов ЦК РСДРП(б) — все они находились в ссылке либо эмиграции.

Не кучка большевиков, а массы народа были недовольны тем режимом, который господствовал до революций 17-го года. Тяжелая крестьянская жизнь, усугубленная военными неудачами, солдатчина и столь же тяжелая судьба тех, кто бежал из деревни в города, подвигли миллионы на то, чтобы они повернули ружья против власти. Огромная часть расколовшейся интеллигенции жила ожиданием «очистительной революции», даже — жаждала ее и звала Русь «к топору». Это несомненно. Иначе переворот в столице не был бы поддержан страной, иначе не было бы раскола всего народа и Гражданской войны. Насколько серьезным оказался этот раскол, меня, например, убеждает тот факт, что распался даже царский генштаб: 46 процентов его состава сражалось в гражданской войне за белых и 42 — за красных! Почти пополам! И случайно ли победили восставшие?!

А социализм... Почему победившие стали «строить социализм»? Отчего восторжествовала именно эта идея?

Заметим, во-первых, что она не имеет почти никакого отношения к Марксу. У Маркса и Энгельса само это понятие не фигурирует в качестве желанной цели. У них цель — коммунизм, а достигалась она при точно обрисованных условиях, которых, кстати, в России и близко не было. Но вождям революции нужна была надежная идейно-теоретическая опора, вот большевистская их часть и ухватилась за «классиков марксизма», в то время популярных. Ухватились за то, что «классики» писали в известном

«Манифесте» и первых томах «Капитала», — за то, по отношению к чему впоследствии, к концу своей жизни Энгельс сделал откровенное и мужественное признание: «История показала, что и мы, и все мыслившие подобно нам были не правы. Она ясно показала, что состояние экономического развития Европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства», что капиталистическая основа, на которой происходило его развитие, «обладала еще очень большой способностью к расширению»*. (Это из предисловия к работе Маркса «Классовая борьба во Франции».)

За пределы трех томов «Капитала» в советское время мало кто заглядывал. Между тем Маркс обстоятельно описал условия рождения желанного коммунизма, по крайней мере экономические. Главное, что *труд, рабочее время перестают быть мерой экономических отношений*, поскольку сам труд становится качественно иным и иначе соотносится с мощью агентов, приводимых им, этим трудом, в действие, и он уже не представляет собой тяжелой обязанности, но является потребностью человека и удовольствием для него. Он представлял, что «по мере развития крупной промышленности созидание действительного богатства... не находится в соответствии с непосредственным рабочим временем, требующимся для их производства, и зависят скорее от общего уровня науки и от прогресса техники или от применения этой науки к производству... Земледелие, например, становится всего лишь применением науки о материальном обмене веществ, регулирующим этот обмен веществ с наибольшей выгодой для всего общественного организма»**. Человек,

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 535.

** Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, часть II, с. 221.

Макс Эрнст. Самая красивая. 1967

говорит Маркс, «относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик... Вместо того чтобы быть главным агентом процесса производства, рабочий становится рядом с ним». Решающее значение приобретает «комбинация общественной деятельности»*.

Не будем затевать разговор, насколько это в принципе возможно, но похоже ли все описанное на условия, в которых в России начинали «строить» новое общество? Нет, конечно! Однако здесь сказало то обстоятельство, что к началу XX столетия в Европе идеи социализма в разных, множественных формах были крайне популярны. С ними заигрывали многие политические партии: в России даже конституционные демократы (кадеты), не говоря уже об эсерах. Похоже, что вера в революцию, в привлекательную идею социализма как воплощение свободы, равенства и братства создавали атмосферу, которая предопределяла неизбежность испытания где-то, в какой-то стране этой идеи на практике.

Кажется сейчас, что социализм провалился на этом испытании. Но так ли это на самом деле? *«Общественный строй» имел решающее значение или нечто иное?*

Конечно, Советский Союз распался. Будто бы из-за того, что социалистическая система хозяйствования проиграла конкуренцию с капиталистической системой. Да, в том виде, в каком она существовала у нас, эта система была косной, негибкой, сковывающей инициативу людей, во многом антигуманистичной. И то, что не совершенствуется с годами, не приспособливается к условиям мирового развития, неизбежно терпит крах. Но вспомним 1960–1970-е годы. В это время большая группа уче-

ных и журналистов настойчиво выступала за кардинальное совершенствование советской экономической системы, а именно — за внедрение в нашу экономику рыночных отношений, за ее рыночное реформирование. Однако ортодоксы из ЦК КПСС организовали травлю этих экономистов и журналистов. Я мог бы назвать тех и других участников дискуссии, тех, кто травил и кого травили, поименно, поскольку, работая в «Советской России», «Известиях», «Правде», был в центре этих событий, но здесь оказалось бы слишком много имен.

Помню, как мы собрали в «Правде» большую группу единомышленников, которая подготовила текст для доклада Брежнева на очередном пленуме ЦК с обоснованием самых необходимых мер. Чуть раньше некоторые идеи, высказанные в газетных публикациях, вошли в доклад генерального секретаря на известном мартовском 1965 года пленуме ЦК партии. Только Горбачев вспоминал потом, что докладчик сам не верил в пользу того, о чем говорил, все эти мартовские идеи реформирования экономики, в особенности сельского хозяйства, были чужды его опыту. А упомянутый текст более позднего времени был где-то в цеховских архивах похоронен. Возможно — вместе с множеством других подобных текстов, изготовленных с верой в перемены в других учреждениях.

Известно, однако, что некая реформа была все же в стране предпринята, вдохновителем ее был премьер-министр Косыгин. Но она была еще очень скромной, осторожной, а мощный чиновничий аппарат оказал ей жесткое сопротивление, и принятые на союзном уровне решения душились на корню. Почему? Да потому, что в реформиро-

* Там же, с. 218.

ванной экономике тем самым чиновникам с их привычным опытом управления не нашлось бы места! И «рыночники» стало ругательным словом, почти таким же, как чуть раньше «враги народа». Об этой драме можно говорить долго, но сейчас это уже не имеет большого смысла.

Почему я все же затеял этот разговор? Потому прежде всего, что глубоко убежден: распад Советского Союза не был предопределен — по крайней мере экономическими обстоятельствами. Нет, я не приверженец всех порядков, что существовали в Советском Союзе. Но одно дело, когда между Китаем с его полутора миллиардами населения и Европой с 600 миллионами примерно крепко могла стоять держава с 300 миллионами граждан, и другое — когда, по прогнозам демографов, к середине века в России может остаться 100 миллионов жителей, да и сейчас их уже меньше полутораэта. Какой бы тут ни был «строй», положение страны оказывается не очень-то надежным... Реформированный Советский Союз был бы жизнеспособнее. Это признают многие экономисты и даже один из прежних младореформаторов Анатолий Чубайс. По его мнению, высказанному в одной из недавних статей, была реальная возможность реформировать Советский Союз, реализовать рыночную идею и избежать жестоких потрясений 90-х годов. Не реформировали тогда только из-за косности КПСС, а сейчас наша экономика страдает, более чем из-за чего-либо иного, из-за *несостоятельности менеджмента*, недостаточной квалификации тех, кто пришел к управлению ею. Доказательство этой несостоятельности — особая тема, но, во-первых, для тех, кто над этим задумывался, здесь нет вопроса, во-вторых, сейчас это увело бы нас далеко в сторону от основной темы.

2

А основное состоит в том, что *понятия «капитализм» и «социализм» просто устарели и не отражают реальности*. По меньшей мере они стали трудно употребляемыми, поскольку отягощены множественными смысловыми значениями, приобретенными за длительный период своего существования, а общество стало более сложным, иначе, чем прежде, совмещающим черты, прежде отличавшие одно состояние от другого. В мире сложилась некая *единая экономическая модель* с едиными основными чертами и небольшими различиями, отражающими те или иные особенности развития национальных обществ и государств. Основу ее составляют рынок, охватывающий почти все сферы общественной жизни, и государственные регуляторы, в той или иной степени ограничивающие его свободу.

Острота сегодняшних экономических проблем состоит в том, что финансовый кризис, зародившийся в США и распространившийся на весь мир, последующие потрясения на финансовых и фондовых биржах, депрессивные явления в глобальной экономике, я бы сказал, перепотребление и беспечное накопление долгов в ряде европейских стран, угрожающие им дефолтом, покачнули не только учреждения этой сферы, но и устои экономической теории, доминирующей на планете. Универсальная экономическая модель, ее варианты, обогащенные в разной степени элементами различных концепций — либеральных, консервативных и социалистических, приспособленные уже к национальной почве конкретных стран, вдруг потребовали *пересмотра*. Наука как бы вернулась в пору дискуссий времен первой депрессии в США, в частности между известным либеральным экономистом Фридрихом фон Хайеком, считавшим

попытки конструирования социальной реальности с помощью государства «пагубной самонадеянностью человеческого разума», и Джоном Мейнардом Кейнсом, возлагавшим на государство миссию спасения от депрессии и вывода экономики к новым высоким рубежам. И теперь в центре внимания оказался вопрос возможностей саморегулирования рыночной экономики и роли в ней государства. Более того, соответствие экономики и политики, социально-политической стратегии, в конечном итоге — соот-

ветствие организации экономики идеям и ценностям населения больших регионов планеты, а значит, и всего человечества.

Современное общество в целом испытывает сегодня некое внутреннее напряжение, которое все чаще, неожиданно и в разных местах, вырывается наружу, часто в крайних формах. Так напряжение земной коры вдруг разряжается землетрясением. Политики, политологи, правоведы ищут каждый раз объяснения этим явлениям и находят их либо в неразумных действиях властей, либо в девиантном поведении каких-то социальных групп и экстремистских организаций. Но все же у этих вроде бы разнородных явлений есть, думается, некие общие, глубинные причины.

Чаще всего это банальный протест против порядка, в котором одни обладают некими привилегиями, а другие их лишены *и тем унижены*. Акторы конфликта — бедные и богатые люди, бедные и богатые страны, но не только они и не всегда. Это и привилегированные, но ущемленные в чем-то слои общества, может быть, условно и обобщенно можно сказать — элиты и маргиналы. Не только в чисто материальном смысле. Иногда это, ска-

жем, коренное население страны и иммигранты, представители господствующей конфессии и как бы периферийной. Однако в основе почти всегда — различие в общественном положении, часто и в правовом. И нынешнее массовое нашествие мигрантов на шокированную этим

*Сейчас наша экономика
страдает из-за несостоятельности
менеджмента, недостаточной
квалификации тех, кто пришел
к управлению ею*

Европу — результат не только войн и революций, но даже и сами эти революции и войны — часто следствие острого восприятия населением несправедливости.

Замечу, что материальное расслоение общества становится проблемой, когда разрыв в положении богатых и бедных оказывается критически вызывающим. А если богатство и бедность становятся институциональными свойствами общества, человек понимает, что он занимает какое-то свое вполне достойное место в социуме, с ним считаются, его уважают, у его жизни есть ресурс надежности. Но ведь у нас в России миллионы людей живут на доход, не достигающий прожиточного минимума, а число миллиардеров, несмотря на кризисы, растет и растет. По итогам кризисного 2009 года, когда ВВП упал почти на 8%, число миллиардеров практически удвоилось (с 32 до 62). И рост их числа, а вместе с тем их доходов продолжается. Доходы крупных бизнесменов и зарплаты крупных чиновников в десятки и сотни миллионов рублей и даже долларов в сравнении с доходами большинства граждан, да еще безнаказанная коррупция, взятки и воровство, исчисляющиеся уже

Сальвадор Дали. Женщина в огне. 1980

даже не в миллионах, а в миллиардах рублей на одну воровскую душу населения, чаще чиновничью душу, служащую, по идее, государству — вот это циничная, раздражающая ситуация, как бы ее ни объясняли.

Решение правительства разрешить руководителям государственных компаний не публиковать сведения о своих доходах удивило многих. Белый дом фактически дезавуировал свое недавнее решение о прозрачности в этой сфере, а ведь шли настоящие пиар-кампании за раскрытие данных о доходах персонально Владимира Якунина и Игоря Сечина. Они отбились, доказывая частный характер своей основной деятельности! Их защитили такие же государственные чиновники, доходы которых оцениваются ими самими то как частные, то как госзарплата — когда как выгоднее. Но ведь даже естественное *право на жизнь* у разных категорий граждан уже не одинаковое: одни могут получать за деньги услуги высокотехнологичной медицины, лечиться в известных зарубежных клиниках, а другие нет! И разве не то же происходит с любыми другими условиями, определяющими качество жизни людей, отвечающие критериям справедливости? Образование, жилье, правосудие... Перечень без конца и без надежды на справедливость.

Если требование справедливости и ответственности бизнеса звучит в обществе, капитал отвечает: для меня все это сосредоточено в двух деяниях — создании рабочих мест и уплате налогов. Так-то оно так, конечно. Да и бизнеса без этого просто быть не может. Но сейчас еще много говорят о благотворительности. Она стала даже модной. Вроде бы благородное дело. Несомненно, так. Но я думаю порой, что для нашего часто не очень легитимизированного бизнеса она стала и неким *способом прикрытия* той самой раздражающей несправедливости.

Отстегнуть даже целый миллион от десятков полученных миллионов, наверное, не столь уж накладно, если этим ты откупаешься от общества. Так можно жить спокойнее...

Видится ли хоть что-то позволяющее надеяться на решение этих проблем?

3

Сейчас стало модным говорить и писать об *инновационном развитии*, которое будто бы даст ответы на эти вызовы, умножая богатства, создавая изобилие за счет главным образом интеллекта, а не тяжелого физического труда. Конечно, наука и техника совершенствуются, и это необходимо. Конечно, возникают новые направления в их развитии, меняя всю структуру социальной среды, воздействуя на нее. Но вспомним, сколько времени мы уже слышим о научно-технической революции, о нескольких ее волнах, сколько уже написано о новом характере труда и предпринимательства. Писали об этом не меньше 30–40 лет! Писал в том числе и я в статье 2007 года об инновационном развитии. В ней были приведены высказывания видных деятелей, начиная с президента страны, о том, что прямо штурмом будем брать вершины инновационного развития! А Герман Греф, говоря о создании Федерального агентства по экспорту высоких технологий, утверждал, что через десять лет доля России в мировом экспорте этой продукции увеличится примерно в 76 раз. Но видно не зря уже тогда все это было напечатано под заголовком «Слово было, будет ли дело?».

Да, что-то происходит в наиболее развитых странах, ну а у нас? У себя мы обнаруживаем, что предприниматель по-прежнему рвется к нефтяной скважине и трубе, но не очень-то — к новаторским проектам. Сдвиги в структуре производства

были. Накануне обвала 2008 года у нас из 8% промышленного прироста 5% шли уже не за счет нефти, но грянул кризис, и все вернулось на круги своя. И это понятно, даже естественно: прибыльность нефтегазовой отрасли в разы выше той, что можно получить, скажем, в машиностроении. Мы просто обнаружили, насколько прав был в свое время американский экономист Бен Селигмен, утверждавший, что люди, взывающие к ответственности бизнесменов перед обществом, почему-то не понимают самой природы бизнеса. Главная его забота — прибыль. Он готов продемонстрировать ответственность в пору благополучия и своего процветания, но «когда ответственность и прибыль сталкиваются, то именно прибыль неизменно берет верх»*.

Эффективность вложений в инновационные сферы бизнеса сравнима с доходностью «нефтянки» и может превосходить ее, но этот вектор не очень-то прорезался в нашей экономике. Инвестиции здесь по-прежнему малы, венчурный капитал, за счет которого главным образом прирастает производство и число рабочих мест в США, у нас все еще ничтожен. Спрос на него есть, особенно активно молодежное изобретательство, которое могло бы превратиться в мелкий и средний бизнес, отставание в котором всем вроде бы так хочется преодолеть. Однако инвестирование в этой сфере не развито. В последние годы венчурный капитал уходил из России, инвестиции сокращались, потому что у инвесторов много проблем, рисков, а уверенности в успехе мало. Но ведь *венчурное инвестирование — ключевой элемент инновационного развития!*

Статья Алексея Кудрина и Евсея Гурвича о новой модели роста для российской экономики в журнале «Вопросы экономики» (№ 12, 2014), основательно анали-

зирующая развитие ситуации в начале нынешнего столетия, фиксирует следующее: «Практически нет признаков оживления интереса производителей к инновациям: удельный вес организаций, проводивших технологические инновации, в промышленности в 2000 г. составлял 10,6%, в 2008 г. — 9,6%, в 2012 г. — 9,9%». И далее: «По уровню инновационной активности Россия отстает не только от наиболее развитых стран, но и от всех стран с формирующимся рынком... Это свидетельствует об очень слабых стимулах у российских компаний повышать эффективность своей деятельности». В последние годы это отставание могло только увеличиться. Причины? Все та же наша застарелая, советская болезнь: государство, сковывающее инициативу граждан! Пока не найдем средства, ограничивающие его своеволие, далеко не уйдем! Сложившаяся модель экономики не отвечает современным условиям ее организации, делают вывод авторы и предлагают контуры новой модели. Но это уже предмет большого специального обсуждения затронутых проблем во всем объеме.

Существенно в этом контексте то, что период интенсивного роста для большинства крупнейших в мире экономик закончился, как утверждают эксперты Организации экономического сотрудничества и развития. Некоторые экономические аналитики считают, что в Европе и США уже никогда не будет такого роста, как в последние годы, — хотя бы потому, что достигнут столь достаточный уровень массового благосостояния, при котором нет стимулов к повышению интенсивности труда: люди просто не желают работать, как прежде. Но неравенство сохраняется, а попытки социального государства поправить в этом смысле дело уже не удаются. Не одна страна споткнулась о

* Селигмен Б. *Сильные мира сего: бизнес и бизнесмены в американской истории.* — М, 1976. — С. 5.

такое препятствие, как опасность чрезмерного перераспределения национальных богатств во имя большего социального равенства. Рост налогов ради увеличения средств социальной защиты, да еще на фоне старения населения, когда на каждого трудоспособного приходится все больше нетрудоспособных, уже вызывал социальное недовольство, протесты, нарушавшие общественную стабильность. Но ведь есть и другая сторона проблемы — исчерпание ресурсов планеты, о которой специалисты говорят сейчас все громче! И о том, что мы еще ничего не сделали для серьезной подготовки к завершению «эпохи нефти и газа»!

Социальные пороки перерастают в нечто еще более серьезное, сложное. Ахиллесовой пятой становится демография. Капиталистический материализм подорвал стимулы у людей заводить детей. В результате — резкое снижение уровня рождаемости в Европе и среди белых американцев. При достижении определенного уровня складывающиеся дисбалансы угрожают подорвать контракт между поколениями, на котором зиждется любое общество: растущая часть пожилого населения требует все больше и больше от сокращающейся части молодого работающего поколения. Это если только говорить о главных бедах.

С другой стороны, казалось бы, должно быть понятно, что само по себе развитие науки и техники, даже в инновационный этап, еще не решает проблем человеческих отношений. А ведь о них идет речь, когда мы говорим о неравенстве, тем более о желании или нежелании людей трудиться, об их самоощущении и в производстве, и в обществе. Что же можно предложить, чтобы ответить на новые вызовы?

4

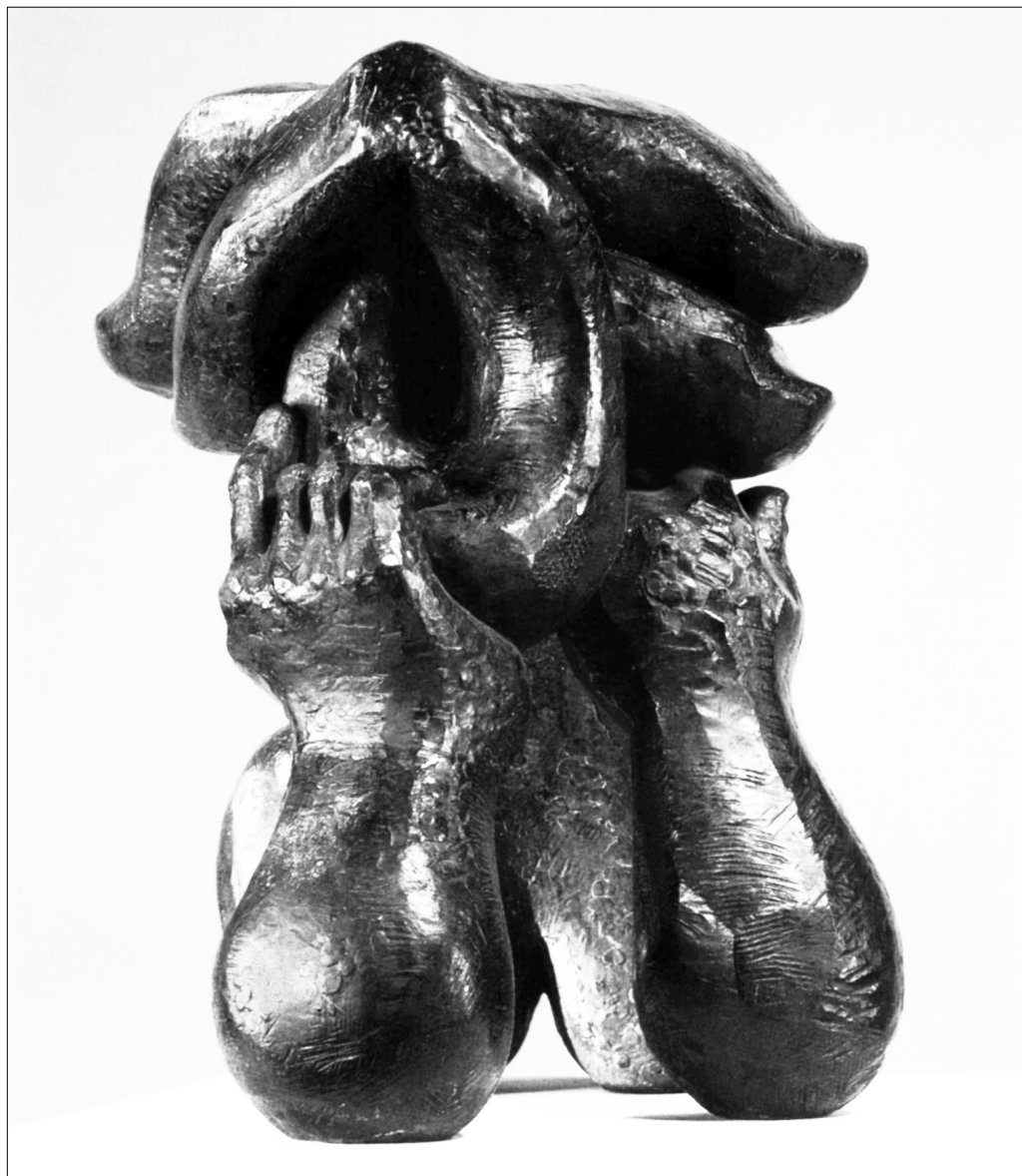
В России в среде политической элиты и в массовом сознании очень сильно представление, что все проблемы может решать более жесткое государственное управление. А во всех невзгодах, видимо,

В кризисной ситуации, когда рыночные законы не действуют, рыночные структуры взывают о спасении к государству, как бы они же его в «мирное время» ни проклинали

по советской традиции, обвиняют стихию рынка. Впрочем, не чужды такие взгляды и некоторым исследователям в других, даже развитых странах, не говоря уже о развивающихся. Определенные объективные основания для этого есть.

Во времена Адама Смита экономическая теория решила положиться на регулируемую роль «невидимой руки» рынка и отвела государству лишь роль «ночного сторожа» — то есть поддержание порядка и охраны частной собственности. Либеральная теория стремилась по крайней мере минимизировать вмешательство государства во взаимодействие частных интересов. На практике все или почти все государство, начиная с США, с развитием кризиса кинулись спасать свои банки и другие частные структуры путем гигантских денежных вливаний и даже национализировать их.

Пересмотр роли государства лишь как «ночного сторожа» начался уже тогда, когда стала развиваться глобализация экономических процессов, и вместо множества локальных рынков начал формироваться единый мировой рынок. На этом гигантском рынке основными акторами и участниками конкуренции стали не столько отдельные частные фирмы,

Жак Липшиц. Женщина, опирающаяся на локти. 1933–1934

сколько мощные национальные и межнациональные народно-хозяйственные комплексы, поддерживаемые или скорее возглавляемые государствами. Новое понятие «геоэкономика» все теснее сливалось с понятием «геополитика», и политические средства вошли в арсенал средств воздействия на экономическую, рыночную ситуацию. Представьте себе только сырьевой рынок, нефтяной, газовый, и

это станет для вас очевидным. Теперь уже даже трудно порой сказать, экономические интересы или голая политика играют главную роль в принятии государственных решений. А не так давно возникшая практика санкционных войн исказила международные экономические отношения до уродства.

Россия, в процессе своей трансформации перенявшая рыночную, в основе своей

либеральную модель экономики, стремились вроде бы отказаться от доминирования в ней государства. Но получилось это плохо. Сами реформаторы-рыночники, по сути, не смогли этого сделать. Они традиционно стягивали в центр все средства, все управленческие функции, привычно опираясь на *возможность перераспределения ресурсов как на главный рычаг управления страной, регионами, предприятиями*. Не только сменявшиеся правительства, но и другие структуры, в том числе силовые, вмешивались в деятельность частных структур, преследуя корыстные цели. Государство формировало и произвольно меняло «правила игры» в процессе самой игры. Как говорили предприниматели, они садились «играть в шахматы», но государство вдруг объявляло, что дальше, мол, будем играть в шашки. Критика этих пороков сейчас звучит и «сверху», но слова и дела сильно расходятся...

Теперь наше государство упрекают в увлечении созданием госкорпораций, и это совершенно справедливые упреки. Трудно, конечно, не согласиться с тем, что государство призвано помочь образованию крупных субъектов конкуренции на мировом рынке, скажем, в авиа- и судостроении, где традиционными рыночными методами нам не создать того же самого, что — путем концентрации капитала, слияния и поглощения — сложилось в других странах. Мы сильно отстали, и у нас на такой путь уже нет времени. Но ведь госкорпорации критикуют не за то, что они созданы с помощью государства, а потому, что они оказываются, несмотря на государственное участие, никому не подконтрольными. Министры правительства жалуются, что у них нет рычагов влияния на эти образования, как нет их и у общества, его структур. В результате эти корпорации превращаются в «черные дыры», куда проваливаются без следа гигантские средства.

Образование подобных структур совершенно неправильно называть национализацией, так же как то, что в ряде стран происходит с компаниями и с банками, грехи которых покрывает государство. Не надо заблуждаться в том, к кому в конечном итоге попадают деньги. Их используют частные лица, в России, возможно, как раз те, которых мы критикуем за соревнования, кто купит самую большую яхту, построит самый завидный особняк и за иные роскошествования. Смешны и прозвучавшие заявления, будто подобная «национализация» в конечном итоге приведет к социализму. Но логика рыночной системы уже привела к такому вот парадоксу: в кризисной ситуации, когда ее законы не действуют, рыночные структуры взывают о спасении к государству, как бы его в «мирное время» ни проклинали.

Однако соотношение рынка и государства в последние годы, которые мы связываем со столь желанным инновационным развитием, осталось даже не прежним, а резко ухудшилось. В практику вошло сплошное «ручное управление», символом которого стал маленький городок Пикалево, где тогда председатель правительства В. Путин в середине 2009 года лично заставил Олега Дерипаску подписать невыгодное тому соглашение, а потом чуть было не поехал туда второй раз, потому что его решение не было исполнено. Так и бывает всегда с ручным управлением: приехало начальство, нагнало страху, а уехало — течение жизни пошло по привычному руслу. Добавим к этому, что средний класс у нас растет только в офисах, он совсем другой, чем в западных странах, отнюдь не стабилизирующий общество. А профсоюзы крайне слабы и пассивны. Это только штрихи к тому, что в производственных отношениях ничего не улучшилось, а бюрократия усилилась, то есть государство влияет на экономику более негативно.

5

Известны взгляды европейских исследователей, политиков и экономистов, которые жаждут рождения новой экономической модели и нового *предпринимательства*, не обязательно означающего лишь обогащение немногих, а предполагающего также большее вознаграждение каждому, кто участвует в процессе создания богатства, то есть приносит *выгоду всем участникам экономического процесса*. А вместе с тем — модели, которая учитывала бы значение идеи равенства и социальной справедливости. Понятия «социальная справедливость», «социальная защищенность», «социальная включенность», «солидарность» отнюдь не обесценились. Во многих странах идет поиск того, что я назвал бы «экономикой для всех», а более широко — «обществом для всех», учитывая, что западные страны в последние десятилетия испытали различные формы более прогрессивных производственных отношений. Теперь в большей мере, чем прежде, статус работника определяется отнюдь не только его положением непосредственно в производстве, на предприятии.

Как замечает по этому поводу в одной из своих статей известный политолог Юрий Красин, речь не просто о более справедливом распределении материальных благ, а *об автономии человека как общественно-го субъекта*, соизмеряемой с ролью государства. По многим признакам, пишет он, меняется конфигурация властного пространства, вследствие чего нарастает потребность в изменении механизмов распределения власти. В каком-то смысле размывается грань между политическим *правлением* обществом и *управлением* происходящими в нем социально-экономическими и социокультурными процессами. Властное поле расширяется, и расширяется настолько, что ставит под вопрос монополию государства на власт-

ное регулирование. То есть, иными словами, сейчас все большую роль в развитых странах играют действия в правовом поле, инициативы гражданского общества.

Современный концепт гражданского общества подразумевает иные, чем прежде, качества человека: это не пассивный, находящийся под опекой индивид, а ответственный и самостоятельный гражданин. В рамках такого концепта делается акцент не на отношения зависимости индивида от государства, а на создание условий и институтов для активного участия людей в общественных процессах. Ответы на новые вызовы, связанные с атомизацией общества и социальным обособлением людей, может дать только гражданское общество, когда понятию «свободный производитель» соответствует понятие «гражданин».

В нашем обществе, я бы сказал, звучат несколько иные мелодии. У нас сейчас больше говорят о патриотизме, чем о гражданственности. Понятия «гражданин» и «патриот» вроде бы схожи, в употреблении порой чуть ли не идентичны. Однако это не так. Хотя то и другое предполагают любовь к своей стране, между ними большая разница. Быть гражданином означает активно заботиться прежде всего о внутреннем обустройстве своей страны, в том числе и государства, власти, законов, порядков, влиять на них в соответствии со своими убеждениями. Патриот тоже вроде бы ориентирован на это, но сие понятие дает возможность акцентировать внимание скорее на внешних отношениях, а во внутреннем обустройстве — на преданность существующей власти. Во всяком случае, любая власть заинтересована идентифицировать любовь к родине и к ней самой, а ту или иную критику ее представить как недостаток патриотизма.

Не первый раз, признаюсь, в своих статьях я ссылаюсь на слова видного американского историка Крейна Бринтона,

которые мне очень нравятся и кажутся пророческими. Еще в середине XX века в своей книге «Истоки западного образа мысли» он писал, что «каждому члену нашего общества дано играть определенную роль в сложном процессе, который ведет к тому, что медленно, сбивчиво и, пожалуй, непредсказуемо желания людей и формы, в которых они выражают эти желания, видоизменяют существующую действительность и наши представления о ней»*.

Настрой, иерархия ценностей, превалирующая в обществе, определяют очень многое, хотя, конечно, совершенствование собственно экономических механизмов крайне необходимо. Общественные институты конструируют образы социального мира и так или иначе внедряют их в сознание сограждан. Если люди конструируют социальное пространство определенным образом, то эти конструкции реальны по своим последствиям, — так формулируется известная «теорема Томаса», одного из видных американских социологов.

Мне не хотелось бы называть то общество, которое представляется ныне в мечтах, социализмом. Слишком дискредитировано это понятие! Но если возможно нечто подобное, то это новое общество сложится на иных, чем прежде, основах и главными среди них будут *не отношения собственности*, а что-то вроде той самой «комбинации общественной деятельности», культура человеческих отношений, базирующаяся на новых знаниях и гуманистических принципах и ценностях. Это если быть оптимистом и верить, что человек будет менять себя к лучшему.

Сейчас стало модным понятие «человеческий капитал». Это уже прогресс, потому что вложения в человека, его образование, повышение квалификации, здоровье, наконец, становится приоритетом в сравнении с техникой и технологиями. Но все же я не очень люблю это словосочета-

*Властное поле расширяется настолько,
что ставит под вопрос монополию
государства на властное регулирование.
Сейчас все большую роль в развитых
странах играют инициативы
гражданского общества*

ние, потому именно, что оно приравнивает человека к другим средствам производства, к тому же капиталу, предполагает заботу о нем, но и чье-то использование его в целях получения максимального производственного эффекта, манипулирование им. Мне же мыслится общество и производство, в котором *человек прежде всего цель, а не средство, либо, можно сказать, и цель и средство экономического и социального развития*. А тому, что мы называем элитой, и кто должен бы услышать звучание нового в обществе, присмотреться и к прежнему собственному, и к современному международному опыту, неизбежно предстоит измениться, избавиться от генетики джиласовского «нового класса»**, а может и смениться вообще.

Должны, очевидно, сложиться *другие элиты, не политические, не государственные, а гражданские, не интеллигентски отрешенные от проблем обустройства общества и власти, а берущие в свои руки инициативу в этих делах*.

* Бринтон К. Истоки западного образа мысли. М.: МШПИ, 2003. — С. 38–39.

** Милован Джилас, югославский политический деятель, литератор, диссидент, известный как автор и популяризатор концепции «нового класса» — партийной бюрократии, правящей в коммунистических странах. — Прим. ред.

*Хильде Хаугсгерд,
шеф-редактор газеты
«Афтенпостен» (2004–2013),
Норвегия*

О СМИ и этике журналиста

Я уже довольно давно поняла, что в мире не очень хорошо осведомлены о норвежском обществе и принципах работы прессы в Норвегии. Отчасти это происходит оттого, что мы сами любим показывать Норвегию как детский парад в солнечный день в праздник конституции. Однако Норвегия, конечно же, как и Россия, прекрасно знает, что такое ненастье, плохая погода, тяжелый климат и океанические ветры и штормы. В Норвегии живут всего пять миллионов человек; по сравнению с большинством даже европейских стран уровень социального неравенства у нас весьма низок. Конституция 1940 года была во многом вдохновлена идеями французской революции — свободы, равенства и братства. У норвежских политических партий достаточно много общих ценностей и общих пунктов программы, что позволило консервативному премьер-министру как-то назвать всех норвежцев социал-демократами. Конечно же, это не так, но это не слишком далеко от правды. Норвежские СМИ независимы и не привязаны к конкретным политическим партиям, но между ними, разумеется, существуют политические различия.

Лет десять назад в стране был принят закон, в соответствии с которым редакторы несут полную ответственность за содержание СМИ. В свою очередь, закон обеспечивает иммунитет редактора от давления со стороны собственника. Однако у свободы слова есть пределы, которые ограничиваются как законодательством, так и собственным этическим кодексом. У нас, например, нет обязательств печатать все, что приносят авторы, даже штатные корреспонденты. В частности, есть довольно жесткие требования к информации, относящейся к частной жизни, а также к материалам, проникнутым духом ненависти и разжигания ненависти и вражды по религиозным, расовым или иным признакам. Некоторые профессионалы, в том числе врачи, юристы, безусловно, ограничены правилами конфиденциальности, однако

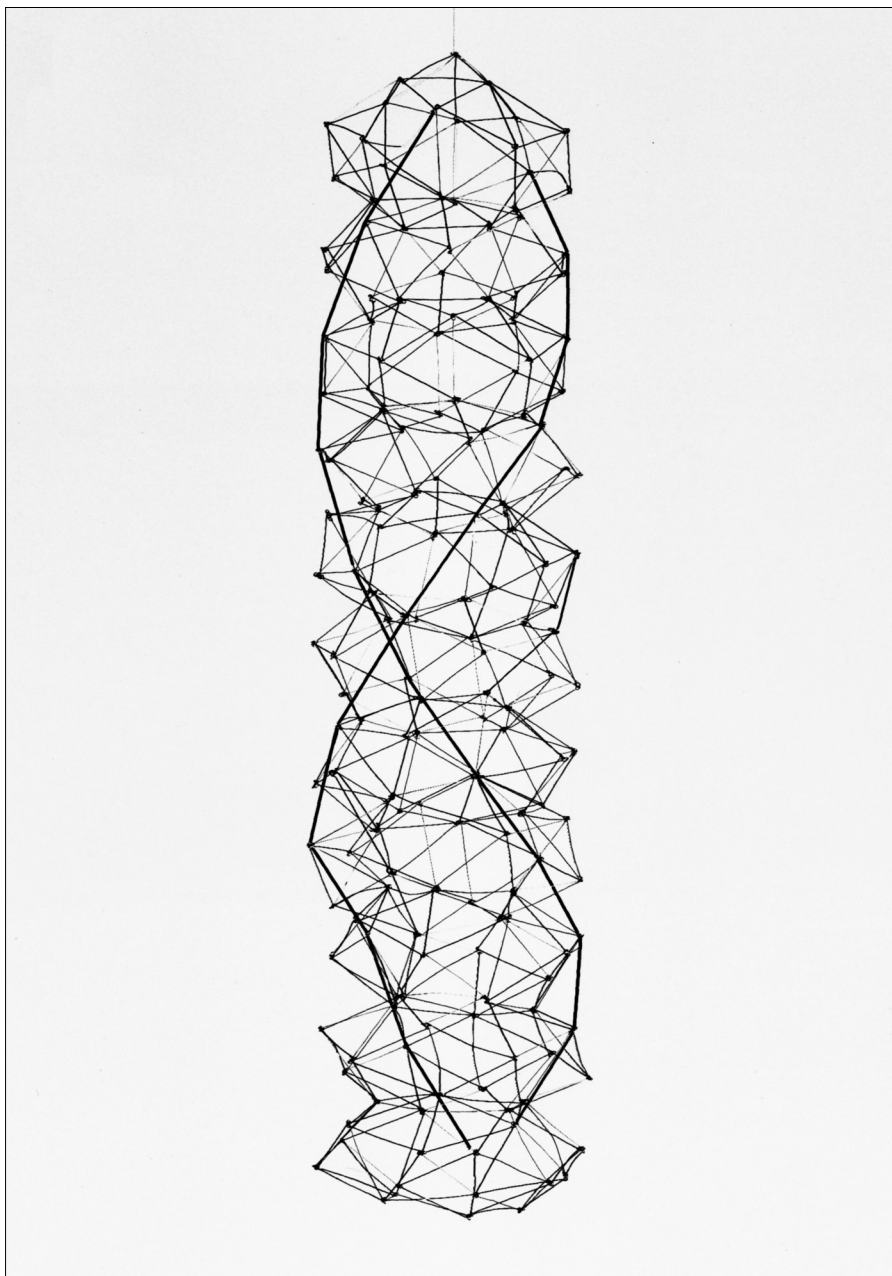
СМИ вправе публиковать материалы в отношении лиц, которые нарушили собственную клятву.

Норвежские редакторы и журналисты высоко ценят свободу слова. Приведу три примера. Естественно, во всех случаях мы имеем дело с утечкой информации, которая часто происходит от сотрудников различных компаний, заинтересованных в донесении этой информации до общества. Несколько лет назад газета «Афтенпостен» получила доступ к информации WikiLeaks и опубликовала ее на своем сайте, как и ряд других европейских газет. Это была информация по международным делам на основе конфиденциальных отчетов американских дипломатов. Норвежский министр иностранных дел был в отчаянии. Власти США были в бешенстве, однако я как редактор не получила никаких выговоров, отповедей, и жизнь моя от этого не осложнилась.

Это не означает, что мы опубликовали все. В частности, мы не опубликовали информацию, которая так или иначе могла повлиять на безопасность тех или иных людей. Публиковали мы и отчеты психологов по делу Брейвика. Это была конфиденциальная информация о психологической экспертизе. Однако моя газета наряду с несколькими другими норвежскими газетами опубликовала ее результаты. Имело ли это значение для суда, который состоялся после публикации? Утечки информации, которые привели к публикации в прессе, спровоцировали очень серьезные общественные дебаты. В результате была назначена новая психиатрическая экспертиза, согласно которой, в отличие от первой, господин Брейвик был признан здоровым. И наконец, третий пример. Существует конфиденциальная информация о коренном народе, проживающем на севере Норвегии, в частности о поголовье оленей, имеющих тотемное значение для этого народа. Одна из газет опубликовала информацию об этом и сделала вывод о чрезмерном поголовье оленей, что приводит к уничтожению лесов и наносит ущерб окружающей среде на севере страны. Это вопросы, которые касаются всего норвежского общества, и это сочли более важным сообщением, чем необходимость защиты некоторой конфиденциальности в отношении данного народа и проблем поголовья оленей.

СМИ достаточно пристально и критично наблюдают за самыми разными аспектами жизни политиков. Мы информируем, например, когда политик замечен за употреблением наркотиков или если всплывает дело о его связи с молодым однопартийцем...

Норвежские СМИ образуют ассоциацию прессы, куда входят журналисты, редакторы и представители организаций собственников средств массовой информации. Также в соответствии с норвежской конституцией действует комиссия по рассмотрению жалоб на средства информации, которая призвана гарантировать свободу и независимость всех средств массовой информации. Представитель комиссии заседает в профессиональной ассоциации. Каждый норвежский журналист держит подробную памятку на рабочем столе. У редакторов также есть свой этический кодекс, и они состоят в негласном соглашении с коллегами. Согласно редакционному кодексу этики, редактор принимает на себя полную ответственность за содержание всех материалов, которые выпускает в свет. В правлении комиссии заседают

Гертруда Голдсмит. Произвольный узор 87/2. 1987

несколько представителей в течение двух лет, но большинство из них переизбирается на следующий срок. Я, например, состояла членом правления в течение десяти лет. Два редактора, два журналиста и три представителя общественности, которых уважают в норвежском обществе. В комиссию не выбираются представители собственников СМИ. Когда я работала в правлении комиссии, общественность представляли врач, философ и женщина журналист. Таким образом, комиссия — это независимый профессиональ-

ный орган, который не финансируется правительством или коммерческими источниками, а существует за счет членских взносов журналистов, профессиональных союзов, издателей и др. В качестве профессионального органа комиссия является частью профессиональной ассоциации СМИ, а во главе ее всегда стоит либо редактор, либо журналист.

Любой гражданин страны может подать жалобу на действия журналиста, вообще на какую-то публикацию, которая задевает его или которую он считает неприемлемой почему-либо. Когда я возглавляла комиссию, было много жалоб от королевской семьи, от полиции, от крупных и малых компаний, от общественных институтов, от отдельных граждан в первую очередь. Рассматриваются жалобы бесплатно, не платится никаких пошлин, жалобы могут быть написаны от руки или напечатаны, их объем не ограничен. Генеральный секретарь ассоциации прессы может вынести на рассмотрение комиссии любой профессиональный или этический вопрос. В итоге рассмотрения жалобы комиссией она может быть отклонена, может быть признана справедливой, а редактор или редакционная коллегия, редакция может получить выговор. Комиссия имеет право вынести порицание объекту жалобы, но не имеет юридического права налагать штрафы или подобные санкции. В случае вынесения порицания СМИ обязано опубликовать историю дела, материалы его исследования и постановление комиссии. Редакторы и журналисты норвежских СМИ располагают достаточно широким арсеналом нормативных инструментов — этических кодексов, которые комиссия постоянно разрабатывает и актуализирует. Большинство наших издательств и средств массовой информации, как я упоминала, имеют собственные разработанные ими этические стандарты. Во всех образовательных учреждениях преподают, начиная со средней школы, общие этические принципы, которые впоследствии могут иметь отношение к работе журналиста.

Действующий в Норвегии этический кодекс состоит из четырех глав. Первая посвящена роли прессы в обществе. Вторая определяет критерии профессиональной порядочности и ответственности журналистов. Третья касается работы с источниками информации. Здесь, в частности, детально рассматриваются возможности использования информации из разнообразных источников и указаны принципы их защиты. Наконец, четвертый аспект кодекса — детальные указания в отношении освещения особенно чувствительных и деликатных тем. Как известно, этика это не точная наука, и журналистская этика — не исключение. Во всех случаях, когда мы имеем дело с комиссией по рассмотрению жалоб на средства печати, речь идет о конфликте. Заседания комиссии подобны врачебному консилиуму, где рассматриваются те или иные клинические случаи, и далеко не всегда диагноз очевиден. Вот несколько примеров.

Первая глава этического кодекса, как я уже сказала, посвящена роли прессы в обществе. В ряде случаев поднимается вопрос о том, в какой мере опубликованный материал соответствует интересам общества, если он относится к частной жизни индивида. Речь в данном случае о фото бывшего премьер-министра Норвегии Гру Харлем Брунтланн. Фото было опубликовано в то время, когда она покидала пост лидера партии. За несколько месяцев

до этого ее сын покончил с собой. Об этом знали все новостные агентства, но не писали об этом, пойдя навстречу просьбе офиса премьер-министра не публиковать такую информацию ввиду того, что она относилась к частной жизни премьера. Сделали ли мы правильный выбор? Госпожа премьер-министр была в глубоком трауре, и могла ли она возглавлять страну эффективно, если бы случился серьезный кризис? Мне кажется, что сегодня норвежские СМИ написали бы о самоубийстве несмотря ни на что.

Вторая глава кодекса — о порядочности и ответственности работников СМИ, которые не имеют права занимать свои должности, если они вступают в финансовые отношения, что может оказать влияние на характер информации. Речь, например, может идти об отношениях с рекламными агентствами, продвигающими свои продукты. Однажды на картинке в норвежской версии журнала Elle появилась дама, которая была редактором журнала. После этого была подана жалоба, и она была удовлетворена, потому что статья рассказывала об одном спа-курорте, где использовалось оборудование компании, заплатившей редактору за скрытую рекламу.

Кстати, если журналист пишет в социальных сетях, то в его интересах заботиться о своей порядочности, честности и независимости и не давать повода усомниться в них.

Третья глава — о взаимоотношениях с источниками информации. Мы должны критически относиться к выбору наших источников и проверять, чтобы информация была корректна. В кодексе очень строго регламентируются правила скрытого применения средств видео- и аудиозаписи. Их разрешается использовать только в случае, если дело представляет чрезвычайную социальную значимость и скрытое применение средств фиксации — это единственный возможный способ, например, разоблачения преступления. Запрещается оплата за предоставление информации. Если источник нуждается в защите, то полиция или суд могут потребовать от журналиста, чтобы он раскрыл свой источник.

Четвертая глава кодекса касается, как я уже говорила, правил публикации. Первое и самое важное положение в этой главе призывает вдумчиво и взвешенно подходить и к содержанию, и к форме информации. Мы должны уважать право на частную жизнь, этническую принадлежность и убеждения человека. Недопустимо привлекать внимание к личным аспектам жизни, если они не имеют отношения к сюжету. Продумывайте, как сообщать о несчастных случаях, о преступлениях, насколько это может повлиять на жертвы преступления и членов их семей. Обязательно нужно соблюдать интересы ребенка при освещении сюжетов, связанных с детьми. И конечно, нужно избегать того, что называется «презумпцией вины» при освещении судебных слушаний и обсуждении уголовных преступлений. Будьте осторожны с упоминанием имен, когда вы сообщаете прежде всего об уголовных делах, обязательно четко разграничивайте фактическую информацию и комментарий. Обязательно следите за тем, чтобы заголовки, врезки и прочие текстовые элементы не выходили за пределы содержания вашего репортажа. Вся информация должна быть основана на фактах. Самая частая причина, по которой мы получаем жалобы, заключена в контексте четвертой главы, и мы удовлетворяем их, если у нас отсутствует

Бернар Вене. Дуга под углом 124,5°. Урания-Плза, Берлин. 1987

опровержение со стороны обвиняемого. Возможность опровержения должна быть реальной, то есть предполагаемый виновник должен иметь возможность ответить на выдвинутые обвинения.

Есть ли в Норвегии какие-то инструменты, чтобы принудить средства массовой информации соблюдать надлежащие правила профессиональной этики? Конечно, есть, и я расскажу, что это за инструменты. Во-первых — этические нормы. Все редакторы, журналисты обязательно получают соответствующие инструкции, которые они обязаны соблюдать. Этим занята, в частности, норвежская ассоциация прессы, вырабатывающая соответствующие нормы и стандарты. Для этого организуются курсы обучения журналистов и редакторов, где рассматриваются примеры этических дилемм. Журналисты и редакторы могут наблюдать за тем, что происходит в нашей комиссии и получить информацию онлайн на нашем сайте, в том числе и о ходе разбирательства жалоб. Случалось, что комиссия оправдывала какие-то средства массовой информации по резонансным делам и некоторые журналисты предлагали ее заменить. Однако в процессе апелляции представители прессы оказывались в меньшинстве и их предложения не находили серьезной поддержки. Так что мы полагаем, что комиссия справляется как с защитой интересов средств массовой информации, так и интересов общественности. Мы исходим всегда из того, что слова и фотографии являются мощным оружием, которое недопустимо использовать во зло, и в наших действиях руководствуемся именно этим мотивом.

*Наталья Лосева,
журналист*

Персонализация информации: возможности и пределы

Возможность исследовать аудиторию, наблюдать за пользователем и его поведением, понимать и предсказывать его шаги и особенности потребления информации в корне меняет сегодня прежние представления о маркетинге СМІ. Так же принципиально меняются и взаимоотношения и взаимодействие аудитории и института медиа, которые становятся по сути безграничными.

Как устроен этот относительно новый мир осязаемой аудитории? И что несет с собой — угрозы или преимущества — эта пугающая прозрачность и инструменты персонального вещания?

Исследовать интернет-аудиторию детально и в режиме онлайн-срезов стали относительно недавно: в начале 2000-х, когда появились соответствующие технические возможности, методы и программное обеспечение. Еще несколько лет ушло на формирование методов быстрой обработки данных и использование их в повседневной работе медиа.

Система наблюдения за поведением аудитории продолжает развиваться вместе с технологией, совершенствуется методика обработки данных, плотнее и эффективнее становится смычка теоретического понимания поведения аудитории и практик применения этих знаний. Меняется, становится более зрелым и отношение к количественным показателям: формируется устойчивое понимание, что при всей их важности и издателя, и рекламодателя все больше волнуют *качественные* параметры аудитории.

Сложность в изучении и понимании аудитории «новых медиа» заключается в том, что меняются не только технологии измерения, но и свойства самой аудитории: стремительно, иногда в течение года изменяются привычки пользователей, происходит перераспределение долей носителей информации (устройств, платформ) в информационном суточном круге потребителя, возникают и исчезают мода и привязанности к тем или иным форматам, изменяются показатели длительности и глу-

бины сессий потребления информации. Сегодня, говоря об аудитории и ее свойствах, количестве, качестве поведения пользователя, мы должны иметь в виду, что невозможно зафиксировать некий *эталон* и отталкиваться от него. Чтобы сделать осмысленной свою работу с меняющейся вместе с отраслью аудиторией, нужно очень хорошо знать базовые измерители, историю эволюции аудитории новых медиа, тенденции и уметь спрогнозировать будущее.

Лора Хазард, заместитель главного редактора знаменитой американской Nieman Lab (Лаборатория журналистики им. Нимана при Гарвардском университете) разбирает в программной статье (11. <http://www.niemanlab.org/2015/07/two-out-of-two-news-organizations-recommend-user-research/>) исключительную важность измерений и анализа данных о количестве, качестве и поведении пользователей новых медиа. Необходимость тщательных исследований, оперативного и долгосрочного анализа данных очевидна, по мнению экспертов, опрошенных Лабораторией, потому что сегодня временем потребления новостей становится практически *все время бодрствования* пользователя. Знания о привычках новостного потребителя и технологии сбора информации и моментальной обработки данных рожают абсолютно новую и неоднозначную тенденцию: сначала реклама, а потом и новостное вещание становятся все более персонализированными. То есть предложение для каждого потребителя может отличаться в зависимости от того, как накопленная база данных интерпретирует и выявляет круг интересов и информационных потребностей пользователя. Эта тенденция в первую очередь формируется и стимулируется индустрией рекламы и онлайн-услуг. Цель изысканий и разработок в области персонализации информации и использования знаний о пользователе в поставке

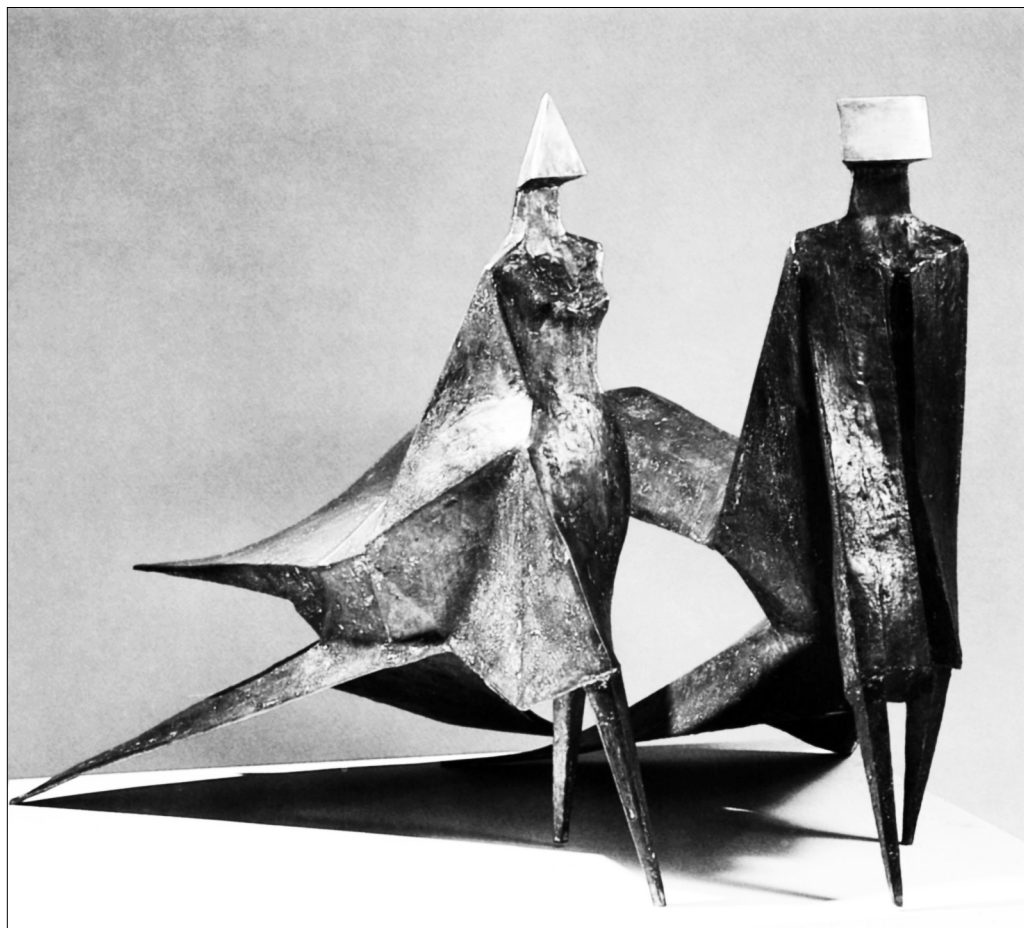
потребителю максимально точно ориентированных на него рекламных предложений, сообщений во френдленте или новостей. Как субъективные реальности (а их множество) в этом случае будут соотноситься с объективной картиной — один из технологических, организационных и философских вопросов ближайших лет.

Вовлеченность аудитории

С появлением инструментов наблюдения и понимания того, как аудитория воспринимает информацию, как взаимодействует с брендом, какие отношения строит и развивает с редакцией, количество пользователей перестало быть основным параметром в измерениях «цифровой» аудитории. Все чаще на конференциях и семинарах звучит термин «вовлеченность аудитории» как ключевой показатель оценки качества пользователя. Этот показатель становится решающим, когда издатели и продюсеры оценивают не только и не столько количество читателей, зрителей, слушателей, а в первую очередь эффективность поведения пользователя (читателя, зрителя).

Феномен *вовлеченности* аудитории при этом идет рука об руку с понятием *лояльности* аудитории, но не всегда тождествен ему. Считается, что одним из эффективных инструментов воздействия на качество поведения пользователя может быть персонализация информации.

Каких действий мы ждем от аудитории, когда говорим о ее высокой вовлеченности? Продюсеры могли бы описать некоего идеально вовлеченного пользователя примерно так: *информационный маньяк*, несколько раз в день посещающий все платформы, на которых вещает издание, включая каналы в социальных сетях и инфоэкраны, со всех устройств (ноутбук,

Линн Чедвик. Юбилей II. 1983

смартфон, планшет, часы и проч.), зарегистрированный на сайте, принимающий участие во всех акциях и опросах, пользующийся платными сервисами и реагирующий на рекламу, активно комментирующий материалы, «лайкает» и «делится» материалами с сайта и мобильной версии, а также из групп издания в соцсетях, шлет ссылки на издание в группы в мессенджерах, участвует в викторинах и розыгрышах, присылает фото и видео и участвует в оффлайн-мероприятиях, знает авторов и основные рубрики, заранее оповещен о специальных проектах и новых продуктах, активно рассказывает о них на своей странице в соцсетях и друзьям за ужином.

В принципе он существует. Один на миллион. Но задача издания привлекать и выращивать сотни тех, кто будет соответствовать неполному набору этих признаков идеального вовлеченного.

Вовлеченный пользователь отличается от просто *эффективного*. Эффективный пользователь может прийти на конечную страницу, провести время на сайте переходя с одной ссылки на другую, кликнув в конце концов на рекламу и даже конвертировав свой интерес к рекламе в покупку продукта или сервиса. У вовлеченного пользователя существует своя личная история отношений с изданием, авторами, приложениями и проектами. И в этой истории отношений пользова-

тель во многом ведом и взаимно поощряем редакцией. Знаки внимания к нему могут выражаться в том, что колумнист отметит мнение читателя, в том, что за каждую присланную фотографию или видео пользователь получит очки и сможет продвигаться в пользовательском рейтинге, в том, что будет приглашен на осенний марафон читателей и так далее. Но главное, на чем строятся сценарии вовлеченности, — продуманность инструментов (подписки, «голосовалки», «социальные панели», размещенные так, что пользователю удобно делиться материалами), возможности регистрации и подписок, предпочтения для постоянных «членов клуба» и проч. Одним словом, создание условий для вовлечения пользователя — это ежедневная технологическая, творческая и организационная работа, причем не только продюсеров, но и большей части редакции.

Чтобы представить себе сценарии вовлечения пользователя, его взаимоотношений с новостями и СМИ, нужно понимать и представлять, как в принципе строится цикл потребления новостей у современного пользователя.

Циклы потребления

Аудитория новых медиа может быть описана как «летучая», плохо распознающая бренды, не склонная к работе в рамках одного издания, тратящая все меньше времени на контакт с одной заметкой, плохо формулирующая интенцию. Тем не менее задача любого медиа организовать продуктивные и достаточно диверсифицированные источники своей аудитории, при этом захватив ее на максимальном количестве устройств на максимально возможное совокупное время.

Начнем с интенций, то есть с намерения потребителей новостной информации.

Чего хочет пользователь? Можно довольно грубо, но вполне корректно разделить три основных сценария обращения пользователя за новостями:

1. **Выраженная интенция:** пользователь осознанно включает в повседневную жизнь время и место для получения новостей. Это значит, что он регулярно и мотивированно включает в свой распорядок получение новостей. С большой вероятностью такого типа читатель (зритель) имеет свой основной список СМИ или использует как «точку входа в новости» новостные агрегаторы. Этот пользователь активен, может искать подробности или альтернативную точку зрения, активно делится ссылками, комментирует, представляет собственную точку зрения на события и факты.

2. **Ситуативная интенция:** пользователь не является регулярным потребителем новостей, но он может чутко и активно реагировать на определенные темы или последние новости под влиянием окружения (причем как оффлайн, так и, например, в своей френдленте). Получив импульс, такой пользователь может также искать подробности в новостных источниках либо обращаться к СМИ, которые вызывают у него наибольшее доверие — их язык, манера подачи, интонация, формат, то есть более понятны и приятны в соответствии с предыдущим опытом.

3. **Пассивная или импульсивная интенция:** пользователь не склонен в принципе получать новости из профессионального СМИ, следить за новостной картиной, искать подробности или первоисточник. Он больше ориентируется на колебания интереса во френдленте, используя в том числе и ее как источник информации, мнений, отношений, экспертной оценки. Отвечая на вопрос, откуда он знает тот или иной факт, скорее ответит, что писали на сайте «ВКонтакте» или в «Яндексе», чем вспомнит источник или автора.

Рассмотрим обстоятельства и условия, в которых находится современный потребитель новостей, и каков он сам.

Многозадачный, мультимедийный использует последовательно и параллельно много платформ, работает как на получение информации, так и на ее распространение; выделяет меньше времени на единицу информации; в большей степени визуал, часто предпочитает делегировать формирование точки зрения и отношения к происходящему лидерам мнений или бренду.

Одну и ту же информацию он ожидает увидеть по-разному анонсированную и представленную в зависимости от устройств и платформ. Решение кликнуть на заголовок или анонс принимает в течение нескольких секунд. При всей импульсивности реакций очень рационален в своих требованиях к информации. Часто не разделяет статус вещателя: СМИ, блогер, компания, ньюсмейкер.

За 15–20 лет произошло качественное изменение самой концепции потребления новостей и публицистики. Основные перемены можно сформулировать в следующем наборе свойств, признаков, особенностей:

— потребление информации происходит непрерывно. В «доинтернетовскую» эпоху потребитель имел четко обозначенные время и место получения информации. Например, утренний выпуск новостей по радио, утренняя газета в метро, обмен новостями и их обсуждение днем на работе, вечерняя газета или журнал по дороге домой, вечерние новости по телевизору, журнал в субботу в электричке по пути на дачу и так далее.

Сегодня мы можем говорить практически об абсолютно непрерывном цикле получения информации.

— Потребление информации происходит на разных типах платформ и технологические тенденции ведут к такому поведению, когда происходит абсолютно нераз-

рывное «перемещение» потребления информации с устройства на устройство. То есть смотреть видео пользователь может начать на планшете за завтраком, а продолжить с того же места на планшете в метро. Более того, большая часть форматов не требует специального устройства, а комфортно и незаметно для пользователя адаптирует контент к устройству.

— Потребление стало интерактивным: пользователю важно находиться в коммуникационном взаимодействии с источником, моментально проявлять реакцию и отношение к контенту.

— Пользователь стал обязательной и важной частью распространения новостей: СМИ фактически передали аудитории часть задач по распространению информации.

— Пользователь не выделяет в концепции потребления информации особое место и время потреблению новостей (или публицистики); новости, подготовленные и выпущенные СМИ, находятся в индивидуальном потоке информации среди «непрофессиональных» или узкоспециализированных сообщений (новости друзей, служебная информация из университета, внутренние сообщения компании, информация из банка, новости о погоде, пробках и работе общественного транспорта, результаты матча любимой команды, анонсы выставок и проч.). Пользователь также ставит под сомнение монополию СМИ на сообщение и интерпретацию новостей.

— С помощью развивающихся технологий выдачи персонализированного контента медиа все больше склонны реализовывать концепцию «информационного гетто», то есть такую информацию, которая максимально отвечает интересам пользователя, но при этом ограничивает свободную диффузию информации, которая гипотетически может не интересовать конкретного пользователя.

— Пользователь воспринимает институционализированные медиа скорее как фильтр информации или точку верификации, чем феномен информирования или первоисточник.

— Воспринимает СМИ как средство объяснения информации, рекомендаций и ориентирования.

— Не отличает и не стремится отличать рекламу от редакционного контента, но требует возможности моментальной конверсии своего интереса в покупку услуги или продукта.

При этом аудитория сохраняет основные мотивации для получения новостной и публицистической информации: вовремя узнать; быть предупрежденным; быть информированным и влиятельным; быть компетентным; испытать эмоцию, развлечь себя; занять себя и заполнить время и так далее. Все это может формировать новые аспекты получения и *переживания* информации: иметь возможность поделиться эмоцией, создавать вокруг себя и своих знаний постоянные и временные сообщества (обсуждение поста в соцсетях, например); влиять и впечатлять; самому сообщать информацию и оценивать публикации, влияя таким образом на источник.

Межплатформенное вещание

Исследования в большинстве развитых стран показывают, что первый утренний жест молодого человека в возрасте до 25 лет вне зависимости от пола, рода занятий и места проживания — взять на расстоянии протянутой руки смартфон или планшет. Это именно те предметы, с которыми просыпаются и засыпают большинство представителей «нового поколения» аудиторий. *Mobile first* — основной лозунг стратегии развития медиа читается не буквально, как связанный с мобильными телефонами, а скорее как связанный с ближайшим передающим и отображающим

устройством. Сегодня это смартфон, планшет, ноутбук, телевизор, часы, завтра — практически любая поверхность — стол, стена, дверка микроволновки или кухонного шкафа, зеркала в ванной. Технологическая среда так быстро меняется, а «новое поколение» так быстро к ней адаптируется, что у издателя СМИ больше не осталось времени плестись в хвосте ожиданий аудитории.

Задача довольно сложная и поэтому интересная: обеспечить непрерывное потребление информации, притом что одна информационная единица в течение сессии может мигрировать с устройства на устройство, меняя свойства и формат отображения информационной единицы, но не утрачивая содержания. Условно говоря, как переместить инфографику с широкого экрана телевизора в спальне на экран часов, позволяя потребителю не прерывать сессию. Создание таких (мульти)форматов и адаптация их к любому устройству в арсенале пользователя станет основной задачей в ближайшие несколько лет.

Редакции и продюсерам предстоит научиться воспринимать потребителя информации не дискретно, а монолитно, но при этом осознавая необходимость быть технологически чувствительными и гибкими, понимая, что с каждым новым устройством в руках и в каждом новых обстоятельствах пользователь будет проявлять себя как некая отдельная сгенерированная в моменте модель поведения. В этой матрице и будет заложен успех попадания издания в межплатформенную концепцию потребления информации одним и тем же пользователем.

Отдельное и ключевое направление — вещание, адаптированное под мобильные носители. Сегодня аудиторией востребованы следующие форматы таких средств: — неадаптированная веб-версия сайта для мобильных носителей (смартфоны и планшеты);

Линн Чедвик. Сидящая пара II. 1980

— адаптированный дизайн (по сути, набор версток сайта в зависимости от разрешения мобильного устройства);
мобильное приложение для смартфонов и планшетов;

— glance — версия, созданная специально для часов.

Статистика и фокус-группы однозначно показывают, как меняются предпочтения одного и того же пользователя, одной и той же аудитории издания в зависимости от разных обстоятельств: в стране он или за границей, на работе или дома в субботу, в длинные выходные или вечерние пробки в мегаполисе.

Например, статистика обращений за информацией по «операционным системам» принимающих устройств показывает, что у большинства деловых СМИ происходит скачок использования систем

Android и iOS в субботу утром и доминирование Windows в среднем в рабочую неделю.

Особую сложность (но и возможность) представляет концепция вещания на так называемых отчужденных носителях. Под ними подразумеваются устройства и среды, не позволяющие осуществлять прямой сбор статистики аудитории и воздействовать на нее. Из устройств самое известное и распространенное — «информационные экраны». Дисплеи в аэропортах, магазинах, метро, маршрутках, передающие в особом жанре новости и развлекательную информацию. Как правило, это комбинация визуальных элементов (фото, видео, реже инфографика) и короткого (до 250 знаков) текста. Охват такого вещания в больших городах измеряется сотнями тысяч и даже — в

мегаполисах — миллионами. Влияние на мнение аудитории у этого типа вещания колоссально. Этот формат не предполагает интеракции (за исключением экспериментальных попыток давать информацию в технологии дистанционного управления), не фиксирует контакт с пользователем, ничего не знает о его вовлеченности и не позволяет пользователю выступить дистрибьютором информации. Хотя, вероятно, в ближайшие годы инфоэкраны эволюционируют до неких форм взаимодействия и контакта с аудиторией.

Разновидностью вещания на отчужденной площадке (не с точки зрения устройства, а среды), безусловно, является вещание редакции в социальных сетях. Это каналы, которые не имеют «прямого подчинения» издателю, не могут быть пока напрямую монетизированы, но обладают фантастическим потенциалом с точки зрения воздействия на аудиторию, построения отношений между пользователем и издателем и в конечном счете конвертации в общее «ядро» аудитории издания.

Вещание в социальных сетях уже персонализировано, но не через настройки, которые задает СМИ или любой другой источник, а алгоритмами социальных сетей. Лидер в персонализации вещания — Facebook, много лет последовательно и затратно экспериментирующий с вариантами выдачи постов пользователей и их приоритезацией в зависимости от информации, которая содержится в базе данных соцсети, и от того, как она интерпретирована.

В октябре 2015 года о своем намерении персонализировать выдачу заголовков в новостном сервисе заявил «Яндекс» — крупнейший игрок в Рунете в поле новостных агрегаторов. Принципом персона-

лизации будет приоритетная демонстрация заголовков тех изданий, к которым пользователь обращался последнее время. Вероятно, вскоре будет также учитываться частотность обращений к новостям тех или иных рубрик, семантический анализ заголовков и текстов, прочитанных пользователем, что вместе с знаниями о регионе, устройстве, времени суток и т.д. в теории должно продуцировать «идеальный пакет» информации.

Феномен «информационных гетто», природы которого изначально вроде бы имеет благие намерения (дать потребителю как можно более индивидуализированный пакет новостей и рекламы, сэкономить время, отфильтровать лишнее), на самом деле один из серьезнейших вопросов концепции новостного потребления, информирования, воздействия на аудиторию, коммуникации и социального диалога.

До какого предела возможна эта технологическая эволюция, этот тренд появления индивидуальных тоннелей? Как концептуально сочетается индивидуальный «пошив» персональных новостных сред с тенденцией к универсализму в глобальном, в том числе информационном, мире? Как будут обобщены персональные матрицы и возникнут ли квазисообщества людей с предельно похожими интересами и привычками? Как будут сосуществовать эти «информационные гетто», будут ли они конфликтовать, научатся ли сопоставлять свои миры и позволят ли себе принимать какие-либо «универсальные сигналы», как будут использовать этот феномен в пропаганде, культурной и политической средах? В любом случае мы становимся свидетелями вероятно краткосрочного, но любопытного и нового в истории массмедиа процесса.

*Ян Чен,
заместитель директора
Центра изучения России
при Восточно-Китайском
педагогическом
университете,
г. Шанхай*

Эскиз «дорожной карты» России и Китая*

Сейчас в мире существует много опасений и озабоченности в связи с развитием китайско-российских отношений, особенно после украинского кризиса. Чем это объясняется? Думаю, что дело здесь, вероятно, в неопределенности истинной роли Китая в будущих геополитических сценариях. Каким будет Китай, станет ли он новым гегемоном или просто экономической супердержавой? А может быть, для него есть какая-то другая роль на мировой арене? Россия также представляет фактор непредсказуемости, это другой полюс неопределенности. Никто не знает, какие в разных ситуациях могут быть решения, что и показало наглядно присоединение Крыма. В мировой истории было немало эмоциональных, а не рациональных решений. В этом контексте упрощенно можно рассматривать два типа восприятия в мире китайско-российских отношений.

Китайские и российские власти заявляют в разных документах, что современные двусторонние отношения наших стран являются лучшими за всю историю. Однако в мире эти отношения часто воспринимают как временное содружество или союз. Есть множество противоречий, жесткая конкуренция в том же азиатском регионе, и в каких-то случаях конфликт интересов между Китаем и Россией нельзя исключить.

Влияние китайско-российских отношений на мировой порядок — вторая очень популярная тема в политической аналитике в нынешние времена, когда неопределенность диктует необходимость осторожных оценок и действий. Возможно, развивая свои отношения, Китай и Россия за двадцать лет смогут создать новый мировой порядок. Возможно также, что реакция на этот мировой порядок будет негативной. Но с точки зрения официальной китайской власти отношения с Россией играют позитивную роль.

* Выступление 2 июня в рамках программы *i-forum-2015*.

Почему российско-китайские отношения получили импульс после холодной войны? Думаю, что самый важный фактор, определивший восходящую динамику отношений между нашими странами в постсоветский период, это давление со стороны Запада. И Китай и Россия стремились сблизиться сразу после первых признаков экспансии НАТО и Евросоюза на Восток. Для Китая улучшение отношений с Россией было также очень важно после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, когда у нас возникли определенные сложности на мировой арене.

В результате появилось определение «конструктивные партнеры», а после визита Ельцина в Китай в 1996 году наши отношения официально стали характеризовать как «стратегическое партнерство».

Однако давление со стороны Запада на наши страны — не единственный фактор развития наших отношений. Представители СМИ, эксперты часто игнорируют другие важные факторы. Среди них — близость режимов. Тут надо напомнить, что в начале, после провозглашения независимости Российской Федерации, для Ельцина и его окружения самым главным было как можно скорее стать частью Запада, сблизиться с США.

Недавно я прочитал книгу «Почему Америка и Россия не слышат друг друга?» Анджелы Стент, профессора Джорджтаунского университета, бывшей советником по России при Б. Клинтоне и Дж. Буше. Она утверждает, что в то время на отношения России с США повлияли не лучшим образом президентские выборы 1992 года. Тогда для Буша-старшего и Клинтона главным было победить, и не было времени заниматься Россией, оказывать ей необходимую экономическую помощь. Ельцин был наверняка недоволен ситуацией, и надо было искать какое-то иное решение для укрепления авторитета страны, ее политического и экономического положения.

В начале 90-х годов ельцинская администрация еще не воспринимала коммунистический Китай как силу, на которую стоило опереться. Тогда союзником России, безусловно, считался западный мир: США и Европа. К тому же китайско-российские отношения были в то время не лучшими: российская сторона воспринимала режим в Китае как авторитарный и к близким отношениям с Китаем не стремилась. Только когда надежды, связанные с Западом, зашли по разным причинам в тупик, стали думать о повороте к Востоку и Китаю. Сыграл при этом свою роль и внутренний фактор: Россия при Ельцине уже заметно отошла от демократии, особенно во второй срок его правления. Думаю, что так называемая управляемая демократия — это на самом деле не проект Путина, это ельцинский проект.

Конечно, между режимами в Китае и России существует большая разница. Но если принять Запад как индикатор, то можно сказать, что режимы наших стран все же сблизились. И этот фактор сближения тоже очень важен, так что нельзя все объяснять лишь раскладом геополитических сил.

После прихода Путина к власти внутренние факторы стали еще важнее. На третьем сроке главное для него — сохранение стабильности власти и укрепление государства. Только если принимается во внимание этот фактор, становится понятной внутренняя и внешняя политика России.

Второй существенный фактор укрепления связей между Россией и Китаем — экономическое взаимодействие. В последнее время, особенно с начала 2000-х, между нашими странами растет товарооборот, хотя, по мнению российской стороны, экономический обмен нуждается в оптимизации. Российское руководство подчеркивает, что Китай интересуется главным образом сферой российских ресурсов и что Россия опасается стать ресурсным придатком Китая. Это одна из причин, которые препятствуют развитию китайско-российского межрегионального и приграничного сотрудничества.

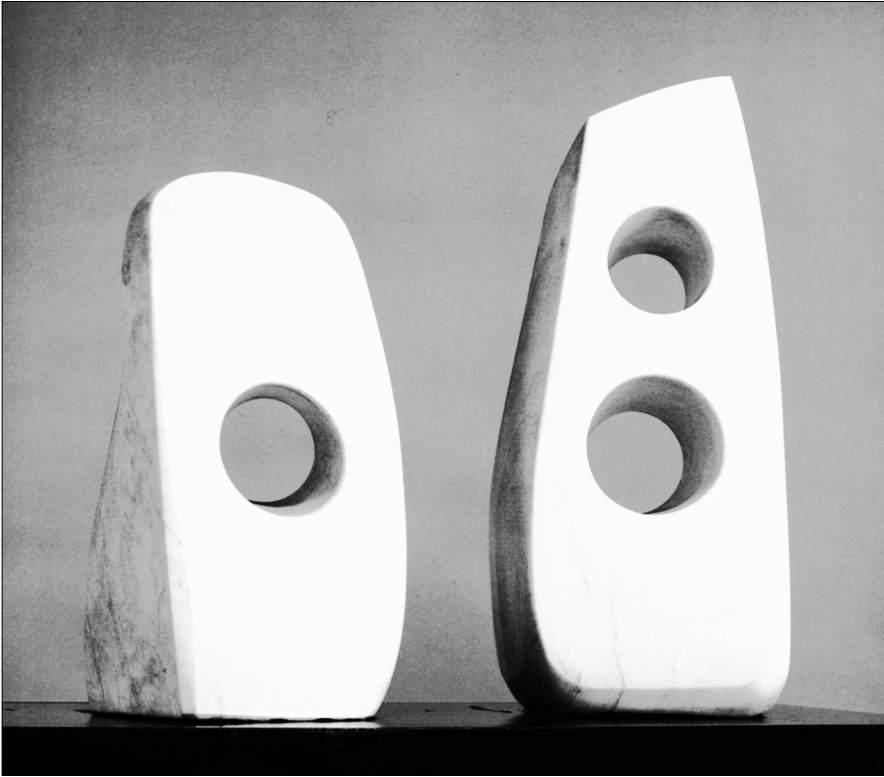
Мне такая позиция, честно говоря, не очень понятна. Ведь Россия в больших объемах продает нефть и газ Западной Европе и не считает себя ее сырьевым придатком. А вот Китай такую озабоченность у России вызывает. Очевидно, что экономические отношения требуют взаимной адаптации.

Следует сказать про мировоззрение Путина и его взгляды на усиление роли России в международном пространстве. Это важный фактор, который касается и российско-китайских отношений. С середины нулевых годов сложилось представление, что Россия вступила в самый благоприятный период. Стабильность во внутренней политике не внушала опасений, во внешнем мире нет явных врагов, как это было во времена СССР и сразу после его распада.

Путинская команда решила, что Россия теперь может позволить себе роль, которую играл Китай во время холодной войны. Тогда Китай занимал позицию, дававшую свободу маневра и с СССР, и с Америкой. Казалось, что китайско-американский конфликт интересов неизбежен после распада СССР и в этой ситуации Россия получает преимущество, потому что сможет играть роль балансира в отношениях между Китаем и США. В частности, поэтому Путин был согласен с идеей перезагрузки российско-американских отношений и создания партнерства с целью модернизации страны и проведения реформ.

В Кремле, я так понимаю, это представляли в виде некой «большой тройки». Поэтому, когда в США примерно в 2006 году стала обсуждаться идея о создании «G2», то есть «большой двойки» — США и Китая, в Кремле это вызвало напряжение. Однако в Пекине сразу же отказались от этого проекта официально. Но до сих пор не прекращаются разговоры о конфигурации «большой тройки», в которой Китай, Россия и США совместными решениями управляли бы миром... Однако сегодняшние китайско-российские и американские взаимосвязи не имеют того веса, который они, может быть, имели во времена холодной войны. Зато возникло множество других связей, и система отношений между Китаем, США и Россией — одна из многих. Есть специфические связи между Китаем, Европейским союзом и Россией; между Китаем, Японией и США; между Кореей, Японией и Китаем и так далее. Все зависит от того, какой регион рассматривается и каков набор конкретных проблем.

Если говорить о том, почему так быстро стали развиваться китайско-российские отношения именно после украинского кризиса, то самым важным фактором, на мой взгляд, является сам кризис: Россия оказалась в довольно сложной ситуации из-за объявленных санкций и изоляции со стороны мно-

Барбара Хеворт. Летний танец. 1971

гих стран. В результате между Россией и Китаем, например, возобновилось военное и технологическое сотрудничество, которого фактически не было с 2006 года. Несколько лет вообще не было контактов в ранге вице-преьера и министра обороны в смешанной комиссии по военно-технологическому сотрудничеству. На празднование 70-летия Победы в Москву приехал Си Цзиньпин с большой делегацией наших военных. После его визита наш министр обороны и зампреда военной комиссии ЦК КПК остались в Москве. В последнее время прошло несколько совместных военных учений.

Во время майского визита Си Цзиньпина был подписан ряд очень важных документов, касающихся стратегических направлений сотрудничества. Но самым важным мне кажется документ о сопряжении китайского проекта экономического пояса «Шелкового пути» и российской инициативы формирования Евразийского экономического союза. Это очень сильный сигнал внешнему миру, что у Китая и России особые отношения на территории центральной Евразии. Тем самым Россия официально признала, что китайское присутствие в Центральной Азии, центральной Евразии, не составляет угрозы ее интересам в традиционной сфере влияния.

Еще один стимул для сближения России с Китаем я вижу в положении на мировом рынке углеводородов. Российская доля экспорта газа на европейском рынке снижается с каждым годом, сейчас она составляет около 25% и, видимо, еще сократится. Добыча сланцевого газа тоже сильно повлияла на

поставки традиционного газа из России в Европу. Усилилась конкуренция между газодобывающими странами. В 2014 году, во время саммита АТЭС в Пекине, Китай и Россия подписали документ о поставках в нашу страну га-за по новому трубопроводу «Сила Сибири». Думаю, что соглашение с российской стороны — это в каком-то смысле политическая поддержка, хотя проект не слишком привлекателен для Китая с экономической точки зрения.

При этом в Китае происходят важные внутренние процессы, общество теперь имеет множество каналов получения информации: Интернет, социальные сети и так далее. Люди стали больше знать, расширяются связи с внешним миром. Особенно усилились эти процессы в связи с развитием экономики. Причем ее развитие не обязательно укрепляет власть компартии, скорее наоборот. Например, население наиболее экономически развитых восточных районов Китая отличается более либеральным сознанием. Этому есть простое объяснение. С ростом экономического благосостояния отступают проблемы и препятствия, ставившие людей в зависимость от власти, от материальных условий выживания. Расширяются пространство личности, сферы реализации личных интересов. Схожие характеристики и принципы функционирования режимов играют все большую роль в китайско-российских отношениях. Украинский кризис, о котором я упоминал, в конце концов все же будет разрешен. А что дальше? А дальше должны действовать какие-то позитивные константы. Каждая страна обладает какой-то уникальностью, но все равно существуют универсальные человеческие ценности, которые и есть эти самые константы. Помню, в 2010 году я участвовал в конференции по славянским исследованиям, организованной университетом Хоккайдо. Редактор одного журнала задал мне вопрос: «Как вы думаете, сколько лет нужно, чтобы Китай стал демократической страной?». Я тогда ответил, что наверняка не больше пятнадцати лет. Почему? Дело в том, что мне показалось значимым сходство характеристик Китая и позднего периода Советского Союза. К концу семидесятых годов в СССР уже завершался процесс урбанизации, а людям, которые оказались в городах, становилось все труднее найти хорошую работу, рос дефицит товаров, накопилось недовольство населения. Ситуацию усугубляло еще и большее количество других общественно-политических факторов, а также нестабильность в мире, в том числе экономическая. Украинский кризис ускоряет сближение Китая и России. Но это все равно партнерские, а не союзнические отношения. В последнее время и в Китае, и в России эта тема активно обсуждается. После майского визита Си Цзиньпина в Москву Алексей Пушков из Госдумы в своем Twitter написал комментарий. Суть его в том, что если раньше экспансия НАТО и доминирование американских интересов в мире диктовали миру свой порядок, то альтернативой западному альянсу может стать союз Китая и России.

На мой взгляд, эта позиция уязвима, потому что и в России, и в Китае едва ли готовы к такому сценарию развития двусторонних отношений. Россия сколько лет пыталась стать членом западного мира, равноправным партнером? — не получилось. Но и на Востоке у нее тоже не получается.

Китайская экономика на втором месте в мире, по номинальному ВВП и на первом по паритету покупательной способности. Военная мощь наращивается, технологии военные и гражданские обновляются быстро. Это наше преимущество, которым Россия раньше располагала, а теперь утратила во многих сферах. Поэтому если Россия не добьется положения равноправного партнера для западного мира, то это трудно будет сделать и на Востоке. У нас были очень хорошие отношения с момента образования Китайской Народной Республики, в начале пятидесятых годов, а потом, как известно, они резко ухудшились вплоть до состояния военного конфликта. И это, конечно, оставило плохую память. Китай с тех пор соблюдает принцип ни с кем не создавать союзнических отношений.

*Самым важным мне кажется
сопряжение китайского проекта
экономического пояса «Шелкового пути»
и российской инициативы формирования
Евразийского экономического союза*

Один наш известный профессор года два назад написал нашумевшую статью, обращенную к нашей власти, чтобы она вступила в союзнические отношения с Россией. Его логика такова: Азиатско-Тихоокеанский регион в ближайшее время, скорее всего, станет двуполярной структурой, которую будут контролировать США и Китай. Причем дело может дойти до такого столкновения интересов, когда возникнет военный конфликт. И поэтому нужна будет поддержка со стороны России. Статья вызвала просто шок в наших академических кругах, особенно среди русистов. Главный вопрос, который становится при этом неизбежным раньше или позже: кто «равнее» в равноправной союзной конфигурации?

Китай и Россия всегда стремились к развитию хороших и разных институтов, потому что институционализация важна, в частности, для двусторонних отношений. Однако в то же время большое количество институтов не всегда означает эффективность работы системы. Об этом свидетельствуют довольно скромные результаты сотрудничества СНГ. То же происходит в рамках Европейского союза. Работа ШОС опять же пока не впечатляет.

Для Китая самое важное — это институты обеспечения двусторонних отношений. В таком формате гораздо проще разрешать споры, конфликты интересов, вести диалог, что не всегда возможно в рамках громоздких бюрократических систем. Главы Китая и России подписали соглашение о сопряжении проекта «Шелкового пути» и Евразийского союза, но я думаю, что проблемы могут возникнуть в будущем; с большим трудом представляю, как будут реализовываться реальные действия.

Раньше Россия сдерживала сотрудничество Китая со странами Центральной Азии. Москва настаивала, чтобы они не заключали напрямую какие-либо соглашения о торговле с Китаем. Да и сами эти страны были согласны с Москвой, во-первых, по привычке, а во-вторых, из-за опасения стать сырьевым придатком Китая. Но в то же время их экономикам нужна модернизация, но нет ресурсов, а Китай готов их давать. Поэтому они все-

гда довольны, если Россия соглашается на какое-то сотрудничество, сулящее вложения извне.

После того как наш председатель выдвинул идею создания «Шелкового пути», у Китая сложились двусторонние отношения с отдельными странами Центральной Азии. С Казахстаном, Узбекистаном, Таджикистаном и Киргизией был достигнут большой прогресс. Поэтому Россия применила другую тактику увеличения своей роли в проекте. Было заключено упомянутое соглашение о сотрудничестве по «Шелковому пути» и Евразийским экономическим союзом. Теперь Россия уже сможет как лидирующая страна союза выступать от имени этой организации, выражая коллективное отношение. А Китай потеряет возможность иметь дело с каждой страной в отдельности. Словом, это будет нелегкий путь, нелегкие переговоры.

В целом я думаю, что китайско-российские отношения не так плохи, как считают некоторые западные аналитики, и не так хороши, как их оценивают китайская и российская власти. Они нормальные. Их главный принцип — суперпрагматизм. Поэтому какой-либо союз — это самый невероятный сценарий китайско-российских отношений. Возможно, это будет партнерство. Возможно, просто по инерции будут соблюдаться условия и принципы сотрудничества. Не исключено какое-то столкновение интересов, которое предсказывают западные аналитики. А самое возможное — просто нормальные отношения между державами, это мой прогноз.

Сегодня китайские и российские эксперты часто употребляют выражение «новый мировой порядок». Но это не означает, что они хотят создать его сами. Это и невозможно, потому что сегодняшний мир сложнее, чем когда бы то ни было. Перед человечеством много общих вызовов и угроз, таких как терроризм, исламистское движение, изменение климата и так далее. Все эти проблемы никто не сможет разрешить в одиночку. Необходимы общие усилия. Мир вошел в эпоху довольно хаотических отношений между державами, включающих и конкуренцию, и кооперацию. Значит, будут какие-то специфические сочетания факторов по каким-то конкретным вопросам, по которым лучше сотрудничать с Россией или с США, еще с кем-то...

Где-то может быть столкновение интересов, но конкуренция — это нормальное явление. Главное, чтобы не было возврата к старой геополитике. Не надо разделять мир на свой и чужой, не надо проводить эти линии между людьми. Надо расширять конструктивные отношения. Поэтому я не согласен с Сергеем Карагановым, с которым мы много раз дискутировали, в том, что сейчас мир возвращается к старой геополитике, а поэтому должны возвращаться и блоковые политики, — это неправильно.

Сегодня мы в первый раз видим возможность создать какое-то новое пространство. Начинается оно в Западной Европе, проходит через Центральную Азию, доходит до Китая, до Восточной Азии. Идея — пространство сотрудничества всех со всеми. Этот новый «Шелковый путь» должен быть открытым для всех, это вселенная, где малые, средние страны и крупные державы не только сосуществуют, а совместно управляют всем этим процессом.

Мераб Мамардашвили как аналитический философ*

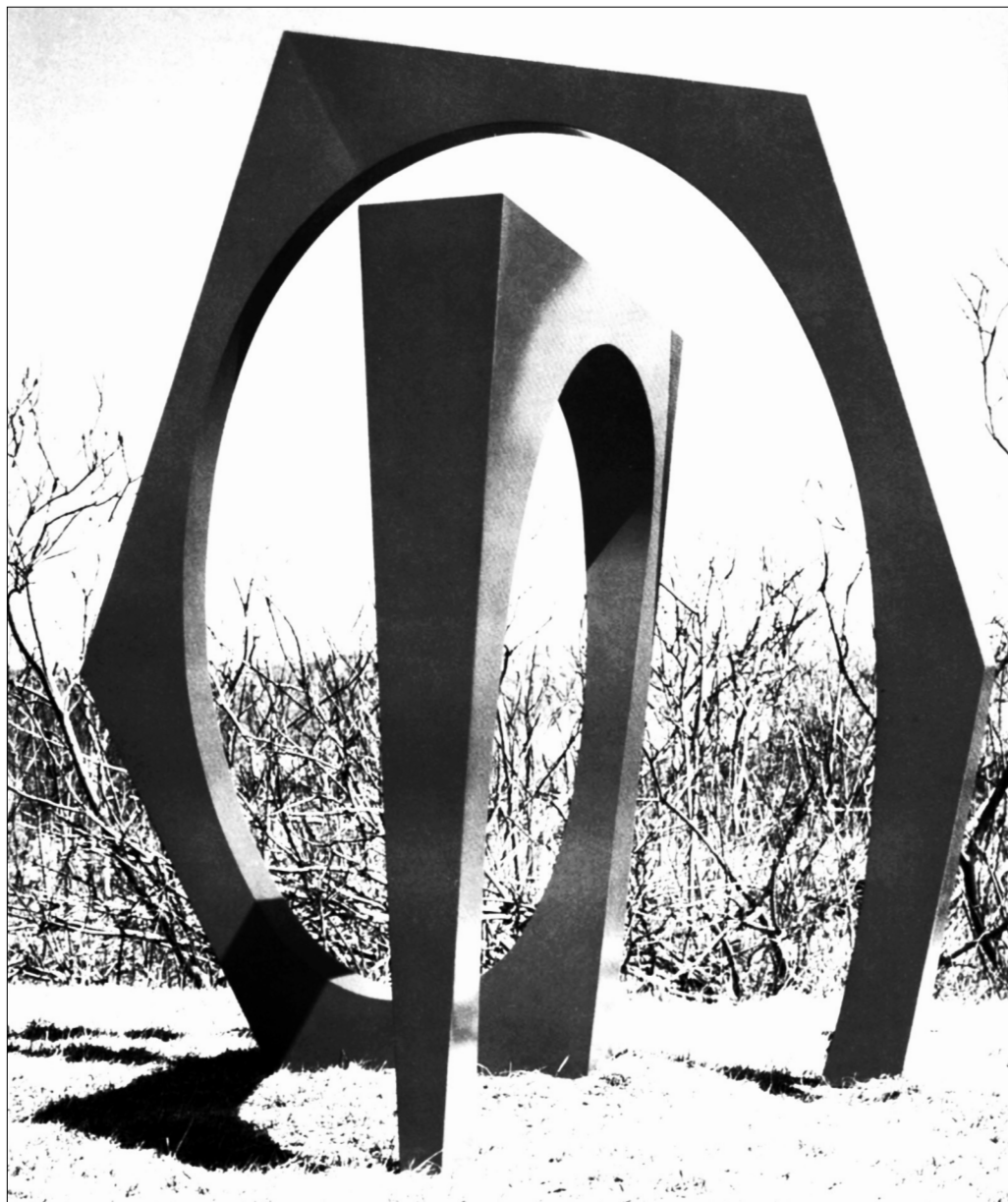

*Родион Гаршин,
магистр философии,
г. Алма-Ата
(Казахстан)*

Тема моего доклада «Мамардашвили как аналитический философ» не совсем стандартная, довольно новая, поэтому стоит сначала уточнить, что здесь имеется в виду. Прежде всего надо сказать, что это, конечно же, определенная редукция, упрощение. На самом деле философия М.М. несколько шире, объемнее, способы его философствования гораздо разнообразнее тех, что характерны для аналитической традиции, а предметы его мысли выходят далеко за пределы того круга тем, которыми она себя ограничивает (например, М.М. много внимания уделял темам искусства, политики, философии истории, которыми аналитическая философия почти не занимается). Вообще М.М. считал философию глобальным, цивилизационным феноменом — известна его фраза о том, что культур много, а цивилизация одна. И философия одна, как некое сверхкультурное явление. Об этом он говорит во многих своих лекциях. В общем, М.М. мыслит поверх и помимо любых национальных и временных разделений, и потому его следовало бы назвать мировым философом, в мышлении которого в числе прочего есть и глубокая аналитическая составляющая, аналитический аспект. Этот аспект я считаю наиболее недооцененным в настоящее время, поэтому хочу специально сосредоточиться на нем и постараться компенсировать это упущение.

Таким образом, речь идет, конечно же, не о том, чтобы причислить М.М. к аналитической традиции с точки зрения истории философии как университетской дисциплины (он принадлежит скорее к континентальной, а не к

* Выступление 22 сентября 2015 г. в Тбилиси на семинаре, посвященном 85-летию со дня рождения М.К. Мамардашвили.

Джеймс Розати. Двойная арка I. 1983–1984

аналитической традиции с этой точки зрения*), а о том, чтобы рассмотреть его как аналитического философа в широком

смысле — как философа, широко пользующегося аналитическим методом в своем мышлении. И здесь для большей

* Здесь полезно заметить, что широко распространенный взгляд на аналитическую философию как на некую герметичную интеллектуальную область, невосприимчивую к внешнему влиянию (особенно континентальной традиции), более неактуален. Уже появилось несколько исследований, наводящих мосты между континентальной и аналитической традициями, например книга М. Фенинга «Проблема объективности в герменевтике Гадамера в свете МакДауэлловского эмпирицизма» (2015), которая показывает, что наведение таких мостов возможно.

остроты я выдвину несколько спекулятивный тезис о том, что М.М. не стал признанным на Западе аналитическим философом только потому, что Советский Союз был закрытой страной, и в течение 20 лет — самых творчески активных десятилетий своей жизни — он был невыездным. Я считаю это главной причиной, хотя, конечно, были другие факторы — например, то, что М.М. больше тяготел к французскому языку, чем к английскому или немецкому, которые больше приспособлены к аналитическому стилю. Тем не менее есть веские основания считать, что М.М. был близок к аналитической традиции и на начальном этапе своего творческого развития мог бы влиться в нее, если бы внешние обстоятельства благоприятствовали этому. Взять, например, одну из ранних работ молодого Мамардашвили, статью «Процессы анализа и синтеза» (1958). Если попытаться определить ее предметную область, то станет понятно, что это философия логики, то есть — чистая аналитика. Я позволю себе даже сравнить эту работу со статьей известного аналитического философа Уилларда Куайна «Две догмы эмпирицизма» с точки зрения цели: оба философа стремятся преодолеть различие между анализом и синтезом; главное отличие этих работ в том, что Куайн делает это в рамках семантической логики, а М.М. — диалектической логики.

Можно также увидеть, что философия Мамардашвили отвечает основным критериям аналитической философии: он не строил универсальной философской системы, хотя в его взглядах в достаточной мере присутствуют и универсальность, и систематичность; и его мысли при этом согласованы с научными фактами: не нужно даже быть знатоком его текстов, чтобы понять, насколько глубок его интерес к науке (он подчеркивает важную роль науки почти в каждой своей работе).

Так вот, в современной аналитической философии центральными являются три темы: философия языка, философия и методология науки (эпистемология) и философия сознания. Все они входят в сферу интересов М.М., очень глубоко им прорабатываются, и особенно в том, что относится к философии сознания. Здесь мы не только можем наблюдать пересечение взглядов М.М. и аналитических философов, но и полноправно сравнить его взгляды с большинством позиций по проблемам сознания, которые существуют внутри аналитической философии, тем самым их проясняя. Углубимся немного в эти области.

Так, например, в аналитической философии есть такая интерпретация взглядов Декарта на сознание, которая называется «призрак в машине». Согласно этому толкованию, Декарт якобы утверждал, что человеческое тело — это машина, механизм, в котором обитает некая нематериальная душа, подобная призраку, она дергает за ниточки, а тело движется. Эта интерпретация была выдвинута аналитиком Гилбертом Райлом в 1949 году в книге «Понятие сознания» (*The Concept of Consciousness*). И многие аналитические философы с тех пор усиленно опровергают этот взгляд, доказывая, что он не соответствует современным научным данным. Мамардашвили не употребляет это словосочетание — «призрак в машине» — и не вступает прямо в полемику с теми аналитическими философами, которые придерживаются такого толкования, но он определенно был в курсе, потому что в своих «Картезианских размышлениях», разъясняя убеждение Декарта в том, что душа мыслит без тела, он показывает скорее непонимание мысли Декарта и говорит буквально следующее, я процитирую: «Речь здесь идет не о том, что в наших телах... сидит якобы какая-то душа, которая обладает некой способностью, не являющейся функцией тела.

Отнюдь». И далее поясняет, в каком смысле следует понимать тезис Декарта, поясняет достаточно подробно, чтобы стало ясно, что «призрак в машине» — это просто попытка слишком буквально интерпретировать декартовскую мысль, наглядно ее себе представить, что противоречит законам философского языка, законам понимания этого языка, о которых тоже подробно говорит во многих местах. На этот счет у него есть такое весьма остроумное пояснение: философствование, говорит М.М. — это «бег наперегонки с собственной тенью, и эта тень есть обыденный язык наглядных представлений, который всегда сопровождает философский язык. Но от своей тени не убежишь — можно только помнить, что это тень, и не путать ее с реальным предметом». Так и этот пресловутый «призрак в машине» — это всего лишь тень философского языка Декарта, которая его сопровождает и которую с подачи Райла многие аналитики стали принимать за его мысль. На самом же деле, если говорить коротко, мысль Декарта, как поясняет ее М.М., состояла в том, что никакая телесная, физическая, материальная причина не является достаточным условием для мысли. Мысль нельзя вывести из чего-либо, происходящего в материальном пространстве-времени. То есть после того, как мысль установилась и мы начинаем анализировать, как она случается, в число условий ее случая не могут быть включены никакие телесные причинения нашей чувствительности (слуховые, зрительные и др.) — это и означает, что душа мыслит без тела. Так вот, эта углубленная интерпретация Декарта позволяет определить позицию Мамардашвили по проблеме сознания (как и его подход к ее решению) в терминах современной аналитической философии. Это позиция, которая называется *дуализм свойств* (property dualism), а его подход чрезвычайно близок к тому, что Дэвид Чалмерс

помыслил как *нередуктивный функционализм* в аналитической философии.

Вообще взгляд Декарта и подобные ему взгляды на природу сознания принято называть субстанциальным дуализмом. Этот взгляд предполагает наличие в мире двух несводимых друг к другу субстанций — мысли и протяжения. А дуализм свойств представляет собой дальнейшую отработку, модификацию субстанциального дуализма, и отличие его только в том, что мыслящая субстанция представляется лишь особым типом свойств некоей единой субстанции, другим типом свойств которой являются все материальные свойства, то есть протяженность в пространстве (и все те свойства, которые мы наблюдаем у материальных тел), и эти два типа свойств несводимы друг к другу, точно так же как у Декарта полностью отличны и несводимы друг к другу субстанции. Эта различенность субстанций, их несводимость, по замечаниям М.М., легла в фундамент современной физической науки.

По поводу науки можно заметить еще один принципиальный момент. В аналитической философии есть еще такая позиция по проблеме сознания, как *интеракционизм*, у которой довольно много сторонников. Этот интеракционизм тоже часто приписывают Декарту. Как и субстанциальный дуализм, эта позиция допускает, что сознание нематериально, и для решения вопроса о том, как связаны сознание и материя, она предполагает *прямое влияние* этого нематериального сознания на материальные процессы. Но так как законы природы не допускают того, чтобы у материального действия была какая-то нематериальная причина, то интеракционизм начинает изыскивать лазейку в законах природы. Например, известный израильский физик, сторонник интеракционизма Авшалом Элитцур полагает, что сознание способно вмешиваться напрямую в материальные процессы, допуская для этого возможность нарушения закона сохранения энергии.

И Мамардашвили, не вступая опять-таки прямо в полемику с такого рода взглядами, все же достаточно четко и недвусмысленно отвергает этот путь решения проблемы сознания — то, что он говорит об этом, является вполне аналитическим аргументом. (М.М. очень подробно рассуждает на этот счет — я постараюсь выразить самую суть.) Дело здесь в том, что нужно быть до конца последовательными в понимании базовых принципов науки. Если мы приняли (как сделал это Декарт), что материя это одно, а сознание это совсем другое, и наука подтвердила этот принцип, то мы не можем допускать, что такой фундаментальный научный принцип, как закон сохранения энергии, нарушается для того, чтобы сознание могло влиять на тело. И Декарт в действительности не утверждал, разъясняет М.М., что в человеке мысль и материя как-либо прямо влияют друг на друга, Декарт предупреждал о существовании третьей субстанции, которая опосредует это влияние, и М.М. развивает эту идею дальше, показывая, чем эта субстанция могла бы быть (эта линия рассуждения вводит понятие единства сознания как производное от феномена осознания, и могла бы принести немалую пользу в решении проблемы «сознание — тело», будучи принятой в расчет аналитическими философами). Еще один аналитический аргумент М.М. в философии сознания вовлекает понятие *актуальной бесконечности*. Это понятие происходит из области философских оснований математики. Думаю, тем, кто знаком с творчеством М.М., известен его пристальный интерес к математике, логике и в особенности к философским основаниям этих точных наук. Так вот, М.М. нашел применение математическому понятию актуальной бесконечности в философии сознания, и мысль его состоит в том, что любой конкретный свершившийся акт сознания включает в себе актуальную бесконечность — бесконечность смысла,

понимания, интерпретаций и т.п., хотя она выражена конечными средствами. Эту актуальную бесконечность М.М. противопоставляет так называемой дурной бесконечности прогресса, который никогда не завершается, никогда не приходит ни к чему окончательному. Один из наиболее часто употребляемых им примеров — это пример математика, рисующего спираль. Математик рисует на доске спираль, виток за витком, и в какой-то момент останавливается и говорит: «это спираль». Он останавливается в какой-то произвольной точке, хотя процесс рисования спирали сам по себе не предполагает такой остановки. Ведь, по сути, эту спираль можно рисовать бесконечно долго, но нам не нужно делать этого, чтобы понять, что это спираль. Здесь действие завершается, хотя с математической точки зрения оно может продолжаться бесконечно, и никаких оснований для его завершения нет.

Этот пример четко резонирует с рассуждениями современных аналитических философов. Есть такой американский ученый, Роджер Пенроуз, физик, математик и аналитический философ, который занимается проблемами философии сознания со стороны точных наук, такими как проблема вычислимости сознания, его моделируемости, проблема математического понимания и т.п. И у него есть очень подробные рассуждения о *незавершающихся вычислениях* (в книге «Тени разума: в поисках отсутствующей науки о сознании») — он рассуждает о них в рамках попытки осмысления того, почему вычислительные устройства, компьютеры, не обладают сознанием и чего им для этого не хватает. Он приводит много примеров вычислений, в том числе довольно простых, которые никогда не завершаются, то есть как бы уходят в дурную бесконечность прогресса: каждый раз, когда компьютер пытается выполнить какое-либо из этих вычислений, он не может завершить свою работу. Он впадает в некую

Арнальдо Помодоро. Сфера. 1982

«дурную бесконечность», как сказал бы Мамардашвили. Согласно Пенроузу, человек-математик способен определить незавершимость вычисления потому, что обладает в отличие от компьютера способностью понимания и воображения; то есть потому, что он сознателен. А, согласно Мамардашвили, математик не впадает в дурную бесконечность потому, что в каждом акте сознания заключена актуальная бесконечность, в том числе и в актах математического инсайта, конечно.

Более того, у Пенроуза есть прямое упоминание той проблемы, которую М.М.

понял, по-видимому, независимо от аналитических философов, и эта математическая проблема так и называется — проблема остановки. Она относится к философским основам информатики, и первым ею озаботился английский математик Алан Тьюринг, который в 1936 году придумал логический прототип всех современных компьютеров, устройство, названное «машиной Тьюринга». Проблема остановки заключается в том, как определить ситуацию, в которой работа машины Тьюринга не может завершиться, и Тьюринг доказал, что эта проблема

не имеет алгоритмического решения, а Пенроуз еще усилил его доказательство. По сути, это как раз аналитический базис мысли М.М. о том, что сознание включает в себе актуальную бесконечность*, и Пенроуз резюмирует свою мысль тезисом о *неалгоритмизируемости*, то есть о неалгоритмической природе сознания. А именно что сознающее мышление имеет некий невычислимый ингредиент, и я считаю понятие актуальной бесконечности наиболее подходящим кандидатом на роль этого ингредиента.

Пенроуз также подчеркивает роль убедительности в математике, и то же самое делает Мамардашвили в рассуждениях о проблеме сознания. В своей интерпретации и разработке идей Декарта он часто ссылается на такое направление в математике, как интуиционизм, особо подчеркивая роль убедительности в отличие от доказательности — он тщательно различает эти понятия.

М.М. вводит представление об актуальной бесконечности как представление о завершенности некой внутренней бесконечности, с которой он связывает такие свойства сознательных актов, как полнота, неделимость, дискретность. Она актуальна в силу того, что присутствует вся сразу, целиком. А с противоположным понятием потенциальной, или «дурной», бесконечности, которая актуально никогда не завершена, он, наоборот, связывает отсутствие сознания и даже невозможность в принципе прийти ни к какому сознанию — эта тема фигурирует у него в виде проблемы бесконечного описания, бесконечного наблюдения, бесконечного бега за удовольствиями — она занимает существенное место в его курсе лекций о Прусте. (Кстати, примечательно само

название, которое М.М. выбрал для этого курса лекций, — «Психологическая *топология* пути». Ведь топология, как известно, это раздел аналитической геометрии, и ее старинное латинское название — *Analysis Situs*, анализ расположения, строения). То есть М.М. применяет аналитический метод философствования в самой неожиданной для этого сфере — в интерпретации художественного произведения, романа, которая, на первый взгляд, не имеет ничего общего с привычными предметами аналитической философии.

М.М. не занимался специально никакой естественно-научной дисциплиной, но он высказывал те же мысли, что и величайшие ученые и математики нашего времени, причем, скорее всего, совершенно независимо от них, то есть приходил к этим мыслям самостоятельным путем, собственным умом.

Кстати, насчет понятия собственного ума, которое М.М. тоже тщательно анализировал, и в продолжение темы полноты сознания, его явленности, убедительности в отличие от доказательности — здесь тоже есть замечательные параллели с самыми передовыми современными взглядами в аналитической философии.

Так, разъясняя философию Декарта, М.М. особое внимание уделяет такому принципиальному для Декарта феномену, как «естественный свет» ума, или *простые интуиции ума*, которые случаются в этом свете. Простые интуиции ума есть некие несоставляемые состояния мысли, то есть их невозможно составить по частям или вызвать их в себе произвольным желанием, намеренным действием. Для Декарта естественный свет ума — а это у него, по сути, метонимия сознания — являл собой, как выражается М.М., своеобразную

* Учитывая античный тезис о тождестве бытия и мышления, бытие включает в себе актуальную бесконечность в равной мере. В этом мы можем узнать платоновскую мысль о бесконечной природе идей, которая, как считается, инспирировала понятие актуальной бесконечности в математике. В этот многовековой диспут между математиками и философами я здесь, конечно же, не имею возможности подробно вдаваться.

архимедову точку опоры в области философии, то есть такую точку, которая обладает свойством максимально возможной убедительности и достоверности того, что открывается сознанию в этой точке, и находясь в ней мы не можем заблуждаться уже потому, что эта точка, или простая интуиция ума не есть продукт нашего рассудка (или чьего-то другого рассудка, тем более), она не есть результат какого-то прикидывающего и доказывающего мышления. Все это М.М. разъясняет, развивает и показывает в больших подробностях. Мне здесь важно подчеркнуть все эти свойства сознания, которые он выделяет и описывает, и прежде всего свойства *невыводимости, естественности, несоставляемости* по частям, чтобы сказать несколько слов о другом философе.

Спустя 15 лет после того, как М.М. прочитал в Москве курс лекций о Декарте, в англоязычном интеллектуальном пространстве появляется Дэвид Чалмерс и его трактат под названием «Сознающий ум: в поисках фундаментальной теории», в котором его автор пишет, что сознание само по себе есть *explanandum*, то есть предмет для объяснения. Оно не есть продукт нашего ума, с помощью которого мы хотим объяснить что-то в мире, а оно само есть такой предмет, или состояние, на которое мы можем указать и сказать: «вот это требует объяснения». То есть эта его характеристика сознания по смыслу полностью совпадает с тем, что Мамардашвили обозначил как *несоставляемое состояние мысли*, обладающее свойством *невыводимости*. Этого рода свойствами Чалмерс, собственно, и обосновывает свое видение проблемы феноменального сознания как чисто философской проблемы; именно невыводимость сознания, по Чалмерсу (хотя он не употребляет само это слово), не позволяет отделаться от его проблемы, хотя она при этом оказывается неразрешимой в рамках нейронауки и когнитивных

наук, на которые в основном опирается аналитическая философия в предмете сознания. Чалмерс четко и довольно подробно обосновывает, почему нельзя игнорировать проблему феноменального сознания в аналитической философии, как можно игнорировать, скажем, представление об НЛО или даже о боге: именно потому, что сознание не есть объяснительный конструкт, или какая-то выдумка досужих людей. Так, например, происхождение всего непонятого в мире можно пытаться объяснить, сказав: «это сделал бог» — тогда мы пользуемся понятием бога как объяснительным конструктом. Или какие-нибудь другие непонятные явления в природе можно списать на посещения инопланетян — это тоже объяснительный конструкт, который можно выдвинуть вместо того, чтобы изучать эти явления научно. Но ничего подобного невозможно в отношении сознания именно постольку, поскольку оно не есть объяснительный конструкт, а есть само по себе *explanandum* — то, что требует объяснения. И так же, как Декарт и Мамардашвили, Чалмерс считает, что сама физическая наука возможна потому, что мы напрямую знаем о своем сознании — я полагаю, именно это он имеет в виду, говоря, что сознание лежит в центре нашей эпистемической вселенной. Можно было бы привести намного больше таких прямых соответствий, корреспонденций мыслей М.М. и аналитических философов, но я, пожалуй, подведу итог тому, что говорил про отношение М.М. к аналитической философии, и скажу еще пару слов об аналитике в его философствовании.

По поводу первого: я думаю, можно с уверенностью констатировать довольно близкое родство М.М. с аналитической философией как течением в западной философии (в самом меньшем случае это «двоюродное» родство). И причина этого в том, что М.М. был абсолютно европей-

ским по духу философ — одним из немногих, если не единственным подлинно европейским и, возможно, самым великим мыслителем во всей философской среде советского периода. Его мысль коренится в философии Нового времени: в Декарте, в Канте, в Юме, поэтому он тонко чувствовал и прекрасно понимал аналитическую философию, хотя формально не принадлежал к ней.

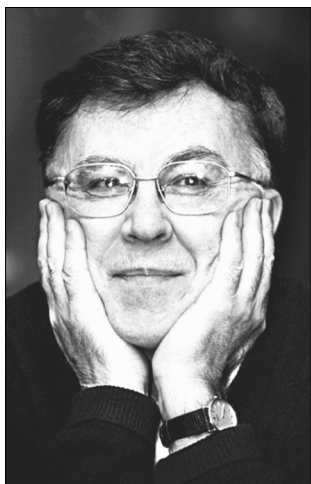
Наконец, вместе с тем, что аналитический подход образует солидный фундамент теории сознания Мамардашвили, я хотел бы еще обратить внимание на то, что аналитические методы лежат в основании социальных, культурных и политических взглядов М.М., будучи глубоко встроены в них. Многие аналитические идеи и методы М.М. умел применить к гуманитарным и общественным сферам, развить на их основе такие взгляды на эти предметы, которые по точности и строгости приближаются к естественно-научному знанию. А иначе он и не мог: «дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно» — один из любимых его афоризмов.

Вот как, например, он характеризует мысль в культуре и истории относительно хаоса и неисторического существования, я процитирую: «хаос и бескультурие не сзади, не впереди, не сбоку, а окружают каждую историческую точку, так же как в математике рациональные числа окружены в каждой точке иррациональными числами». Эта прямая аналогия с философией математики призвана пояснить, насколько на самом деле хрупки все достижения культуры и истории, что культура и история это только маленькие островки рациональности в огромном море иррационального и хаоса.

Или взять отношение М.М. к языку — насколько тщательно он подчеркивал роль языка в социальной жизни, особенно на примере советской социальной действительности, почти в каждой работе по этому предмету стремился показать пер-

востепенную важность языка как показателя здоровья или болезни общества. Он прямо говорил, что проблема восстановления культуры — это прежде всего проблема восстановления языкового пространства и его возможностей, ибо если наш язык искажен, то и мыслимы искаженными представлениями и общественной наша жизнь будет полна всевозможных извращений. Эта мысль совершенно в духе Витгенштейна, который говорил, что границы моего языка — это границы моего мира; я не могу помыслить ничего, для чего у меня нет слов, — это другое выражение той же мысли. А Витгенштейн считается одним из столпов аналитической философии языка, и М.М. здесь фактически пользуется средствами философии языка, хоть он и применяет их к тем объектам, к которым никто из аналитических философов, насколько я знаю, их еще не применял.

То же самое относится к рассуждениям о гражданском обществе из цикла вильнюсских лекций. Они излагаются в совершенно аналитическом стиле: это рассуждения наивысшей степени обобщения и отвлеченности, в которых все основные послышки сформулированы в виде принципов, почти как в математической логике. М.М. с самого начала предупреждает, что нужно уметь прикладывать следствия этих абстрактных принципов к конкретным социальным реалиям, чтобы их можно было понять. И это не просто какая-то интеллектуальная прихоть, это прямое отражение того факта, что само гражданское мышление предполагает умение мыслить довольно абстрактными категориями, способность гражданина постоянно иметь в виду эти категории в своем конкретном социальном действии. М.М. предупреждал, что метафизика мысли и свободы имеет свои неизбежные следствия в общественной жизни, но это предмет для специального исследования, конечно.

Встреча

Одно из самых ярких впечатлений в моей жизни — встреча Мераба Мамардашвили с о. Александром Менем — философом и священнослужителем. Они не были знако-

мы и увидели впервые друг друга в Пицунде

на побережье Черного моря. Хорошо помню, что произошло это в 20-х числах сентября 1987 года, когда мы втроем — Мераб, Лена, моя жена, и я — пришли из поселка Лидзавы, где жили обычно на Рыбозаводской улице во время отпуска, чтобы купить на рынке в Пицунде хлеб, овощи и сыр. Было часов одиннадцать утра, приятное осеннее солнце, мы запаслись на рынке всем, что нужно, включая две бутылки вина, и перед тем как вернуться, остановились у кафе, решив, что стоит выпить кофе. И в этот момент, обратив на кого-то внимание, Лена громко сказала: «Юра, это, кажется, — Алик!».

Действительно, шагах в тридцати от нас, стояли двое мужчин и один из них был о. Александр Мень, с которым меня познакомил еще в конце 1963 года Женя Барабанов, а второй Сережа Рузер, вскоре эмигрировавший в Израиль и ставший преподавателем на отделении сравнительного религиоведения Еврейского университета в Иерусалиме. Обрадовавшись такой неожиданной встрече, в таком необычном месте, забыв о кофе, мы тут же все решили отправиться в Лидзаву.

Я не видел о. Александра примерно полгода, но он слышал от меня неоднократно о том, кто такой Мераб Мамардашвили, а Мерабу рассказывал об о. Александре. Но чтобы они встретились вот так и потом проговорили до 11 часов вечера, сидя за столом на Рыбозаводской!.. Совершенно не помню, о чем они говорили. Ни я, ни Лена, ни Сережа, общаясь между собой, не вслушивались в их мерно текущую беседу. Но видели, насколько увлеченно, не обращая на нас внимания, они говорили. Было очевидно, и сегодня я в этом уверен, что на наших глазах происходила тогда символическая встреча выдающегося философа и выдающегося священника. Символическая в том отношении, что, несмотря на совершенно разный жизненный опыт, встретившись впервые, они понимали друг друга с полуслова.

Я убедился в этом позже, когда в Москву из Тбилиси прилетал Мераб, и мы отправлялись к о. Александру на электричке в поселок Семхоз недалеко от Сергиева Посада, где он жил. И там за ужином, который он готовил, угощая нас не только огурцами и помидорами, выращенными, по его словам, на собственном огороде, они продолжали общение как давние близкие друзья,

судя по выражению их лиц и иронично-доброжелательной интонации, когда обменивались репликами по поводу происходивших в стране событий. Философ и богослов не спорили, хотя, казалось бы, для этого были все основания и причины, понимая друг друга, потому что думали об одном и том же — о свободе и человеческом достоинстве.

Увы, 9 сентября 1990 года был убит о. Александр, а 25 ноября того же года в аэропорту «Внуково», возвращаясь на родину в Грузию, умер от инфаркта Мераб.

Это были два близких и дорогих мне человека, и, думаю, не случайно примерно за месяц до гибели о. Александра в августе 1990 г. я видел сон, о котором хочу рассказать.

Представьте себе котлован — глубокий и ослепительно ярко освещенный, как в полдень при ярком солнце, и меня в этом котловане. Я это ясно ощущаю, хотя на глазах у меня темные очки, и понимаю, что ослеп, а ведет меня по котловану на поводке собака, которая тоже явно слепая, потому что у нее на глазах тоже темные очки. Куда ведет, — не знаю, понимаю лишь, что все это происходит при ярком свете, и, видимо, оттого что не понимаю, начинаю громко стонать и даже кричать, как мне сказала напугавшаяся Лена, разбудив меня.

Когда убили о. Александра, а потом умер Мераб, я стал думать, что это был не просто сон, а предчувствие или какое-то внезапно посетившее меня чувство, что оба моих поводыря (назову их так) скоро покинут меня.

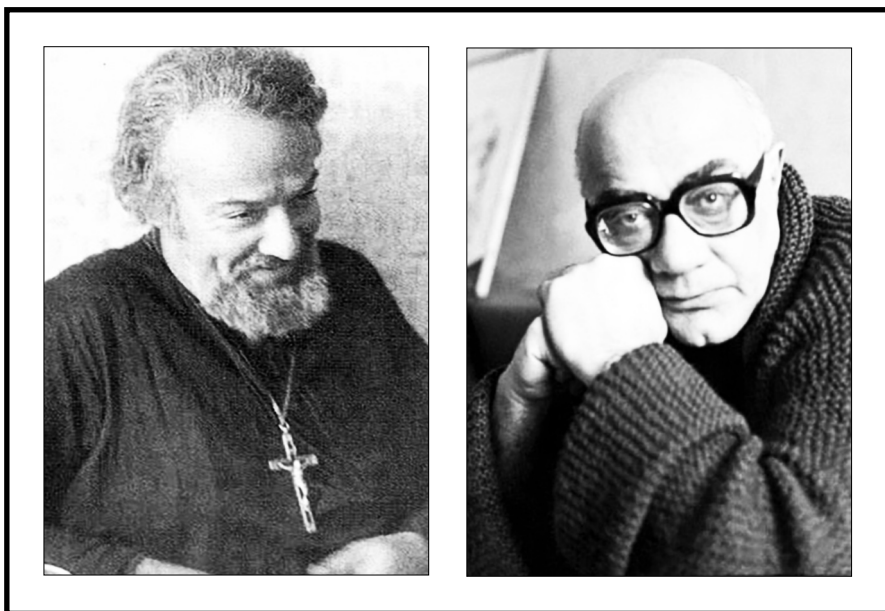
Что это, спрашивал я себя, знание-предчувствие ослепшего тела или ясно видевшего ума (сознания)?.. А накануне гибели о. Александра — вечером 8 сентября часов в шесть — в комнату, где я лежал в это время в полудреме (весь день я чувствовал себя отвратительно, причем утром после ванны надел красные джинсы и черную рубашку, которую купил лет за 15 до этого и ни разу не надевал), в открытое окно влетел голубь и сел под стол. Я решил, что что-то случилось с мамой (она болела), взял его в руки, посмотрел внимательно в глаза, подошел к окну и выпустил его.

Конечно, то, что за день до убийства утром я надел красно-черную одежду (знак предстоящего траурного дня), можно считать культурной условностью, но — опять же — на этот раз мое тело совершало явно, казалось бы, осмысленные движения, а ум спал.

Не буду останавливаться на возможных интерпретациях сна. Остановлюсь на убийстве, о котором услышал по телефону ранним утром 9 сентября.

«За что?..» — невольно спросил я своего друга, который мне позвонил. И, положив трубку, словно увидел Алика — его таинственно улыбающееся лицо и глаза, в которых никогда не замечал фальши, и знал что его открытость, тактичность, артистизм были очевидны всем, кто с ним общался. Конечно, подумал я, это связано с его даром священнослужителя в стране «развитого социализма». А свое призвание он видел в возвращении общества к Богу, к христианским, человеческим ценностям.

Сошлюсь на интервью начала 1991 года журналу «Век XX и мир», где на вопрос о причинах убийства, я, в частности, сказал, что о. Александр, прекрасно знавший русскую философскую традицию, особенно ценил Владимира Соловьева за его, как он выражался, «вселенский горизонт».

А представители официальной Церкви видели в Мене «отступника-экумениста» и обвиняли в том, что он встречался с баптистами и молился с ними, симпатизировал католикам. А с другой стороны, ему постоянно напоминали о себе, но уже по другой причине, поскольку он был еврей, «русские патриоты», от которых он получал угрожающие письма.

Повторю, предваряя возвращение к Мерабу, что я сказал в интервью, отвечая на уточняющие вопросы.

Во-первых, что касается отношения о. Александра к католикам и протестантам. Естественно, когда некоторые члены его паствы, разочаровавшись в православии, становились баптистами, он страдал, но не осуждал их, а говорил, что эти люди не ушли от Христа. Он считал, что экуменическое движение должно развиваться, а иначе у верующих будет неизбежно возникать чувство исключительности своей Церкви и сознание, что лишь она самая истинная и великая. Прошлое не интересовало его само по себе. Он искал в нем подтверждение собственному пути, верил в живое, одухотворяющее начало истории. Не случайно все написанные им книги были объединены в серию, которую он назвал: «В поисках Пути, Истины и Жизни».

И во-вторых, я говорил: убийство о. Александра было совершено теми, кто продолжает думать, что именно убийства могут повлиять на выход из того кризиса, в котором мы находимся. Как вообще это стало возможно? Ведь те, кто стоит за этим убийством, отнюдь не сумасшедшие, ими что-то двигало, какая-то, видимо, своя вера, сформировавшаяся в нашей же, отечественной культуре. Очевидно, массовое сознание живет по каким-то своим законам, и в его недрах могут совершаться чудовищные трансформации, после которых и может происходить то, что случилось. В чем же тогда и где истоки этих трансформаций? Известно, что в России произошло по меньшей мере два трагических события: в XVI веке произошла расправа с «русской свя-

тостью», после чего перестала существовать свободная церковь. А в XIX — в результате убийства Александра II — наступила трагедия русской государственности. Учитывая, что в 1881 году был убит царь, который своими реформами как раз и стремился проложить путь в том числе к духовному оздоровлению общества, и убит не в результате дворцового переворота или заговора, а собственным народом. Как и убитый в 1918 году Николай II.

Почему в нашей стране убивали царей, а после революции не только дворян, но и священников? Причем десятками тысяч. Разве это можно понять, если мы христианская страна? В каком состоянии должен был находиться народ, чтобы поверить в идеологию мести? И кто несет ответственность за преступления: власть или народ? Или интеллигенция? Почему все повторяется, находя оправдание в якобы ценностях «истинного православия» и величия России либо «общественной справедливости»? Причем механизм оправдания прост. Для этого нужно, прежде чем убить человека, перестать считать его человеком, называя врагом или предателем народа. Или жидомасоном...

Разумеется, слушая лекции Мераба и общаясь с ним, умозрительно я уже знал ответ на свой риторический вопрос «За что?..».

«Идеология — это... иллюзорное сознание не в психологическом смысле. Оно не зависит от того, верят люди или не верят во что-то... — говорил он в своих лекциях, посвященных социальной философии в 1981 году. — Можно даже сформулировать [по этому поводу] закон: всякая идеология в своем имманентном развитии доходит до такого пункта, когда ее эффективность, или рациональная эффективность, не зависит от того, разделяют люди эту идеологию или не разделяют ее. Почему? Да потому, что она разрушает словесное пространство, лишь внутри которого может артикулироваться и кристаллизироваться мысль. Это просто разрушение языка... Вы можете подмигивать друг другу — пожалуйста, но когда вы захотите хоть как-то узнать, что вы сами думаете, вы не сможете этого сделать...»*.

Это был диагноз, поставленный философом государственной системе за несколько лет до того как она начала распадаться, потому что появились и были люди, осмелившиеся думать. Или, как выражался Мераб, — «заниматься возможными способами прояснения нашего [жизненного] опыта». При этом проясненный опыт самого Мераба впечатляет.

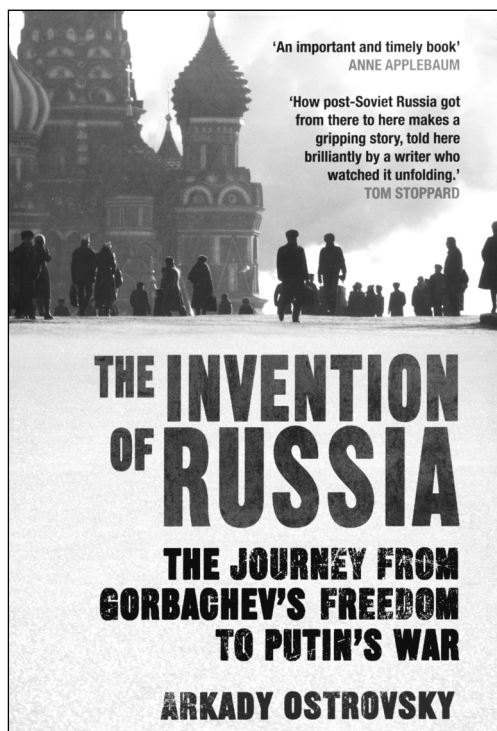
Хорошо помню его рассказ о «профилактической беседе» с ним в начале 1980-х сотрудника КГБ и его слова: «Мы знаем, что вы считаете себя самым свободным человеком в этой стране».

Разумеется, Мераб никогда так не считал, но тема свободы, несомненно, была главной в его жизни и творчестве. Не свобода выбора, а именно свобода как таковая, о которой он говорил: «это феномен, который имеет место там, где нет никакого выбора. А есть нечто, что в себе самом содержит необходимость». «Свобода ничего не производит, она производит только свободу, большую свободу».

Юрий Сенокосов

* Мамардашвили М. Вильнюсские лекции по социальной философии. Опыт физической метафизики. — СПб.: Азбука-Аттикус, 2012. — С. 236.

Какими были и во что превратились наши СМИ

Arkady Ostrovsky. *The Invention of Russia. The Journey from Gorbachev's Freedom to Putin's War*. London: Atlantic Books, 2015. — xvi, 384 p.

Название этой книги отнюдь не случайно заставляет читателя вспомнить о нашу-мевшей работе Ларри Вульфа «Изобретая Восточную Европу»*. Подобно американскому исследователю, показавшему, как деятели Просвещения сначала «придумали» разграничительные линии, разделившие европейский континент на передовой Запад и отсталый Восток, а затем на века законсервировали эти сте-

реотипы в европейских ментальных картах, Аркадий Островский попытался убедить читателя в том, что современная Россия в значительной мере оказалась порождением собственных средств массовой информации, как печатных, так и электронных. Как следует из этой публикации, автор категорически убежден в двух вещах: во-первых, в том, что в современную эпоху СМИ оказывают невиданное прежде воздействие на политический процесс, а, во-вторых, что формируемый ими образ России не слишком связан со страной из плоти и крови, с Россией реальной.

В то время как задача бумажной и электронной прессы в Советском Союзе заключалась в том, чтобы блокировать нежелательную информацию и оберегать государственные устои, по мере деградации коммунистического режима принципы работы журналистов самым радикальным образом пересматривались. СМИ, и в особенности газеты, превращались не просто в активного, но в ведущего сторонника политических перемен. В книге увлекательно и живо описывается процесс становления таких «флагманов перестройки», как «Московские новости», «Коммерсант», «Огонек», а также предлагаются портреты ключевых вдохновителей и исполнителей этих проектов, от Егора Яковлева и Виталия Коротича до Максима Соколова и Александра Невзорова. Тех, кто жил в годы перестройки, это чтение, несомненно, освежит и встряхнет: автор мастерски рекон-

* См.: Вульф Л. *Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения*. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

струирует эпоху, которая несла в себе столько оптимизма — и от которой сегодня, к несчастью, ничего не осталось.

Фактически, у автора получилась впечатляющая панорама последнего тридцатилетия советской и постсоветской истории. Эволюция российских СМИ заботливо вплетается им в контекст важнейших исторических событий, через которые прошла «новая» Россия: в этом ряду оказываются явление Горбачева и перестройка, путчи 1991 и 1993 годов, ожидаемый уход Ельцина и неожиданный приход Путина, десятилетие нефтегазового изобилия и даже война на Украине. Островский не голословен: в процессе подготовки своей книги он побеседовал с огромным числом людей, непосредственно участвовавших в описываемых сдвигах. Среди них политики (в частности, Михаил Горбачев, Алексей Навальный, Борис Немцов), капиталисты (Владимир Гусинский, Михаил Фридман, Анатолий Чубайс), журналисты и общественники (Дмитрий Муратов, Евгений Киселев, Ирина Прохорова). Разумеется, автор предвзят и не скрывает этого, но я не стал бы слишком уж ставить это ему в укор. В конце концов, нужно ведь как-то разбавлять то консервативное месиво, в котором в последние годы варится российское общественное сознание.

Впрочем, с трактовкой новейшей отечественной истории, которую предлагает Островский, не только можно, но и нужно спорить. Скажем, освещая события сентября и октября 1993 года, он однозначно оправдывает Бориса Ельцина, полностью игнорируя тот факт, что с юридической точки зрения первый президент России, сначала спровоцировавший политический кризис безответственным указом № 1400, а потом и допустивший расстрел здания парламента из танковых орудий, отнюдь не был невинным агнцем. Кстати, если говорить об интересующей автора теме «взросления» наших СМИ, то низко-

му искусству исказить истину ради политических выгод они научились именно в ходе противостояния парламента и президента. Осенью 1993 года демократическая журналистика решила, что благородной целью вполне можно оправдывать любую ложь; эта максима, многократно опробованная в ходе упорного шельмования депутатов (кстати, легитимных в той же мере, что и президент), дискредитации парламентаризма и разделения властей как такового, очень пригодилась чуть позже, в 1996 году, когда больного главу государства понадобилось переизбрать на новый срок вопреки здравому смыслу и нулевому рейтингу. Имея в виду все это, мы не должны удивляться тому, в какое чудовище российская пресса превратилась в путинскую эпоху.

Описанию этой «профессиональной деформации» Островский посвящает едва ли не половину своей работы. Его диагноз печален: независимой журналистики в России больше нет, а то, что пытаются за нее выдавать, на самом деле является инструментом политической апологетики. Он показывает, как журналисты превращаются в пропагандистов, и до какой степени беззащитной и опасной может быть современная пропаганда. Наконец, особое внимание автор уделяет тому, как, благодаря стараниям СМИ, ширится пропасть между Россией настоящей, каждодневно ощущаемой миллионами наших сограждан, и Россией вымышленной, любовно творимой отечественным телевидением. Все прогнозы, которые делает Островский на страницах своей книги, нехороши; он вообще не церемонится с впечатлительным читателем, особенно когда дело касается анализа путинской эпохи. С другой стороны, почему бы и нет? В Лондоне или в Нью-Йорке, по крайней мере, издавать такие честные книги пока еще можно.

Андрей Захаров

Владимир Рыжков,
политик, публицист

Контрапункт

ЧЕГО ХОТЯТ США НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ?

А. Шумилин. Политика США на Ближнем Востоке в контексте «арабской весны». — М.: Международные отношения, 2015. — 336 с.

30 сентября 2015 года российская боевая авиация неожиданно для всего остального мира нанесла первые ракетно-бомбовые удары по территории Сирии. Тем самым впервые после распада СССР и впервые после вывода советских войск из Афганистана в феврале 1989 года Россия ввязалась в вооруженный конфликт на территории самого опасного региона мира — Ближнего Востока.

Афганская авантюра обошлась Советскому Союзу дорого. 15 тысяч погибших и десятки тысяч раненых советских военных. Сотни тысяч погибших афганцев, 5 миллионов беженцев из этой страны. Одних только советских военных самолетов было сбито 118. Расходы на войну составили за десять лет более 60 миллиардов долларов, сделав имперское бремя СССР окончательно непосильным и поспособствовав краху советской экономики. Двадцать пять лет после этого втягивание России в ближневосточные конфликты было табуировано, прежде всего по причине трагического афганского опыта. Теперь это табу внезапно нарушено решением Владимира Путина помочь своему союзнику Башару Асаду.

Пока неясно, как далеко пойдет Россия в своей сирийской операции. Какие масштабы она приобретет, во что нам обойдется, какие последствия повлечет за собой.

Страна, которая очень давно и глубоко увязла на Ближнем Востоке — США. У США свой богатый и долгосрочный опыт присутствия в регионе — в последние годы все более провальный. В ходе многолетних операций в Ираке и Афганистане США потеряли тысячи своих военных и гражданских лиц и потратили астрономические суммы денег (по оценкам, до 1,5 трлн долларов).

Барак Обама был дважды избран американцами своим президентом в значительной степени благодаря своему обещанию уйти с Ближнего Востока, который в глазах многих американцев превратился в *новый Вьетнам*. При Обаме США значительно сократили свое военное присутствие в регионе, постепенно передавая управление властям в Багдаде и Кабуле. Но уход американцев тут же обернулся вакуумом власти и активизацией радикалов из движения «Талибан» и «Исламского государства» (ИГ). Даже ослабленная и стремящаяся сократить свое присутствие Америка остается фактором, без которого стабильность региона невозможна.

Теперь, когда российские и американские боевые самолеты оказались в одном регионе, бомбят одну и ту же страну и предпринимают усилия к тому, чтобы случайно не столкнуться друг с другом в сирийском небе, стало особенно важно хорошо понимать политику и мотивы друг друга. Для точного адекватного понимания целей и средств США на Ближнем Востоке нужны специалисты по региону. Они в России, к счастью, есть. Но очень часто их компетентный и спокойный голос, даже таких крупных и авторитетных, как недавно скончавшийся академик Евгений Примаков, заглушает крикливый шум демагогов и демагогической пропаганды.

Со времен начала холодной войны, от дней позднего Сталина, заложившего основы советской геополитической картины мира, Америка для российских ястребов олицетворяет образ сатаны в современном мире. Согласно принятой ими картине, Америка последовательно выстраивает стратегию полного контроля над миром. Она подчинила себе Европу и весь Запад — исключительно в своих корыстных интересах. Она держит за главного врага Россию и подозревает Китай — как две единственные сверхдержавы, способные бросить вызов ее своекорыстному господству. Все ее разглагольствования про права человека и демократию — всего лишь лживая пропаганда, призванная прикрыть цинизм и корысть. Применительно к региону Ближнего Востока цели Америки, во-первых, качать оттуда дешевую нефть, во-вторых, вытеснить из региона Россию и Китай, в-третьих, поддерживать там хаос и конфликты, в-четвертых, разорить Европу, спровоцировав поток беженцев в нее, и в-пятых, наказать непокорных ближневосточных властителей, не желающих идти к Америке в рабство.

Если в самих США сложился консенсус относительно того, что многолетние и разорительные войны США в Ираке и Афганистане *являются провалом американской внешней политики*, самым крупным со времен катастрофы во Вьетнаме, то в России широко бытует мнение, что американцы, напротив, устроили кровавый хаос в регионе «специально», чтобы посеять там хаос, это и был их хитроумный замысел.

Не так давно один из ведущих российских специалистов-арабистов Александр Шумилин выпустил книгу, в которой подробно и объективно раскрывает механизмы и цели политики США на Ближнем Востоке.

А. Шумилин долгие годы жил и работал в регионе, в частности в Тунисе, Алжире и Египте. В его биографии — работа помощником Евгения Примакова. Его диссертация еще в далеком 1979 году была посвящена проблемам создания Палестинского государства. Сейчас А. Шумилин — доктор наук и глава Центра анализа ближневосточных конфликтов Института США и Канады РАН. Им написана уже целая серия книг, раскрывающих стратегию США в исламском мире, а также возможности сотрудничества России и США в этом взрывоопасном регионе.

Сам автор так пояснил мне основную задачу последней книги: *«развенчание мифов об американской политике»*. Причем мифов, широко бытующих не только в России, но и в самих США. Это ему вполне удалось. Исследование логично и доказательно, с опорой на большой объем документов, раскрывает логику и преемственность американской политики на Ближнем Востоке, на протяжении десятилетий, вне зависимости от перехода власти от одной администрации Белого дома к другой.

Реальность состоит в том, что и сам Ближний Восток не может обойтись без американского присутствия, американской помощи, американских гарантий безопасности, в том числе и военных. Дело в том, что стратегические интересы многих арабских стран также строятся на присутствии США в регионе.

Еще один старый миф, разоблачаемый Александром Шумилиным, — о том, что политика вашингтонского истеблишмента полностью подмята американским произраильским лобби, которое якобы буквально вьет из любого американского президента веревки. Как и противоположный миф — о якобы доминировании в США проарабского нефтяного лобби, ориентированного на арабские монархии Персидского залива, прежде всего на Саудовскую Аравию. На самом деле политика США в регионе Ближнего Востока сложна и многомерна. Например, Израиль получает ежегодно помощь от США в размере 3 млрд долларов, а Египет получил с 1974 по 2011 год уже более 50 млрд долларов. При этом Египет и Саудовская Аравия играли ключевую роль в стабилизации региона, в продвижении планов израильско-палестинского урегулирования.

В США активно работают, в легальных рамках, как произраильское, так и проарабское лобби, у обоих лобби есть сторонники в конгрессе. Большое влияние имеет и нефтяное, энергетическое лобби, в первую очередь собственно американское. Но ни одна администрация, как показывает А. Шумилин на множестве примеров, не является инструментом того или иного лобби. Американские политики выслушивают аргументы всех сторон, но решения принимают самостоятельно. *«Усилия же лоббистов применительно к внешнеполитической линии США могут быть учтены правительством, а могут быть и проигнорированы. Они, несомненно, вторичны»*, — заключает А. Шумилин.

Еще один популярный миф — о том, что стратегия насильственной смены режимов во всем мире, и в частности на Ближнем Востоке, была разработана и реализована brutальной администрацией Джорджа Буша-

младшего, его нетерпеливыми неоконками. Как справедливо напоминает А. Шумилин, на самом деле стратегию двойного сдерживания (Ирака Саддама Хусейна и Ирана при шиитских аятоллах) выдвинула еще администрация Билла Клинтона в далеком мае 1993 года, в том числе не исключая применения военной силы и силовую смену режима. Автор прослеживает преемственность интересов и стратегических основ этой политики начиная от первого входа США в регион при Ф.Д. Рузвельте и дальше, последовательно: при администрациях Г. Трумена, Д. Эйзенхауэра, Д. Кеннеди, Р. Никсона и Д. Картера, Р. Рейгана, обоих Бушей, Клинтона и Обамы. Менялись термины, обозначения доктрин и стратегий, соотношения идеализма и реализма, но основы — а именно сохранение баланса между арабами и израильянами, гарантии существования государства Израиль, продвижение демократии в регионе, помощь традиционным союзникам — оставались всегда неизменными.

Та же преемственность политики характерна и для отношений с Ираном. С одной стороны, все последние администрации США стремятся оказывать давление, в том числе и санкционное, на Тегеран с целью не допустить создания иранского ядерного оружия и спонсирования иранцами терроризма. С другой стороны, США остаются открытыми для диалога. Обама довел эту стратегию до логического конца, заключив в 2015 году, с участием России и других коспонсоров переговоров, «иранскую сделку» — отказ от ядерных разработок Ираном в обмен на снятие санкций.

Столь же долгосрочный характер носит и американская стратегия противодействия терроризму, которую Штаты реализуют после теракта на мюнхенской Олимпиаде 1972 года и убийства американского посла в Судане в 1973 году. Характерно, что американцы столь же сильно подозревали СССР в спонсорстве антиамериканского терроризма, как и советские лидеры были уверены в том, что международный терроризм — порождение самих США, поддерживавших моджахедов, в том числе Усаму Бен Ладена, против советских войск в Афганистане. Увы, и то и другое — правда. Как правда и то, что Бен Ладен, «Аль-Каида» и ИГИЛ превратились из орудия США в их *злейшего, смертельного врага*. Того самого врага, который обрушил башни-близнецы в Нью-Йорке 9 сентября 2001 года, убив тысячи американцев. Отрицание этого очевидного факта делает крайне затруднительным сотрудничество России и США в борьбе с терроризмом.

Начиная с 2004 года *главным противником США объявлены международные террористические сети* — «Аль-Каида», а теперь и ИГИЛ. Концептуально это очень сложный враг, когда размываются сами понятия «военные действия», «дипломатия», «разведка» и даже понятие «терроризм». Как вести действия на территориях дружественных государств, если там есть базы террористов? Как быть в этом случае с принципами

суверенитета и невмешательства? Как бороться с терроризмом, не разрушив при этом принципов глобализации и открытого мира? И так далее. А. Шумилин показывает, что позиция США далеко не так примитивна и одномерна, как это обычно стремятся представить сторонники теории заговоров. Вопреки расхожим утверждениям о том, что за всеми террористическими сетями стоят сами США, А. Шумилин подчеркивает: *«антитерроризм был и остается... важнейшим и структурообразующим элементом» американской внешней политики.*

Приверженность теории заговоров, стремление всюду видеть «внешнюю руку» и спецоперации «западных спецслужб» привели к тому, что даже знаковые события 2011 года, массовые протесты в арабском мире и падение целого ряда авторитарных режимов громогласно объявляются примером инспирированных извне и организованных самими США и шире — Западом «цветных революций». Автор показывает всю абсурдность таких домыслов. Для США и для Запада череда демократических революций в арабских странах стала полной неожиданностью. Власть потеряли самые надежные союзники США в регионе — Х. Мубарак в Египте, Бен Али в Тунисе, Абдалла Салех в Йемене. А. Шумилин показывает, как сложно и противоречиво выстраивалась политика администрации Барака Обамы в ответ на быстрое изменение ситуации в регионе. Он подчеркивает, что череда демократических революций имела *«несомненно, сугубо внутренние (как экономические, так и политические)»* причины.

Интересно отметить, что в стремлении стабилизировать пришедший в движение регион США предпочитают, в духе «реал политик», скорее поддерживать укрепление государств, нежели пускаться в рискованное плавание по созданию демократий, что хорошо видно на примере Египта, где короткий опыт властвования «Братьев-мусульман» показал всю проблематичность этого лозунга и этих экспериментов. И где США в итоге поддержали возвращение к власти военных, при условии проведения ими умеренных демократических реформ.

Теперь, когда Россия стремится выйти из международной изоляции и укрепить свои позиции на Ближнем Востоке, особенно важно определить общие интересы России и США в регионе. Они очевидны. Два глобальных вызова для обеих стран — угроза распространения оружия массового уничтожения и угроза международного терроризма. Здесь интересы двух стран совпадают. Более точное понимание представлений и интересов друг друга помогут теснее координировать совместные усилия в борьбе с этими критически опасными угрозами. Книга Александра Шумилина, разрушающая мифы об американской политике на Ближнем Востоке, несомненно, может этому помочь.

ПОЛИТИКА И СИЛА ДУХА

Джонсон Борис. Фактор Черчилля: Как один человек изменил историю; пер. с англ. А. Галактионова. — М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. — 448 с.

Если Александр Шумилин показывает, как работает американская политическая машина, эта громоздкая государственная система, сохраняющая инерцию и преемственность на протяжении десятилетий, вне зависимости, или почти вне зависимости от того, кто стоит у ее руля, то книга Бориса Джонсона о Черчилле — гимн личности и личному подвигу. Эта книга — в первую очередь о *решающей роли личности в истории*. Отсюда и ее название — автор стремится показать, как именно лично Уинстон Черчилль (его *личный* фактор) в переломные моменты истории XX века определил ее дальнейший ход и исход.

Борис Джонсон — профессиональный журналист, политик, эксперт Школы, внезапно для многих ставший мэром Лондона от Консервативной партии в 2008 году и остающийся мэром британской столицы по сей день. Среди его друзей и однокашников — лидер Консервативной партии и премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон.

Написать книгу о Черчилле, человеке, про которого давно известно решительно все, буквально о каждом дне его долгой 89-летней жизни, — предприятие смелое. Однако Джонсон справился с этой задачей с блеском. Книга была заказана ему издательством в связи с 50-летием со дня смерти великого премьер-министра (январь 1965 г.), и автор нашел тот оригинальный угол зрения на фигуру героя, тот необыкновенный аспект, который делает чтение книги увлекательным, а взгляд автора свежим и актуальным. А именно — он создал *открытую апологию Черчилля*, решив, по прошествии многих лет, подвести итог его жизни по гамбургскому счету.

Автору помогли его великолепное итоновское и оксфордское образование, а также богатый журналистский и редакторский опыт. Это отменный язык, английское чувство юмора, легкость изложения и одновременно напряженная сюжетная фабула. Чего, например, стоит начало книги. В первой главе рассказывается о ключевом моменте в судьбе Черчилля и Великобритании, более того — всего мира. 28 мая 1940 года Черчилль, после тяжелых многочасовых дебатов, сумел переломить панические настроения своего кабинета министров и настоять на том, чтобы решительно отказаться от мирных переговоров, предлагаемых Гитлером, и продолжить смертельно опасную вооруженную борьбу с нацистской Германией. Дебаты проходили на фоне катастрофического поражения Франции и реальной угрозы вторжения немцев на Британские острова. Часть кабинета склонялась к мирным переговорам с Гитлером. Но Черчилль, раз за разом беря слово и демонстрируя свою знаменитую железную волю, настоял на продолжении войны — и тем

самым предопределил ход мировой истории. Он оказался единственным британским политиком того времени, который решился на сопротивление гитлеровской Германии, отдавая себе полный отчет в неизбежных жертвах и потерях.

Борис Джонсон открыто восхищается Черчиллем. Да и нельзя не восхищаться человеком, которого он описывает. Перед мысленным взором встает личность мирового значения, сохранявшая долгие годы влияние на умы миллионов людей. Черчилль был выдающимся политиком, избравшимся в британскую палату общин на протяжении более полувека, бывший дважды премьер-министром, лордом казначейства, министром внутренних дел, морским министром в годы Первой мировой войны, министром по делам колоний. Черчилль написал 31 книгу, произнес речей на 18 увесистых томов, написал и надиктовал один миллион документов (!), прочитал не менее пяти тысяч книг и заслуженно стал лауреатом Нобелевской премии по литературе. Все свои речи и книги он написал и надиктовал сам, никогда не прибегая к услугам спичрайтеров. Он сыграл важную роль в обеих мировых войнах. Черчилль-художник оставил более пятисот живописных работ. Черчилль-путешественник и много перемещавшийся по миру политик намотал миллионы километров по планете Земля. А еще он был прекрасным отцом и мужем — при такой сверхчеловеческой нагрузке!

Уинстон Черчилль для Бориса Джонсона — недостижимый в наши дни образец человека — человека-героя, Геракла из античного мифа, весельчака и обжоры Гаргантюа с мозгом Сократа. Автор с удовольствием описывает пристрастие Черчилля к роскоши, вкусной еде, спиртным напиткам и сигарам. Он восхищается личным бесстрашием Черчилля, единственного политика такого уровня в истории, которых побывал под обстрелом на четырех континентах. Он изумленно описывает рабочий день Черчилля, с многочасовым интенсивным трудом, коротким сном и изобилием выпивки и табака. Как такое вообще возможно, да еще и на протяжении почти целого века?

Черчилль вовсе не всегда выходил победителем и далеко не всегда был прав. На его счету немало ошибок, тяжелых поражений и обычных глупостей, вроде увлечения еврикой или провальной Дарданелльской операции в 1915 году в бытность его морским министром Великобритании. Бывали у него годы изоляции и забвения. Но, как показывает в своей книге автор, в ключевых вопросах, перед лицом решающих выборов своей жизни и мировой политики, Черчилль всегда принимал безошибочные решения, и его воля и энергия приводили к тому, что эти решения принимала вслед за ним вся нация, вся Британская империя. Он был непосредственно причастен к изобретению танка и развитию военной авиации. Он один из первых заложил основы социального государства в Европе. Поддержал создание государства Израиль и приложил руку к современной карте Ближнего Востока. Сделал ставку на союз с Америкой перед лицом нацистской угрозы и поддержал Советскую Россию в первый же день нападения на нее Гитлера — выступив с речью

поддержки и солидарности уже 22 июня 1941 года. Он первым из британских, и не только, политиков разглядел смертельную опасность, исходившую от Гитлера, и первым принялся бить в набат. Его воля и вдохновляющие речи мобилизовали британцев на отражение атак гитлеровцев в 1940 году, когда британские острова сопротивлялись немцам в полном одиночестве. Он помог Рузвельту убедить американцев вступить в войну в составе антигитлеровской коалиции. Он старался помочь полякам сохранить суверенитет и сражался за англосаксонские ценности свободы и демократии. Он был настоящим воином и никогда не требовал от британцев того, к чему не был готов сам.

Черчилль несколько раз падал, но всякий раз находил в себе силу и волю подняться. Одна из ключевых причин такой несгибаемости и политической непотопляемости Черчилля — его честность. Как чрезвычайно энергичный деятель Черчилль сделал много ошибок, но никогда не обвинялся в коррупции. В этом, да и во многих других отношениях его репутация была безупречна.

Книга особенно хороша тем, что больше рассказывает о Черчилле-человеке, нежели о политике. Множество страниц посвящены отношению героя к любимой жене Клементине, к матери и к отцу — лорду Рэндальфу, к няне, к секретарям и стенографисткам, к соратникам по борьбе. *«Его этика, по существу, была дохристианской, наверно, даже гомеровской. Он неизменно стремился к славе и престижу — как для себя, так и для Британской империи. Но у него было глубоко укоренившееся чувство, подсказывавшее ему, как надлежит поступать, как быть справедливым».*

Полвека спустя после смерти великого англичанина, признанного в ходе общенационального опроса Би-би-си в 2002 году величайшим британцем в истории, Борис Джонсон стремится выяснить — что из обширного наследия Черчилля сохраняет значение в наши дни. И выясняет, что очень многое.

Например, ООН, ведущая свое начало от Атлантической хартии, подписанной Черчиллем и Рузвельтом на военно-морской базе Арджентия близ Ньюфаундленда 14 августа 1941 года. Как и основополагающий англо-американский политический и военный союз, берущий начало в 1940 году. Именно тогда Черчилль, обращаясь за помощью к США, вышедшим из тени Британской империи на первое место в мире по экономической мощи и динамике роста, сформулировал новую доктрину — о двух великих нациях с общей историей, общими традициями и общими ценностями. Именно этим двум нациям, по его словам, принадлежал патент на англосаксонские идеи демократии, свободы, равноправия перед законом и независимого суда. Он ввел понятие солидарных «англоязычных народов», в том числе чтобы преодолеть травматическое ослабление Британии и процесс распада самой большой в мире империи. Америко-британский союз и сегодня представляет собой одну из важнейших кон-

стант мировой и европейской политики. «Человек — это дух!» и «Никогда не отдаляйтесь от американцев!» — завещал он своим соратникам на последнем для себя заседании кабинета министров.

К концу войны Британия представляла собой военную силу второго ранга в сравнении с могущественными США и СССР. Как выразался Черчилль, маленький британский лев тогда «бродил между гигантским русским медведем и огромным американским слоном». Тем не менее Черчилль добился того, что послевоенное устройство мира обсуждалось им на равных, по полному праву, в Ялте и Потсдаме. А Великобритания стала одной из пяти великих держав — победительниц, членов Совбеза ООН с правом вето. Его сила и его авторитет переносились на всю слабеющую Британскую империю, поддерживая ее величие.

Он стоял у истоков европейской интеграции и первым из ведущих политиков призвал к окончательному историческому примирению двух извечных врагов, Франции и Германии, в рамках объединенной Европы. Он был приверженцем идеи создания «Соединенных Штатов Европы», а в обращении по радио еще в 1943 году впервые призвал к созданию Совета Европы.

Для российских читателей увлекательная история, рассказанная Борисом Джонсоном, интересна тем, что поможет увидеть историю XX века с непривычной для нас перспективы — с берегов Темзы. Узнать, к примеру, что интервенция Антанты в Советскую Россию в 1918–1919 годы, завершившаяся полным провалом и эвакуацией британских войск, была единодушно признана одним из провалов лично Черчилля и вошла в британский политический язык под именем «Русская халтура».

Книга Бориса Джонсона — гимн человеку, бесконечности человеческих возможностей при наличии способностей, огромного трудолюбия и несокрушимой воли. Черчилль — великий образец такого трудолюбия и такой воли. Черчилль не только работал, читал, писал и выступал больше всех других политиков, но и всякий раз стремился повлиять на развитие событий, на саму историю. При этом у него было несколько непреложных идей о должном: сохранение Британской империи, укрепление демократии, поддержание британского престижа — и он всю жизнь защищал эти идеи. Здание палаты общин в Лондоне, на берегу Темзы, было для него священным храмом свободы.

Как пережить распад империи, сохранив при этом гордость, самоуважение и величие страны? Как личная храбрость и сила духа могут спасти нацию? Как проводить реформы, без которых не обойтись, и как обосновать их необходимость? Как менять свое представление о меняющемся мире и как создавать в нем прочные союзы? Как совместить свободу, демократию и эффективность? Как пользоваться языком для сплочения и вдохновения нации? Как уметь достойно проигрывать и при этом сохранять достоинство и великодушие при победах? Как не следовать за событиями, а влиять на них? Этому и многому другому может научить современных британцев, и не только их, жизнеописание сэра Уинстона Черчилля.

Четверть века отделяет нас от событий 1991 года.

Обратимся к свидетельству современника.

Перед нами записная книжка из архива писателя Леонида Лиходеева. Темно-зеленый блокнот с надписью V/O «MACHINOEXPORT» на пластиковой обложке.

Черными чернилами исписаны всего шестнадцать страниц из двух сотен (на каждой — гриф «USSR — MOSCOW»). На первой странице читаем:

«Эта тетрадь лежала без дела много лет. В ней сохранились какие-то вырезки — уже не помню зачем.

Я попытаюсь вести в ней что-то вроде дневника.

Этот год (1991) мне кажется последним годом то ли моей жизни, то ли той жизни, на которую ушли все мои семьдесят лет».

Мгновенно попадаем в атмосферу тех далеких дней: тревожные предчувствия, мрачные ожидания, невероятные предположения и надежда на торжество здравого смысла, который кажется автору столь естественным для человека...

Публикуется с сокращениями.

Последний год той жизни...

Январь.

26.

Наконец-то мороз.

Указы нашего державного Набольшего как раз подоспели. Бастовать трудно, отключать электричество и газ — опасно. Других способов утихомирить правящую ватагу нет.

Депутаты докрикивают свои последние возмущения. Дальше, согласно указам, их будут просто приканчивать...

Один указ — ввести патрули из полицейских и армейских, укрепленных танками.

Но это через неделю.

А пока еще указ: КГБ и МВД могут запросто заходить в любые помещения, кажущиеся им подозрительными, даже в отсутствие хозяев.

Воровская власть узаконила грабежи.

Демократы шумят насчет конституционности. Говорить о Конституции в этой стране — все равно что учить политесу хазу, малину.

Надежда на Запад нелепа.

Ну не пришлют зерна или колбасы. Но у власти достаточно пуль и приказов, чтобы отнять у населения оставшиеся крохи.

После вчерашнего грабежа (обмен денег) последует еще грабеж, и еще, и еще.

Премьер Павлов похож на оккупанта:

*Леонид Лиходеев,
писатель (1921–1994)*

Жак Липшиц. Сидящий человек с кларнетом. 1929

– Матка! Яйко давай! Зуп вари курячий!
Это — оккупационная власть.

Едва ли история знала таких свирепых оккупантов, как большевики.

Тысячелетняя гражданская война в России не утихнет никогда.

Может быть, эту бывшую страну, превращенную в озлобленное географическое пространство, цивилизация возьмет на поруки. А может быть, уже и не возьмет.

[...]

У Пуго и Крючкова — лица пойманных за руку шулеров. У Язова не лицо — будка околоточного, глупого, не способного ничего уразуметь. Горбачев похож на отрока, которого застукали за нехорошим занятием.

Янаев ждет своего часа, когда сокрытые до поры придурки намахают уже ненужного им Мишу и посадят паханом Гену.

Горбачев сделал все, чтобы выйти в козлы отпущения. Его будут судить, свалив на него все и ничего не изменив в том, что происходит.

28 янв.

Я не исключаю, даже, наоборот, продвижу грабежи и насилие...

[...]

Между генералами разгорится драка. Стариков будут тузить молодые, молодых — более разумные.

Вот тогда-то, собственно, и возникнет вопрос о земле, о частной собственности — чтобы было, у кого грабить. И это «чтобы было, у кого грабить» делается основой нарождающейся правильной экономики. Военные, кто поумнее, войдут в долю с предпринимателями и, таким образом, сделаются их защитой сначала от чрезмерных грабежей, а затем и от грабежей вообще.

Военные (и партийные), кто поумнее, увидят, что взятка мало чего стоит рядом с правильным, постоянным дивидендом от правильного производства. Они захотят легализацию своих доходов.

Вот тогда-то и пойдет в распыл подпольная система, установленная в 17-м году, система воровская, а потому непроездная.

Если вору некого грабить, если все вокруг уже украдено, он ищет фраера, который бы на него вкалывал. Но если фраер сам — доходяга, вор задумывается, где взять, когда взять негде...

Кто сейчас пахан в этом государстве, я не знаю. Думаю, что не Горбачев.

[...]

29.01.91

Генералы готовятся к предыдущей войне. Предыдущими войнами для сов. Армии были Венгрия, Польша, Чехословакия, Афганистан, Тбилиси, Вильнюс, Рига.

За сорок пять лет после войны Армия не воевала. Она карала безоружных и при партизанском сопротивлении

(Афганистан) застревала на десять лет.

Армия растлена, она уже не войско. Она сверхвооруженная вагата, не очень подчиняющаяся начальнику. Да и начальники не знают целей. Они подчиняются в надежде выслужить хоть что-нибудь в бессмысленной своей жизни.

Генералы не верят в опасность врага внешнего. Они заводят себя, чтобы им не урезали бездонные кредиты, которые они хотят по-прежнему разворовывать.

Патриотизм в этой стране всегда был отмычкой к казне.

Статские начальники готовятся к предыдущей экономике. Наиболее умные из них стараются (и с успехом) задушить малейшие проявления новых экономических связей. Собственно, даже не новых, а просто — нормальных.

Не давать населению кормиться, держать его впроголодь — это основа ленинской государственности, то есть система лагерной, барачной пирамиды.

Буш не приедет в феврале. Причина — якобы война в Ираке. На самом деле —

перемена внешней политики Горбачева. Внешняя политика не может долго отличаться от внутренней. Дружба этой системы с уголовником Хусейном естественна. Система всегда, с самого начала выискивала друзей среди уголовников.

Система неконкурентоспособна и дика. Она всегда действовала террором, мошенничеством, вероломством. Она не приспособлена к правовым нормам.

Когда Буш добьет Хусейна (в чем ему будет мешать Горбачев), начнутся за границей интеллигентские дебаты насчет прав человека в СССР. Возможно, к тому времени Горбачева прогонят его нынешние заединщики. Они свалят на него перестройку и возродят старые времена...

... Смертники уже выделяются из общего демократического хора. Это — великие люди. Это люди мужества. Когда-нибудь их причислят к лику святых. А пока их просто начнут убивать.

Страна еще не разгромлена, поскольку еще ходят трамваи и горят газовые плитки. Покончить с этим ничего не стоит. 25-го была проба: выключили свет в нашем районе на 4 часа. И что? А ничего...

Говорят, 17 млн тонн зерна недодано в «Закрома Родины». Должно быть, утаили в колхозах. Возможно, наиболее умные председатели раздали зерно колхозникам. Значит — будут отбирать. Значит — будут жечь хлеб. Значит, впереди все те же разверстка с голодом, тифом, классовой борьбой. Значит, впереди — естественное состояние системы: беспощадная война правящей ватаги против слабоумного населения.

Я смотрю на чистые, честные лица, все еще пытающиеся проникнуть на телевидение. Я слушаю их и мысленно прощаюсь с ними, как прощаются с жизнью. Я стар. Я уже ничего не могу. Жизнь уходит — я это чувствую.

Что будет после нас — Бог весть...

30 янв.

— А что сказал диктор? А как он выглядел: улыбался или нет? Ехидно или не ехидно?

Наступает тьма дезинформации. Совершенно неясно, что с ней делать.

Так называемые левые газеты удручают своей непрофессиональностью. Голые бабы, анекдоты, Кашпировский и тяжкие предчувствия Ельцина.

Генералов покусывают, пощипывают на уровне — сколько он скушал сервелата или сколько он платит за апартаменты.

Официозы клянутся — ничего страшного. Просто будут ходить патрули, чтобы грабители боялись грабить. Про ту часть указов, где позволено входить когда угодно и куда угодно в помещения — ни слова. Возможно, на первых порах они никуда входить не будут. Но когда начнут — выяснится, что входят по закону. Не исключено, что депутатов не станут пускать ни в Моссовет, ни в «Белый дом», как теперь называют в самоутешение Верховный совет РСФСР.

Власть напоминает раненого медведя. Конечно, он испустит дух, но сначала он задерет незадачливых охотников.

Возможно, Буш намекнул Бессмертных насчет Прибалтики — дескать, выводите оттуда своих головорезов, иначе будет плохо. Но ввести их назад ничего не стоит.

Республики откалываются одна за другой. Прибалтику Горбачев, допустим, отдаст. Отдаст и Закавказье. И останется Россия — испытательный полигон для истязания властью населения.

2 февр.

Горбачев вызывает в суд Артема Тарасова. Тарасов объявил, что Горбачев собирается продать Японии Шикотан за 200 млрд долларов.

Вообще — похоже.

Запад помогал нам исходя из того, что мы сами с его помощью наладим свое

товарное производство, основанное на нормальных общественных отношениях.

Эти нормальные отношения вытеснили бы партийную шоблу.

Японии нормальных отношений не надо. Она задыхается без сырья. Ей нужно сырье и дешевая рабочая сила. Более дешевой рабочей силы на свете нет, чем у нас. Даже если зарплату утроить (что вызовет восторг у широких масс), это будет самая дешевая рабсила.

Что будет дальше?

Дальше будет все. Бардаки, трактиры, шумки, пособия по безработице.

Откуда это возьмется?

От сверхэксплуатации природных ресурсов и населения.

Но — ресурсы будут эксплуатировать по новейшей технологии, а население заставят работать с производительностью, близкой к современной. Иначе — выгонят с работы.

А куда девать партию?

В надсмотрщики.

Шобла будет разъезжать не на хамовозах, а на тойотах. Процент эксплуатации будет так высок, что содержать эту шоблу будет очень выгодно. Она будет представлять собою как бы «национальное лицо» возродившейся страны. Ее это вполне устроит. Ее холопское происхождение и холуйское житье-бытье уже готово принять хозяина...

Возможно, Горбачева уберут — слишком много прозападных слов он наболтал. Возможно, ему припомнят и гласность, и демократию, от которых никакого толку не было.

Страна готова стать колонией. Но Запад всегда был жупелом, «империализмом», «капитализмом». Восток же всегда был как бы угнетенным.

Япония будет платить русским туземцам за хорошие мозги. Может быть, столько же, сколько своим.

[...]

4 февр.

У Горбачева остался единственный аргумент в пользу доказательства преимуществ социалистического выбора: автомапы и танки.

... Власть ради власти — единственная задача ленинизма. Убивать, запрещать и держать население впроголодь. С голодными легче управляться.

Не знаю, что будет впредь, если эти преступники закроют газеты и велют больше трех не скопляться. Может быть, им удастся вернуться к рабовладению. Одна надежда (впрочем, весьма слабая) на то, что мир стал иным. Мир-то, может быть, и стал иным, но кровь осталась та же. Утверждение «всех не перестреляешь» — весьма наивно. Всех и не надо перестрелявать, достаточно миллиона два, и победа социализма снова будет утверждена.

Голод сделает свое дело. За кулек мокрой каши люди будут предавать, наушничать, врать, доносить, выкручиваться. За два кулька мокрой каши они будут служить режиму.

До сих пор среди прекрасодушных идиотов ходит слух, что Горбачев-де продолжает разваливать систему. Это похоже на многолетнюю веру в коммунизм: еще одна-две трудности, и с утра наступит рай. Рая не будет. Ад уже наступил.

Существование газет не следует относить на счет продолжения политики гласности. Газеты терпят из-за страха — единственного чувства, которое двигало этими свирепыми ублюдками во все времена их правления...

[...]

Как будет кормиться народ, чтобы не сдохнуть? Сажать картошку в сквериках, воровать у нищих, приспособливаться к власти.

Национального самосознания у народа нет и в общем никогда не было.

Отстрелять пару миллионов (даже не один процент населения) ничего не стоит.

Любовь Попова. Раннее утро. 1914

А Запад? А Западу насрать. Запад слишком прагматичен, чтобы водить за ручку слабоумного русского алкаша.

Демократы ведут философские разговоры — влезет ли верблюд в игольное ушко. Не влезет. Основной упор власти — против частной собственности, против приватизации, против фермерства, против торгового посредничества.

К какой партии вы принадлежите? Какой идиотический вздор! Я лично принадлежу к той партии, которая хочет пахать, сеять и продавать продукт своего труда.

Я принадлежу к той партии, которая хочет, чтобы у детей не было авитаминоза.

Слушайте, ну кто вам отдаст эту партийную собственность? Что вы валяете дурака?

Все современные уважаемые богатства в начале своего развития имели самые гнусные способы первичного накопления. Грабежи, шулерство, воровство, обман, подлоги. Потом эти грабители, шулера, воры, обманщики и мошенники вынуждены уже были вести свои

дела более или менее цивилизованно. Дети их, а уж внуки подавно, заняли места в Кембриджах, стали филантропами и заняли посты президентов благотворительных фондов.

Не все, далеко не все воры выдержали конкуренцию себе подобных, потому что не все они, далеко не все оказались способными к ведению дела. Они разорились, продав, променяв, промотав награбленное. То же самое произойдет с нашими партийными хапугами. Присваивая награбленное у народа, они против своей воли создают рынок, который распорядится капиталами нормально.

Возможно, какой-нибудь Тютюкин окажется талантливым коммерсантом. Был секретарем обкома или членом ЦК, а стал предпринимателем. Мы, современники его, влекомые справедливостью, будем возмущаться: как так? Взяточник, ворюга и вдруг — хозяин завода! Ну и хрен с ним! Дети его уже вынуждены будут подчиняться диктату рынка. А не подчинятся — вылетят в трубу. Но среди нынешних бандитов очень немного талантливых коммерсантов. Они вылетят в трубу скоро, уже в первых схватках со своими обкомщиками и цекашниками-однокашниками. Они хотят присвоить награбленное? Пусть! Это единственный путь заинтересовать их введением рынка. Будете вопить о справедливости — они вас подавят танками. В их руках и заводы, и колхозы, и танки.

Отдайте какому-нибудь Стародубцеву колхоз. Пока этот колхоз подпитывается госбюджетом, Стародубцев живет, не нарадуется. А когда колхоз станет его собственностью — он почешется насчет производительности труда, насчет прибыли, насчет доходов. Сможет самокупиться — исполать, не сможет — вынужден будет продать имение тому, кто сумеет взять доход.

То же самое с заводами. Пока все это добро в одних руках — у них один источник самоуспокоения: государственный

бюджет, то есть грабеж населения. А растасканное по кланам богатство само по себе делается источником внутривидовой драки, конкуренции. Они будут отхватывать друг у друга куски и терять их. Они объединятся с «теневой экономикой», в которой гораздо больше разбойников, чем талантливых коммерсантов.

Конечно, понадобится время, прежде чем экономика наберет правильный ход. Но таковы законы первичного накопления. С этим ничего нельзя сделать. Пусть воруют, пусть грабят, пусть отымают. Но это воровство построено на личном интересе. И пока в действие не войдет личный интерес нынешних распорядителей всенародного хозяйства, говорить о его оздоровлении просто нелепо.

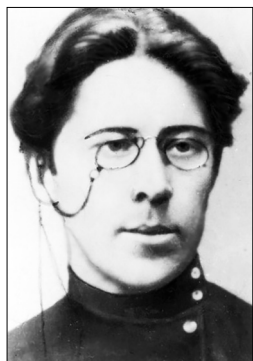
Они уже смирились с наступлением рынка. Они уже исподволь влезают под своими и под чужими именами в кооперативы, совместные предприятия, в фикции — лишь бы урвать, присвоить... [нрзбрч]. Им пока еще кажется, что деньги (башли, бабки) растут в ведомостях. Но скоро, очень скоро они увидят, что их надо зарабатывать. Пускай увидят! Не загоняйте их в подполье своими идиотскими рассуждениями насчет справедливости. Дайте им воровать открыто! И они погибнут, провалятся, прогорят. Кроме, пожалуй, немногих, кому дано от Бога быть предпринимателем.

А пока они будут осваивать присвоенное — вырастет подлесок мелких и средних владельцев-умельцев, тех самых, которые, собственно, и являются основой здоровой экономики.

Кончайте со справедливостью! Пускай ворюга не прячет своих миллионов! Пускай он их вкладывает в дело. Если он бездарен, он прогорит. Если он одарен — дай ему Бог.

Благо нации в открытой, поощряемой собственности.

И забудьте свои номера с марксистско-ленинской справедливостью.

Питирим Александрович Сорокин (1889–1968), самый знаменитый в университетских кругах всего мира наш соотечественник, один из столпов современной социальной науки, видный общественный и политический деятель России начала XX века, бескомпромиссный человек и мыслитель, да и вообще — удивительно яркая и самобытная личность.

Революционный 1917 год застал его в самом расцвете сил. За спиной — десятки публикаций в научных и публицистических изданиях. Практически он один тогда олицетворял собой новое знание об обществе — социологию, которая с большим трудом пробивала себе дорогу в интеллектуальном пространстве империи, по старинке отдававшей предпочтение высоким искусствам, литературе и метафизике. После Февральской революции, не задумываясь, он откладывает свои научные занятия, погружаясь с головой в кипучую революционную деятельность. Был членом Временного правительства, а одно время даже министром без портфеля.

На посту редактора газеты «Дело народа» Сорокин пытался развить свои идеи гражданского просвещения. Как из забитого подданного сделать свободного гражданина? Как пробудить в человеке потребность жить жизнью общества? Как, в конце концов, сформировать в стране современную гражданскую культуру? Тема прав и обязанностей граждан и прежде всего власти для него становится центральной.

Обязанности власти и обязанности гражданина*

В полицейском государстве между гражданином и властью лежит пропасть. Взаимоотношение между ними вполне ясно и определено: власть и ее носители приказывают, подданный, обыватель — подчиняется. На стороне первых — право государства, на стороне второго — безусловная обязанность подчинения. Не только высшие носители власти, но и каждый чиновник, по выражению Майера, в отношении к подданному тоже своего рода король: подданный должен беспрекословно подчиняться ему во всем, что он прикажет. (O. Mayer. Le droit administratif. 1, 46). Короче — здесь даны господская власть и бесправный обыватель.

Иначе обстоит дело в правовом государстве. Здесь нет и не может быть таких отношений, здесь нет места господской власти. Она заменяется здесь социально — служебной властью. Носителем власти, должностным лицом здесь является тот, кто взял на себя обязанность общественного служения. Именно эта черта и является основной чертой, выделяющей должностное лицо от гражданина. Министр, чиновник, член земской управы, городской думы и т.п. — все это носители власти, должностные лица, ибо они взяли

* «Воля Народа». № 3, 1 мая 1917 г.

на себя обязанность социального служения, не безграничного господства, а именно служения общественному благу и интересам.

Но раз так, то встает вопрос: чем же отличаются носители власти, должностные лица от граждан?

В юридической литературе на этот счет был предложен ряд признаков, но все они оказались негодными. Итог развития юридической мысли по этому вопросу таков: между гражданином и должностным лицом, носителем власти, нет никакого различия, всякое должностное лицо — гражданин и всякий гражданин — должностное лицо.

Такому решению много способствовали теории французских административистов и государствоведов — теория Дюги и теория Жеза. Дюги, усматривая характерную черту носителя власти в обязательной службе на общую пользу, указал, что к должностным лицам относятся косвенно не только те, кто участвует в этой службе «постоянным и нормальным образом», но и *agents employés*, простые служащие (Duguit: *Traité*, 1, 426–429). Жез пошел дальше и отнес к должностным лицам всех сотрудничающих в деле общественного служения (*les auxiliaires*, 9, Jeze: *Cours de droit publique*, 391).

Но раз это так, то разве не каждый гражданин должен участвовать и участвует в деле общественного служения? Разве солдат, защищающий родину, не служит на общую пользу? Разве крестьянин, трудолюбиво обрабатывающий поля, что не менее необходимо для общежития, чем деятельность губернатора, не участвует в деле общественного служения? То же можно сказать и о рабочем, ученом, артисте, враче, педагоге и т.д., добросовестно выполняющих свои обязанности. Разве их работа не есть работа служения общественным интересам?

В силу сказанного немудрено, что теперь юридическая мысль пришла к положению: всякое должностное лицо, носитель власти — гражданин, и всякий гражданин — должностное лицо.

Это положение точно и вполне правильно было сформулировано в нашей литературе А.И. Елистратовым (Вопросы админ. права, 76–89).

Раз это так, то отсюда само собой следуют выводы:

- 1) В правовом государстве всякий гражданин является участником власти, поскольку он служит делу общественного блага.
- 2) В силу этого он несет на себе все права власти, но вместе с ними и все обязанности, вытекающие из принципа социального служения.

Остановимся на этом выводе. Он заслуживает внимания в данное время. Россия только что перешла от состояния полицейского государства к правовому. Место господской власти заняла у нас социально-служебная власть. Место бесправного обывателя, не несшего на себе никакой ответственности за судьбы всего государства, занял полноправный гражданин, имеющий все права власти, должностного лица, но вместе с ними и всю ответственность, все обязанности последнего.

К великому сожалению, эта аксиома недостаточно осознана не только широкими слоями населения, но и многими руководителями последнего. Правовая психика их претерпела сдвиг, но сдвиг односторонний. Сознание своих полномочий, сознание своих прав вошло в правовую психику, а со-

Наум Габо. Конструкция в пространстве. 1959

знание связанных с ними обязанностей не проникло вовсе или проникло в недостаточной мере.

Этим объясняется ряд явлений, наблюдающихся в наши дни: ответственность за судьбы страны возлагается лишь на центральную власть, а на самих себя ее брать не хотят. Требование социального служения предъявляется к власти в полной мере, ее контролируют, ее упрекают, указывают ее ошибки, вмешиваются в ее действия, от нее требуют одно-

го, другого, третьего и т.д., но в то же время это требование в недостаточной мере предъявляется гражданами и их руководителями к самим себе.

Разве является социально-служебным поведение тех групп, которые только разрушают и критикуют, но ничего не создают?

Разве социальное служение представляют сотни тех поступков, которые дезорганизуют жизнь страны и армии?

Разве можно назвать социально полезными те в иных условиях вполне законные требования, которые то тут, то там предъявляются к власти и отдельными группами, и классами, и лицами, требования, удовлетворение которых явно и очевидно возможно лишь за счет тоже законных интересов других групп, и классов, и лиц?

Есть в наше время и такие лица, которые знают только требования и знать ничего не хотят об обязанностях.

Короче говоря, в итоге перехода к новому строю наблюдается гипертрофия сознания своих прав гражданами и атрофия сознания своих обязанностей и наоборот: преувеличенное сознание обязанностей власти и недостаточное сознание ее прав.

Такая односторонность понятна, но она малоутешительна. Эти именно условия благоприятствуют опасному распадению общества, росту в нем анархии и всех ее последствий.

Прав граждан теперь никто не оспаривает, но вытекающие из них обязанности многими забываются.

Подлинное же понятие гражданина требует того и другого. Тем именно, что он сознает не только свои права, но и обязанности, умеет не только предъявлять требования к другим, но и к себе самому, гражданин отличается от деспота, с одной стороны, и от взбунтовавшего раба — с другой...

Каждый гражданин — носитель власти в известном объеме, в том, который диктуется принципом социального служения, откуда и следует, что иерархия власти и ее органов не исключается этой конструкцией, но поэтому же он несет на себе и всю ответственность, и все обязанности власти соответственно его общественной функции.

Если это положение будет осознано всеми — Россия спасена, если нет — ее судьбы подвергаются опасности. Но если последнее наступит, виноватой будет не только власть, но и все те граждане, которые недостаточно осознали и осуществляли лежащие на них обязанности.

Закончим сказанное положением: гражданину — вся полнота власти, но и вся полнота обязанностей!

Задачи ведомства народного просвещения*

В ряду множества кризисов, переживаемых теперь государством, едва ли не самым острым кризисом является кризис культурных сил, кризис знания. Теперь, когда революция потребовала напряжения всех культурных сил страны, этот недостаток культурности, образованности и знания почувствовался особенно остро. Нет людей, нет знающих свое дело работников. Их не хватает. Наличным культурным силам приходится разрываться, прыгать выше своей головы, брать на себя больше того, что они в состоянии выполнить. Отовсюду несется вопль: дайте специалиста, дайте агитатора, пришлите работника, лектора, инженера, техника, организатора, инструктора и т.д. и т.п. Сил нет. Запас высшего богатства — знания — оказался слишком ничтожным. Долгие годы сознательно воспитываемая в невежестве страна не успела накопить в скольконибудь достаточной сумме это богатство. И теперь приходится ей расплачиваться за это. Ряд важнейших общественных функций приходится брать на себя лицам, заведомо неподготовленным. Плохо ли, хорошо ли это — доказывать не приходится. Всякая демагогия, не имеющая возможности привиться в стране культурной, у нас процветает и приносит пышные плоды в виде бесконечных эксцессов, то больших, то малых. Сотни кризисов, которые не имели бы места при достаточном запасе знания, у нас стали бытовым явлением и с каждым днем растут, с каждым днем обостряются.

Нужно ли после этого доказывать, что так не может и не должно быть в будущем. Развитие и культивирование знаний в нашей Родине — задача очередная, неотложная и, быть может, важнейшая из важнейших.

Понятна поэтому вся значительность той роли, которую теперь должно выполнить министерство народного просвещения. От самого общества и от этого ведомства в значительной степени теперь зависят судьбы будущих поколений России и самой России.

Если мы не хотим по-прежнему плестись в хвосте культурных государств, если не желаем по-прежнему оставаться «дикими скифами», мы должны сделать все возможное, чтобы наверстать потерянное время и хоть отчасти догнать наших западных соседей. Очевидно, этого нельзя будет достигнуть, если по-прежнему мы будем только кое-как заботиться о народном просвещении, если по-прежнему будем в обрез ассигновать на все ничтожные суммы, если по заведенному обычаю будем подавлять частную инициативу, ставить препятствия для широких народных масс в их стремлении к среднему и высшему образованию, пичкать головы учащихся ненужными сведениями, не давая им необходимого, и т.д.

Короче говоря, и общество, и ведомство просвещения должны расстаться с былой постановкой образования в государстве, пересмотреть всю укоренившуюся систему и перестроить ее сверху донизу заново.

* «Воля народа». № 51, 28 июня 1917 г.

В ряду множества мер, необходимых для достижения этой задачи, основными, с нашей точки зрения, являются:

1) Полный пересмотр программ низших, средних и высших учебных заведений, удаление отсюда всего ненужного, введение ряда новых предметов и интенсификация как преподавания, так и усвоения преподаваемого. Не входя здесь по существу в рассмотрение этого вопроса, можно, однако, сказать, что при надлежащем решении этой задачи возможно было бы усвоение всего курса средней школы в течение времени по крайней мере вдвое меньшим, чем теперь. Проекты подобных новых программ имеются и в западноевропейской, и в русской литературе. Укажем хотя бы на проект, составленный еще в 1905 году Овсяниковым и Шохюр-Троцким.

2) Приведение в систему самих школ с целью предоставления полной возможности перехода из низшей в среднюю, из последней — в высшую. Эта цель достижима двумя путями: упорядочение самой системы, удаление всяких препятствий, существующих теперь и не позволяющих лицу, сплошь и рядом подготовленному, из-за отсутствия диплома поступать в среднюю и высшую школу. Пора покончить с этим вредным предрассудком. Теперь, например, кончившие учительские семинарии и учительские институты не могут поступать в университет из-за отсутствия «аттестата зрелости». Кому же, однако, неизвестно, что сплошь и рядом они бывают гораздо подготовленнее, чем множество «дипломников».

Кому же неизвестно, что сплошь и рядом мы встречаем множество лиц без всякого диплома, для которых двери высшей школы закрыты окончательно и которые, однако, в сотни раз более подготовлены к науке, чем рядовой студент. Какой резон закрывать двери университета для таких лиц! Кто от этого выигрывает?!

Этим я хочу сказать, что с точки зрения и индивидуальной, и общественной пользы совершенно излишним является требование дипломов для поступления в средние или высшие учебные заведения. Двери храма науки должны быть открыты для всех. Пусть каждый туда входит свободно. Может ли он там оставаться или нет — это покажет его работа. Если он окажется достаточно подготовленным, будет писать научные рефераты, работать над наукою и т.д., то, значит, он годен. Если этого не окажется — тогда должен уйти. Система дипломов построена в презумпции неподготовленности недипломированного; это предположение теперь должно замениться презумпцией подготовленности. При таких условиях наука действительно будет доступна для всех, ее жаждущих. Удалены будут шлагбаумы, до сих пор не подпускавшие к ней народные массы.

Препятствием к осуществлению этой задачи может стать только недостаток учебных заведений. Этого недостатка не должно быть. Государство должно ассигновать для этой цели суммы в сотни раз большие, чем теперь. Пора же понять наконец, что в знании — сила и спасение народа. Экономия здесь неуместна.

3) Рядом с этой реформой неизбежно проведение и другой — это обеспечение народным массам материальной возможности для обучения и продолжения образования. Недостаток материальных средств — вот то, что до сих пор служит главным препятствием на пути народных масс в их

Фернан Леже. Шагающий цветок. 1953

стремлении к образованию. Приходится удивляться тому, что все же из народа находились тысячи лиц, которые, голодая и нуждаясь во всем, сплошь и рядом надрывая свои силы и тратя их на кусок хлеба, находили возможным поступать, учиться и кончать высшую школу. С этой несправедливостью судьбы пора покончить. Государство, в своих собственных

интересах, обязано прийти здесь на помощь народу и создать денежный фонд, обеспечивающий каждому желающему учиться возможность своего существования. Нужда не должна стоять на пути к этой цели. Будет ли это сделано в виде фонда государственных стипендий, даваемых каждому, в них нуждающемуся, и взыскиваемых с «стипендиата» по окончании ученья, будет ли это осуществлено в какой-либо иной форме — не важно. Важна суть дела. А она такова, что осуществление ее — требование времени, диктуемое интересами самого государства. Расходы на это дело возместятся сторицею.

4) Рядом с этой задачей распространения знаний вширь неотложной является и иная задача — роста знания вглубь, обеспечение для работников науки возможности спокойного научного творчества, новых изобретений, новых открытий, короче — полного посвящения себя науке. До сих пор эта сторона дела у нас была в том же загоне, как и первая. Научные, специальные журналы не могли процветать, ибо частных средств не было, а государство не отпускало нужных для их издания сумм. Множество лиц, зарекомендовавших себя отличными работниками науки, принуждены были большую часть времени тратить на заработки, посвящая своей науке лишь остаток времени. В итоге они отрывались от науки и богатые силы пропадали даром. Число лабораторий и всевозможных научных институтов было до нелепости мало. Государство находило возможным тратить сотни тысяч на рептильные газеты и отказывало в средствах для лабораторий, научных журналов и для самих работников науки. Последняя, с его точки зрения, была роскошью, доступной лишь для обеспеченных классов. Посему этот путь, путь науки, для людей неимущих был поистине путем тяжелым, путем тернистым, путем лишений и испытаний.

Пора покончить и с этим порядком. Он несправедлив, вреден для государства, для науки и для самого прогресса человечества.

Таковы в схематических чертах огромные задачи, стоящие перед ведомством просвещения. В другое время они признаны были бы утопичными. Теперь — достижение их не только возможно, но прямо необходимо.

Пора бросить систему «процеживания комаров» и накладывания заплат в деле реформирования разваливающегося здания народного просвещения. Необходимо на дело взглянуть шире и смелее.

Делает ли это министерство просвещения? Пока не видим. Сделает ли оно в будущем? Посмотрим.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ГРАЖДАНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Наши авторы:

Лев Гудков

Василий Жарков

Томаш Зарыцки

Андрей Захаров

Владислав Иноземцев

Алексей Кара-Мурза

Вадим Кловгант

Иван Крестев

Соня Лихт

Михаэль Мертес

Мажена Рафальска

Владимир Рыжков

Подписано в печать 31.12.2015.

Формат 70×108/16.

Усл.-печ. л. 11,5.

Тираж 500 экз.

Заказ №

Школа гражданского просвещения

127006 Москва,

Старопименовский пер., д. 11/6, строение 1

<http://www.civiceducation.ru>

ISBN 978-5-91734-107-5